

С. П. Утков, М. Д. 118149
415419
I

ПЕРЕСМѢШНИКЪ

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ЧАСТЬ I.

Изданіе третіе съполправленіемъ.

МОСКВА.

Въ типографіи Пономарева

1789.

С. Шукков, М. Д.

Лі 5419 I

ПЕРЕСМѢШНИКЪ

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ЧАСТЬ I.

Изданіе третіе съполправленіемъ.

МОСКВА.

Въ типографіи Пономарева

1789.

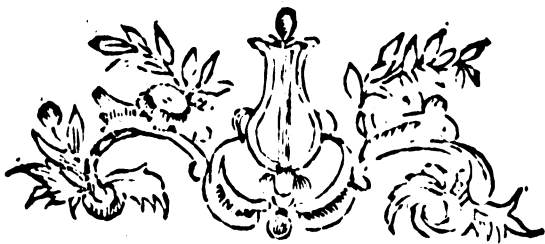
DG 3311

C5P4

1789

v. 1/2

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Господи! читатель! кто ты таковъ ни есть, для меня все равно, лишь только будь человекъ добродѣтельной, это больше всего: ты не можешь онгадать, съ какимъ намѣрѣніемъ выдаю я сіе собраніе словъ и рѣчй, ежели я не скажу тебѣ самѣ; только не подумай, что я намѣренъ солгать, и впервые свидѣанись съ тобою, тебя обмануть. При первомъ свидѣаніи, съ кѣмъ бы то ни было, я ник гдѣ не агу; а развѣ уже довольно възнавшись, шѣ дѣло сбывное.

Ежели можно мнѣ повѣрить, какъ человеку умѣющу му хорошо агншь и съ случѣнныи ды говорить по невѣдѣ правду; шѣ я скажу, что выпускаю сію книгу на волю не съ шѣмъ, чтобъ сею прѣдметомъ и шѣму что нечѣмъ, ибо бездѣицею дѣла му свѣту показаться не возможно; а единственно для того, чтобъ научишься. Я прежде представляю,

(*) А это можно по тѣмъ сущестъ обыкнѣ обеснѣнѣ въ нѣдѣннго свѣннѣ.

сколько будуль обѣ ней перетоваривать, пересужать и кечислять въ негрѣшности; тогда я, какъ человекъ посторонни буду слушать ихъ разговоры и впередъ воздерживаться отъ моихъ слабостей. Другое, что ежели бы я не выдалъ ее и покусила бы сочинить что нибудь важное, то не зная моихъ ошибокъ, положила бы ихъ равно и въ хорошихъ сочиненіи.

Въ сей книгѣ важности и нравуоченія очень мало, или ео рѣшѣ нѣтъ. Она и удобна, какъ мнѣ кажется, исправить грубыя нравы; опять же нѣтъ въ ней и шова, чѣмъ оныя умножить; и такъ оставивъ сіе об. е. будеть она полезнымъ препровожденіемъ скучнаго времени, ежели принудишь трудъ ее прочитать.

Мнѣніе древнихъ писателей: Естьли кто презираетъ м. лья всѣхъ, тотъ никогда много разумѣть не можетъ. Я сп. ражусь быль писателѣмъ, естьли только когда нибудь мнѣ сносудается; и все мое желаніе основано на эпосѣ; и какъ сіе еще первой мой трудъ, то не осмѣлился я приняться за важную матерію, по тому что вдругъ не можно мнѣ быть об. всѣмъ свѣдушу, а со временемъ можетъ быль и получу сіе счастье, что назовутъ меня сочинителѣмъ; и когда я снису сіе имя, по надобно, чтобъ разумъ мой уже просвѣтился и сдѣлался я побольше свѣдушѣ: чего желаю сердечно и прошу моихъ знакомцовъ, чтобъ и они также мнѣ онаго пожелали, ежели не позавидуютъ; а въ доказательство своей дружбы, читавъ сію книгу, открывали бы приятель

ски мои въ ней погрѣшности, что будетъ слу-
жить къ моему поправленію.

Долженъ я извиниться въ томъ, что въ
такомъ простомъ слггь моего сочиненія есть
нѣсколько чуждееприныхъ словъ. Оныя казавъ
я иногда для лучшаго прилпшенія слуху, ино-
гда для того, чтобы надъ другими посмѣя-
ться, или для той причины, чтобы посмѣя-
лися шбмъ надомною Человѣкъ, какъ связы-
ваютъ, живиное смѣиное и смѣющееся, пере-
смѣхающее и пересмѣхающееся: ибо все мы
подвержены смѣху и все смѣея надъ дру-
гими,

Сверхъ же всего есть такіе у насъ сочи-
нители, которые Рускими буквами изобража-
ютъ Французскія слова, а малознающіе лю-
ди, которые учатся только одной грамотѣ,
да и то на мѣдныя деньги, увидѣвъ ихъ на-
печатанными, думаютъ что по красотѣ на-
шму языку; и такъ вписываютъ ихъ въ за-
писныя книжки, и послѣ зашверживаютъ; и я
слыхалъ часто смѣ, какъ они говорятъ: вмѣ-
сто, пора мнѣ итти домой, время мнѣ ишпере-
соваться (*) на кватриру; вмѣсто, онъ буду-
чи такъ мелодъ упражняется въ волокителствѣ,
онъ будучи такъ малъ, упражняется въ амури-
ныхъ кшштуляціяхъ; и весь почидай госпоиной
дворъ говоритъ устами не давно проявившагося

(*) *Вмѣсто ретироватся; однако и это не
хорошо, да и нужда не въ томъ, чтобы
былъ смыслъ, и нужда только во фран-
цузскомъ.*

сочинителя Я желалъбы, чтобъ господя мла-
дознающаго языкъ, не сдѣловали такому на-
спазнику; для того что чужезырянныя слова со-
всѣмъ имъ не годятся, и не всякой Рускй че-
лвкъ пойметъ ихъ знаменованіе, да и за чѣмъ
безъ нужды употреблять не нужное, и ежели
сказать правду, то они слушаютъ больше намъ
вредомъ, нежели цѣлолеванымъ нарѣчѣмъ.

Господинъ читатель! прошу, чтобы вы
не старались узнать меня, по тому что я не
изъ тѣхъ людей, к которымъ случитъ по городу
четырьмя колесами и поднимающіи дѣшмъ бль-
шую пыль на улицу; сдѣловать же себя во
мнѣ нужды нѣтъ. (Смѣлок) Мало я имѣю по-
нятія, столько низко мое достоинство, и поч-
ти совсѣмъ не видать меня между великолѣп-
ными гражданами; а ежели вы меня узнаете,
то не рѣшимо долженъ будете изречьъ своей
помощи моему спящему, что будетъ для
себя можетъ быть лишни трудъ; а есть мно-
го такихъ людей, к которымъ совсѣмъ не охот-
ники дѣлать величественствія: шкъ ежели
ты изъ сего чисти, то не старайся пожалуй и
пугла смѣрять и меня, когда будешь нѣхо-
дить во мнѣ нѣкъ шрѣе признаки. Я бываю
одѣтъ шкъ, какъ все люди, и ношу кафтанъ
съ французскими бѣрами, а что еще больше
служитъ къ примѣчанію, то снѣ роду мнѣ
двадцать одинъ годъ, и я человекъ совсѣмъ
безъ всякаго недостатка, что касается до
человѣчества, то есть во всемъ его образѣ;
только крайне бѣденъ, что всѣмъ почти мѣл-

к правчатымъ, такимъ, какъ я, сочинителямъ
общая участь.

Мое мнѣніе такое, но не знаю, какъ
приметъ его общество; лучше писать худо,
нежели советамъ ничего не дѣлать. Когда кто
можетъ чтонибудь, хотя не важное, расположить
порядочно, то тогда мнѣ кажется легче при-
няться можетъ и за хорошее; а когда же кто
не располагаетъ бездѣлицъ, то тогда важнаго ни-
когда расположить не можетъ. Кто плавать
по рѣкѣ, то тогда смѣлѣе пускается въ море. При-
вычка и частое упражненіе дѣлаютъ, слы-
халъ я, приводящій въ совершенство. Когда
же мы чемунибудь научимся, то тогда
ступимъ къ нему весьма туго, и тогда тогда
произошла пословица: первую пѣсенку зар-
дѣвшись слышь.

И такъ великодушной и добродѣтельной
человѣкъ извинилъ меня и пожелалъ, чтобы я
научился; а еслили возмужаетъ на меня на-
смѣшники, к которымъ изъ зависти больше спа-
раются испорчить человѣка нежели исправить,
по тому что они не умѣютъ и вмѣсто разума
вмѣютъ епоть даръ отъ природы, чтобы и
худое и доброе разсмѣхать, не зная въ обо-
ихъ толку, то я скажу имъ сонъ, к которому я
въ прошедшую ночь видѣлъ.

Снилось мнѣ, будто бы я гулялъ на Ве-
нериной горѣ и поймавъ двухъ ея Нимфъ цало-
валъ сплать, сколько мнѣ заблагодарилось,
по тому что цаловаться съ дѣвушками прече-

дикой я охотникъ. Вдругъ услышалъ голосъ умирающаго ребенка: я и няюу жалоспаниъ, а не только во снѣ; и такъ бросился на избавленію оному. Прибѣжавши на голосъ, увидѣлъ я сидящую злобную Апу, которая давила въ своихъ колыняхъ молодого Санира. Онъ уже починаи умиралъ, я вырвалъ его съ превеликимъ трудомъ изъ ся рукъ, и спараніемъ моимъ спасъ его жизнь, которую уже было онъ готовился поперить. Вдругъ предсталъ передъ меня Меркурій, и объявилъ, что присланъ онъ отъ собранія боговъ, кои рые пребууютъ меня къ себѣ. Понимъ въ одинъ мигъ перенесъ меня на Олимпъ. Тутъ увидѣлъ я премного заставляющихъ боговъ. Нанѣ, подошедъ къ Юпитеру, просилъ его, чтобы онъ за избавленіе мною его сына, кои рю о жоньла умершвишь Апа, сдѣлалъ мнѣ награжденіе. Юпитеръ приказалъ подарить мнѣ свои совѣты, чѣмъ бы наградишь такого смершнаго, которой возвратилъ жизнь Панову сыну. Момово мнѣнте принято было лучше всѣхъ; онъ съ позволенія Зевсово подарилъ мнѣ перо, и сказалъ, что до скончанія моей жизни могу я имъ писать никогда не очиня, и чѣмъ больше стану его употреблять, тѣмъ больше будетъ оно искуснѣ черкать. И такъ писалъ я имъ сию книгу, и какъ въ первой разъ его употребилъ, шѣ можно видѣшь, что оно еще не описалось, а по обѣщанію Момову можетъ быть оно придетъ со временемъ въ совершенство и будетъ порядочнѣ чертить по бумагѣ.

И такъ, выдавая сию книгу, примолвилъ слова нѣкотораго говоруна: кто желаснѣ

отдаться морю, топъ не долженъ на рѣкѣ
спрашиться слабаго волненія.

Подъ именемъ рѣки разумѣю я насмѣшниковъ, противъ которыхъ и мой ропъ также свободно распвориться можетъ. только думаю, что имъ мало будетъ выигрыша шутяпъ съ такимъ маловажнымъ человекомъ, которои бываетъ иногда легче бездушнаго пуху и которои въ случаѣ нужды также опшучиваться умѣетъ.

Русакъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ГЛАВА I.

Начало пустословія.

Господинъ Адударовъ, котораго называли моимъ ошцомъ, (а правильно или ишь, о шомъ сомнѣванья всякому позволено: ибо дословной сему свидѣтель была бы мать моя родная, которая въ то самое время умерла, въ которое меня родила. Она была шому причиною, что въ нашемъ домѣ родины и похороны были вмѣшны; что людямъ, желающимъ часно ходишь по гостямъ, подало великую надежду подолъ попираванья: оснишалъ меня какъ одного своего сына; а можетъ бышь и подлин-

Часть I.

А

но я былъ ему не чужой, хотя на посполясннво покойной манеры моей и не совсемъ должно было полагаться. Она была женщина нынѣшняго вѣка, въ которомъ многія изъ нихъ возвышаются любовниками, и у которой ихъ больше числѣмъ, ша прочихъ и чинѣмъ поважнѣе, для того что въ полкахъ онѣ не служашъ, слѣдственно и достоинства у нихъ по своему назначаются.

Я произнесъ онѣ знашнато и пророчнаго поколѣнн: знашнато оно по тому, что всѣ сосѣди знали моего ошца, покойную мамъ мою и меня; пророчнымъ же назвалъ я его по причинѣ, что ошцу мой сыль Жидъ, а мамъ была Цыганка: шакнѣ люди всегда бывающъ искуснѣе прочихъ въ провадаъ и обманахъ. Чипашель безъ сомнѣння дожидаленя сбншнн сей пословицы: „Ошъ доброто дерева добрыя и ошрасли,“ Ты не обманываешесъ (*), и будешс свидѣшель, что я испишной кълъ сыль, и достоиннъ сего имени, что произошелъ на свѣшъ изъ Цыганскнн упробы.

Благодаря больше природѣ за рожденне мое, нежели жалуясь на судьбнн, за похищенне жены, родншель мой меня окресншалъ на шесшой недѣлѣ послѣ явленнн моего на

*) Это я говорю одному, а не многѣмъ. Чипашель самъ догадается-можнѣе. для чего шупъ стоитъ не по число, а далъ онѣ разума и стѣ природы.

свѣнѣ. Какъ въ ту пору я былъ ни малъ, однако имѣлъ сколько смысла, какъ ска- зывающѣ, чпобѣ ударить бабку въ щоку, кошорая, тошоваясь песнии меня въ церковь, напилась до пьяна; и когда священникъ разсердася за сѣе крнчалъ на все, шо я, какъ будно бы смысла его слова, въ самое шо время удруилъ ее прагою рукою въ лѣвую щоку, ошѣ чего всѣ люди шрншли въ уди- вленіе, и смѣялись сколько, сколько можно въ церквѣ (*). Сѣ того времени всѣ наши шрхожане ожидали изѣ меня по возрастѣ моемъ чего-нибудь великаго; и самъ роди- шель мой былъ шакого же мнѣнія, для шо- го, что рѣдко случалася сѣ ребенкомъ, ко- шорой бы, будучи шгалъ малъ, наказывалъ свою повинуху за просшунки.

О шесшпнедѣльномъ моемъ рыцарствѣ слава моя возрастала вмѣстѣ сѣ моими лѣ- шами; и какъ шакия дѣла обыкновенно сѣ прибавкою ходящѣ въ свѣнѣ, шо нѣкошо- рые сказывали, будно бы я говорилъ у ма- шери моей во чревѣ, и вышедши изѣ онаго въ шужѣ минушу просилъ ѣшь, и много

А 2

(*) Въ церквѣ смѣяться несколько не можно, однако есть шакие у насѣ разумники, кото- рые не только пошпихоньку, да и вслухъ хохо- чущѣ забывая благопристойность, или важнѣе страхъ Божій.

подобныхъ сему невозможной набрѣдали. А ежели кто и шенерь этому повѣривъ захочетъ, препяшествованъ ему не могу : всякаго поныиѣ всякому шолкуеиѣ розно.

Во время моего возраста дѣлалъ я шакія дѣла, кошо, выѣ не можно никому ни вздумать, ни взгадать, ни перомѣ написать и ни въ сказкахъ сказать. Обѣ нихъ въ шо время довольно говорили : а нынѣ ; думаю, у многихъ вышли уже они изъ памяти. Однако я извижаю шѣхъ, кошорые обѣ нихъ забыли ; причиною можетъ быть шому природная здѣшнему свѣту шлѣпность. Когда уже забывающа славныя дѣла великихъ Госудрей, шо какъ можно уцѣлѣть памяти о шакомъ маловажномъ человекѣ, каковъ есмь азъ многогрѣшный.

На осьмнадцатомъ году моего возраста какъ будишобы я вознамѣрился подшверднѣть посящуюся о мнѣ славу ; а есшлы кто хочеть ужитъ, какимъ побѣномъ, шомѣ пущкай подлаѣ прочешъ изволивъ. Въ сосѣствѣ съ нами жилъ ошешавной Полковникъ, кошорого домъ подверженъ былъ великой шлѣпности: все жинели въ ономъ шупешлѣли ошѣ шраха; хозяинъ не зналъ что дѣлать, и какъ избавишся, пошому что всякую ночь посѣщалъ его домъ мершвецѣ. Домаш-

ше его, вмѣсто того, чинобѣ спррашья его выгнашь, принаалсь все вѣ домѣ какѣ возможно длате, занирались вѣ горницяхъ крѣиче, и находилсь полумершвыми и неподвижными. Вкорененное вѣ нихъ о мершведяхъ онѣ правдоѣ мнѣше не позволяло принашья имѣ ни за какое оружіе; ябѣ думали, что вреднѣ ему ничшо не можѣ: а спрахъ не позволялѣ имѣ, и помыслишь о дракѣ сѣ покойникомѣ.

Вѣ одно время Полковница, кошорой имени я здѣсь не выговолю изѣ починѣя кѣ женскому полу, (но шому что не очень прѣянно смонрѣшь на свой образѣ написанной худыми красками, а особливо женщиноѣ, кошорая чрезчурѣ влюблена вѣ свою красону) оснавила меня почевань у себѣ: гѣ домѣ. Я онѣ природы былѣ велерѣчивѣ; часно рассказывалѣ имѣ нешо, и о древнихъ черняхъ, сказки о вымысленныхъ короляхъ, повѣснн о богатыряхъ Усыняхъ, Горыняхъ, Дубыняхъ и словомѣ, всякѣ веселоснн, какѣ шолько выдумашъ могѣ. Юнишерѣ употреблялѣ Меркурія, чинобѣ веселую для шего ночь продолжншь; а она меня, чинобѣ скучную для нее укорошовань. До одиннаццатаго часу сидѣлѣ я подлѣ ея кровати, и рассказывалѣ сказку о двенаццати Ляхахъ, кошорую не дослушавѣ она, уснула. Уже приходило шо время, вѣ кошорое дол-

жно было появиться мерзавцу; ибо онъ обыкновенно жловалъ къ нимъ въ полночь. Всѣ въ дѣмъ спали, и грѣзились имъ снрашныя сны; а конорые пробуждались, шѣ прикрывали головы свои подушками. Я никогда не видѣвъ еще мерзавцовъ, какъ они ходяшѣ, загасилъ свѣчу, конорая шумѣ горѣла; любованшество мое вывело меня изъ покоевъ въ сѣни и оншерло мнѣ въ оныхъ двери: а что шо есть снрашъ, я о шомъ и не думалъ; маженшѣ бышѣ и природное во мнѣ было безснрашье, обѣ эщомъ оснравляю я разсуждашѣ испыншцелямъ ещеснрашья. Я ничего не боялся, и сонелъ сѣ крыльца на дворъ: ночь была шакъ шемна, что ежелибы снрашцашѣ гдѣ-нибудѣ въ углу слона, шо бы не увидѣалъ его и самъ сашана, хотя бы онъ смонрѣалъ сквозѣ самой лучшей Французской лорнетѣ. Сналъ я къ снрашкѣ подѣвъ погреби, и не много подождавъ услышалъ снрашкѣ, шакъ какъ бы удобно лѣзшѣ человеку че, ещѣ зборѣ. Сперва подумалъ было я, что эщо лѣзешѣ воръ, и шакъ непосредственно испугался. Эши неудобныя художники не шолько робящамъ, да и снрашкѣ кажущя снрашны. Однако скоро одумался, и разсуждалъ, какой человекъ маженшѣ оснравляшѣя принции вмѣстѣ сѣ мерзавцомъ, и въ одно время; когда его Полковникъ шрусинѣ, шо уже прошой

солдатъ умреть отъ страха. Желаніе мое увидѣшь мершведа шончасъ прогнало такое воображеніе: слышалъ я, что онъ пошелъ къ крыльцу, и послѣ началъ подходить ко мнѣ двое, и началъ что могъ я понять изъ рѣчей: шине, одинъ говорилъ; а другой ош-вѣшивовалъ, слышу. Сидли пошомъ ош-пиранъ две и, и вошли въ погребъ. Дверь была рѣшворена по входъ ихъ; и шакъ про-кравшись по шихоньку вошли и я шуда же. Чшо жъ я шимъ услышалъ? началось гблованіе, и сидли говоршиъ любовное изъясненіе. Легко ошгдшиъ можно, сколько я удивился. Пошомъ зашучали шаканы, и начало передиванься, какъ думаю, вино: пишо довольно, и послѣ сдѣвалось молчаніе, и продолжалось сѣ четвершиъ часа; а какъ сидли говоршиъ, шо примѣнилъ я, что они нѣсколько зыыхались. По ушнени сѣ об-бвихъ шшоронъ ушнивосней сидли они про-щанься; а я выскочилъ шончасъ изъ погре-ба, боясь, чтообъ меня не заперли, и сидлъ подѣ самыхъ дверей. Мершвейдъ шелъ ош-шуда напередъ. Сколько ни было шемно, однако разсмошрѣлъ я, что онъ былъ въ дол-гомъ бѣломъ саванѣ, росшу высокаго, сѣ окладисною черною бородою и сѣ орлинымъ носомъ. Онъ полѣлъ шакже чрезъ заборъ, а другая пошла обратно на крыльцо. Я при-нужденъ былъ бѣжать пошовой нѣе ея, чтообъ

не осматреться до конца на дробь. Причешши въ сѣни, спалъ за дверьми; женщина также вошла, заперла двери и пошла въ горницу, гдѣ жила набожная и цѣломудренная ключница. Я спрavedился опять въ спальню, гдѣ пригошовлена была для меня постеля, легъ на нее, однако заснуть не могъ. Думалъ я самъ въ себѣ, надобно ли мнѣ скрывать завире объ этомъ приключеніи Полковницѣ, или нѣтъ: сомнѣвался я, чинобъ мнѣ въ этомъ повѣрили, и шакъ положилъ развѣдать сіе хорошенько, чинобъ досновѣрнѣе показались мои слова. На ключницу не имѣлъ я никакого подозрѣнія; и шакъ опасался ее обидѣть.

Я бы и долѣе еще разсуждалъ, однако, свѣтъ прекратилъ мои мысли. Не разсужденія мои разбудили солнце, а можетъ быть уже дѣйствительно была пора ему всматривать. Солъ оставивъ другихъ, пришелъ ко мнѣ и успокоилъ меня; ибо онъ не принималъ никакихъ опговорокъ (*).

Не дожидаясь, чинобы я пробудился, домашніе всѣ вспали. Мы съ Полковни-

(*) Многие говорятъ, что отъ дьявола опговориться можно молитвою, отъ обидчика судомъ, отъ подъячего деньгами, отъ буяна дубиною, а о снѣ ничего не упоминаютъ.

цето опочивали до двенадцати часовъ, по обыкновенію знатныхъ господъ шехъ, которые не имѣюшъ никакого дѣла, въ числѣ ихъ и мы съ нею находились. Весь годъ сколько довольно дѣлъ не надѣлалъ, сколько довольно мы двое съ нею гуляли. Въ то время, какъ и мы разсѣлись съ поселями, нашло въ снѣгу къ намъ множество народу обоего пола, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, исключая женщинъ, которыхъ я не могъ разобрать, которая изъ нихъ молодая, и которая старая; лицо у всякой покрыто было бѣлою, а губы и щоки красною мазью. Онѣ мнѣ всѣ казались шестнадцатилѣтними дѣвочками, хотя послѣ проведаль я, что самая молодая изъ нихъ была на сорокъ пятомъ году, или близко того. Надобно было время два часа Полковницѣ одѣться; она была хотя обвенчана, однако шестолиха. Лицо ея было самой древней печати и худого шисненія; носъ ея представлялъ кривую ижицу; борода и губы казались какъ будтобы снѣжиной юсѣ въ драгунской шляпѣ; на лбу и на щекахъ разсѣявлены были катыки и запятыя весьма безпорядочно. Таковую приманчивую красону прикрывала она масляными красками бѣлою и красною, а брови сурмила шипо-

графскими чернилами; и такъ лицо ея весьма было гладко, и казалось, какъ будиобы дощное свинымъ зубомъ, или Дыганскимъ камнемъ, кошо,ымъ они на шаршавой лошади и вводятъ глянцевъ. Когда она совсемъ одѣлась, тогда начали разговоръ о несчастии и безпокойствѣ, кошо,рое причинилъ всему ихъ дому мершведъ. А какъ извѣстно, что начало рѣчи выводилъ за собою и концевъ, кошо,рой проводилъ всехъ, что шумъ ни былъ, въ споловую горницу.

Господишь чингачель! намъ лучше буденъ слушать ихъ за споломъ; когда они пошберушея довольно винца, тогда языкъ ихъ буденъ проводнѣе и мысль посвободнѣе. Они ужъ сви: какъ вы думаеше, что изъ нихъ больше свѣсилъ? Вы конечно скажеше, что шонъ шолешой и одушловашой дворянинъ, кошо,рой очень много походилъ на квадратную чешпаху. Въ еномъ вы обманулись: по лѣвую руку госпожи Полковницы, видеше вы, сидилъ Офицеръ; онъ по прямой линии происходилъ онъ Голѣфа, а по мнѣшю другихъ онъ Визина, сына Пенцунова, кошо,рой шакую великую смѣлоснъ и дерзоснъ имѣлъ въ рѣчахъ, что свѣдали изъ него пословицу, и говорили про смѣлаго болшуна, что онъ дерз-

новениѣ на словахъ и самаго Визиня. Сколь родъ его мяненся далеко, снѣлько оиъ великъ росношѣ, шонѣкъ и нескладенъ: голова у него очень милой руки, и приномъ де, свянтя; сѣ вискошѣ, и чшо изди виснишъ косѣ, походнишъ на подячегго, и вѣ самомъ двѣвъ кроткошчиредѣ и превеликой. Оиъ для того јудился на свѣишъ, чшѣбъ цѣишъ, ѣишъ и заводнишъ сорѣ, а больше ни къ чему не способнишъ. Ыднше, оиъ уже разснѣгнулъ камзолъ, и хочѣишъ перемѣинишъ деревную шулкаку; оиъ ни одного не оснѣвишъ цѣаго кушнѣя и велѣхъ оншвѣденѣишъ до половини. Эша ржѣная шваръ вездѣ шакъ ѣишъ, какъ буднобы предчувснѣбуеишъ деѣишлѣишнѣй голодѣ. А шонѣ, котораго вы хочѣаишъ почеснѣ прожорою, шонѣялѣ совсѣмѣ вкушѣ, и ѣишъ очень мало, по шому чшо Французской желудокѣ не варнишъ ржаната хлѣба. Здѣишнше кушнѣе ему не нравишѣся, нѣ гѣшовилѣ его не Французѣ. Оиъ шенеръ вѣ глубокнхъ мыслѣхъ; думасѣишъ сдѣлаишъ новую Географѣю и перенечанишъ по своему ландшапши, на концѣхъ вѣ среднѣишъ у него буденѣишъ снѣолишъ городъ Москва. Сѣ мѣснѣо казалѣсь бы ему негоднѣишъ, шакъ какъ и шѣмѣ, которѣе ненавиѣднѣишъ свое ошечесшѣо; да вѣ немѣ живелѣишъ его любовниѣа: она сиднишъ прошишъ его. И шакъ по одной

снороцѣ сего города хочещь пославипь оуб
 Пекинѣ, по другой Консепанниноль, по
 прешей Парижѣ, а па чешверной Римѣ,
 и шакѣ близко, чшобѣ вснавини сѣ посне-
 ли, ходишь ему по унѣ,у нишь чай вѣ Пе-
 кинѣ, послѣ обѣда вѣ Консепанниноль
 нишь кофе, вѣ полдень вѣ Римѣ пожирашь
 нѣмонше плоды, а кѣ ночи вѣ Пурижѣ
 нишь неколдѣ, и кешанѣ уже намѣ про-
 хлажданѣ сѣ подниными Французскими
 цеголихамн. Роскошнѣе его вы не сыщете
 во всей вселенной. Мы еще не слышимѣ
 ихѣ разговоровѣ; конечно не доводно они
 еще закушались. Ощавимѣ все, чшо не
 естѣ на шолѣ, ихѣ голоду на жершву;
 пускай они будущѣ довольны. Пока они
 сшанушѣ кушанѣ, а я шѣмѣ временемѣ по-
 думаю о расположеніи вшорой главы.

новеннѣе на словахъ и самаго Визина. Сколь родѣ его нянешся далеко, снѣлько оиѣ великѣ роскошѣ, шопокѣ и нескладенѣ: голова у него очень малой руки, и приномѣ де, свяннѣя; сѣ вискозѣ, и чно нѣзди висннѣе косѣ, походннѣе на подъячегѣ, и вѣ самомѣ двѣхъ крокочицѣхъ пре великой. Оиѣ для шого јоднѣся на свннѣ, чнѣбѣ цннѣ, фенѣ и зводннѣе сорѣ, а больше ни кѣ чему не способнѣе. Ыдннѣе, оиѣ уже разснѣгнулѣ камзолѣ, и хочнѣе не емѣннѣе девннѣую шѣ елку; оиѣ ни одного не ошнѣннѣе цѣлаго кушннѣя и всѣхъ ошнѣденнѣе до половннѣе. Эшѣ ржѣннѣя шварѣе всѣхъ шѣкѣ фенѣ, кѣкѣ будннѣе бы предчувствнѣе дешицѣннѣе голодѣ. А шонѣе, коншѣраго вѣ хочѣея почеснѣе прожѣею, пошѣеялѣе совѣсѣмѣе вкусѣ, и фенѣе очень мало, по шому чно Французской желудокѣ не варннѣе ржѣннѣе хлѣба. Здѣннѣе кушннѣе ему не нравнѣея, нѣе гошѣннѣе его не Французѣ. Оиѣ шеперь вѣе глубокнѣе мыслѣе; думѣея сѣеѣннѣе новую Географнѣе и перенѣннѣе по своему ландшапннѣе, на коншѣе вѣе средннѣе у него будннѣе снѣеяннѣе городѣ Мѣсква. Сѣе мѣсѣе казалѣе бы ему негодннѣе, нѣннѣе кѣкѣ и шѣмѣе, коншѣе нешѣннѣе свѣе ошѣечннѣе; да вѣе немѣе живѣе его любовннѣе; она снѣннѣе прошннѣе его. И шѣкѣе по одной

снороцѣ сего города хочиѣ посѣавиѣ оиѣ Пекинѣ, по другой Консманнинополѣ, по ирешей Парижѣ, а на чешверной Римѣ, и шакѣ близко, чинобѣ вснавиѣ сѣ поснели, ходиѣ ему по унѣру ниѣ чай вѣ Пекинѣ, послѣ обѣда вѣ Консманнинополѣ ниѣ кофе, вѣ полдень вѣ Римѣ пожираѣ шамонше плоды, а кѣ ночи вѣ Парижѣ ниѣ неколѣв, и кснаниѣ уже шамѣ прохладжашѣ сѣ подниѣными Французскими цеголихами. Роскошнѣе его вы не сыщете во всей вселенной. Мы еще не слышимѣ ихѣ разговорѣ; конечно не довольно они еще накушались. Оставимѣ все, что ни есть на снолѣ, ихѣ голоду на жернву; пускай они будуѣ довольны. Пока они снаниѣ кушаниѣ, а я ниѣмѣ временемѣ подумаю о расположенѣи вшорой главы.

ГЛАВА II.

ЕЖЕЛИ ОНА БУДЕТЬ НЕ СКЛАДНА,
ТО ВЪ ТОМЪ Я НЕ ВИНОВАТЬ, ПО
ТОМУ ЧТО БУДУТЬ ГОВОРИТЬ ВЪ ШЕЙ
ПЬЯНЫЕ:

Мнѣ удивительно, сказалъ объѣдало, на-
полнивъ брюхо свое съ излишкомъ,
(голосъ его походилъ иногда на разноголос-
ную надушую волюнку,) что знаешь мер-
швецъ ошваживающаго обезпоконванъ Шизана
и не observesишь (*) чести Полковника.
Знаешь ли оиъ, что и на шомъ сеишь не
свищешь мѣсна; ежели я приведу мою ро-

(*) Observуетъ, слово не Русское; оно пошрявъ
свое подобие вѣхало въ нашъ языкъ. Латин-
ское obsequo значить по Руски наблюдаю,
почитаю; а сто что значить, того я не вѣдаю;
можетъ быть obsequo испорчено съ одного кон-
ца какимъ-нибудь кренобасемъ и шакъ ша-
тается въ Росси. Еслибы темеръ былъ здѣсь
какъ и нибудь Римлянинъ, то бы онъ подарилъ
хорошую пару оплеушинъ одному моему зна-
комцу за то, что онъ сто слово всегда въ раз-
говрахъ помыкаетъ; а особливо ежели на к-
го разсердится, то и кричитъ у ъ для чего
ты не observesишь моей чести? И сверхъ того
пашетъ и въ приказныхъ дѣлахъ.

шу, и велю выпреланъ по немъ злому, но и сквозь дьявольское его шело свѣщивъ ся спавенъ. Оубъ былъ весьма храбръ ой Офицеръ, и на двациномъ еще году своего возроста мнѣ свою родную выскѣ розгати. Ключница въ семъ случѣ оробѣла: храбръ ость сего рыцаря произвела въ ней немалую иревету; она снола за шуломъ у хозяйни, и имѣла позволеніе вмѣшивашься въ разговоры. Въ семъ домѣ починкали ея Сивилою, и когда она говорила, то слушали ея все и подиверждали сбъ починеніемъ ея слова. Смущеніе ея и ошвѣнъ сыному госпою возбуждали во мнѣ подозрѣніе, и я уже началъ думать, что потребное свидѣніе ей не бѣ извѣстно. После ея словъ началась Гнищская музыка; все въ заговорилъ всею поудкою, и кино былъ доволеніе, шонъ и кричалъ громче. У всякого бѣ бунылакъ ничего уже не ошало, и шонъ нѣ ошеденивали, какъ неудобную и скучную глазамъ посуду. Мнѣ все въ вдути слушанъ было не возможно; я сидѣлъ подѣ хозяйки. Моженъ бынъ иной шому не повѣривъ, и скаженъ, что это не возможно, что бѣ така мѣлка пѣва замѣнъ лась въ благородную компанію (*). Я на это

(*) Компанія по Руски бесѣда, и оваринчество. Я для т. го не оспавилъ онаго на Рускомъ языкѣ, что были шутъ Нѣмцы и Французы тѣ.

эпѣваю такимъ образомъ: наперсникъ благополучія бываеиъ иногда не меньше Иншайскаго Кушухлы. Счастіе въ семъ случаѣ оказало надо мною свое могущество; и я былъ за эпимъ споломъ не маловажная оссбѣ. Сверхъ же того за изученіе меня и съснѣ дѣчку нашего прихода илашилъ я съснѣ мои деньги; слѣдственно пишу я по моей волѣ. Однако возвратимся оныиъ къ нашему сполу. Я и; нилася слушатиъ разговоръ между Полковницею и разснѣгнушимъ Офицеромъ. Въ моей деревнѣ, судѣния, говорилъ онѣ, (консорой у него совѣмъ не бывало; ибо онѣ гораздо иѣ мѣдконтравчичной фамилиѣ (*), и восничанѣ мякиною. Я бы расказаѣ, для чего онѣ и другіе ему подобныиъ очень много хласнаеиъ, только совѣснѣ меня онѣ того удерживаеиъ,

которые не только Рускія слова, но и наѣ самѣхъ ненавидѣиъ, не смотря на то, что питаютъ нашимъ хлѣбомъ. Къ чему примолваю пословицу: Неблагодарнаго довольствоватиъ, равно къ кѣ грѣшъ змѣю за изухой.

(*) Фамилія по Руски родъ, порода, коѣбно, семья. Здѣсь не поспавлено для того по Руски, что я говорю не о простомъ гражданинѣ. Я человекъ не храброй, слѣдственно до драки неохотѣиъ. Семья слово не знатное, а фамилія слово благородное, такъ и должно его непременно оставяиъ для такихъ знатныхъ исподѣ, какоѣ снѣ мой благоизбранной развѣдѣи.

по тому что я и самъ не рѣдко хвѣтлюсь за сіе ремесло, и оно, мнѣ кажется, сходно всѣмъ нашимъ волокнинамъ; другое жъ, что не хочу перебивать его рѣчей.) и вѣлся (*) одинъ къ есиѣтннѣ, продолжалъ словесной богатъ, коимъ-то былъ сполько дограшоченъ, что всегда превосходилъ имѣніемъ своего господина. Но при всемъ своемъ богатствѣ былъ онъ чрезвычайно скупъ и копилъ деньги съ великимъ раченіемъ; съвѣлъ того онъ былъ черно книжникъ (**); Пришедши очень въ глубокую старость умеръ. Жена и дѣти, коимъ онъ оставилъ послѣ его наследниками, получили его все богатство; не очень ему радовались; ибо онъ умирая сказалъ, что буденъ приходилъ къ нимъ каждую ночь, что дѣйствительно и сбылось. Въ самую первую полночь доказалъ обѣщаніе свое покойникъ очевиднымъ дѣломъ; купили они гробъ ему съ дырою; поному что въ деревнѣ нашей было другаго не возможно, а былъ у продавца эишнѣ одинъ. Положи въ него мершвецъ, поставили на столъ съ швомъ по серединѣ избы.

(*) Слово сіе ѣ крючокъ лаврной фабрики; оно всегда пи ск епел между суглягами.

(**) Чесн книжники или колдуны прежде себѣ были люди случайныя, а нынѣ совсѣмъ уже пипрели къ нимъ почтеніе; и ежели какъ и поавится, то и за черно книжіе пот скаюиѣ его также, какъ и за всякія враки.

Когда припала глухая полночь, то высунулъ усопшій въ дырочку палецъ, и шезель имъ очень проворно. Собака, которая лежала тогда подъ сшоломъ, подумала, что покойникъ ее дразнитъ, разсердился и заворчала. Чиншпель послшири и кино шушъ ни сидѣлъ, закричали ей со угрозами, чтобъ она переспала. Собака успокоилась; однако смонрѣла на шо мѣсто, откуда высовывался мершевой перснъ. Немного стусия, мершевецъ непосредственно пико началъ производитъ языкомъ и голосомъ снн выраженія ррѣ, ррѣ, ррѣ, шкѣ какъ обыкновенно собакъ дразнитъ. Выжлица вскочила и приснупя къ гробу начала лаяшь, не смонря на шо, что лежитъ въ немъ усопшій; она вознамѣрилась пересунуть у него ляпки. Когда началось у пса съ мершецомъ горпанное сраженіе, шо кѣсь домшннѣ обмерли и были неподвижны. Сшрахъ и ончяніе подкосили имъ ноги. Пслширцикъ опмяшовался прежде всѣхъ и побѣжалъ домой къ женѣ. Бѣдная крешьянка и дѣши ея вскарабкались кое-какъ на верхъ сшроешя, что называется подволокою, поднимали руки къ небу, и просили помощи. Луна вышаращивши глаза шолько на нихъ смонрѣла, и ни мало имъ не помогала; звѣзды шолько что бѣсились на днѣ бездны, перескакивая съ мѣста на

Часть I

Б

мѣсто и не хотѣли ихъ слушать. Въ деревнѣ крестильне всѣ спали, и ни одинъ не пошевельнулся; въ избѣ не знаю кто больше кого разсердилъ, мершвецъ ли собаку, или собака мершвеца, только знаю то, что онъ изъ гроба выскочилъ, и началось у нихъ сраженіе силами и проворствомъ. Борзой песъ съ налету прежде всего бросился къ нему на шею, и опкусилъ ему носъ такъ плоско, что онъ началъ походить на колмыка, или на моську. Долго пропивались другъ другу сіи рашники: однако наконецъ покойникъ преодолѣлъ, къ несчастію жены своей и дѣшей, спасателямъ жизни, и полѣзъ по лѣсницѣ къ нимъ на верхъ, и показался имъ уже до половины, въ кошорой было мѣрою аршина полтора. Предспавыше себѣ, примолвилъ тогда краснблѣй, въ какомъ они были страхѣ, и можешъ бытъ уже себя не помнили. Въ самое то время вспѣлъ у нихъ на дворѣ пѣтухъ: мершвецъ облушился съ лѣсницы на низъ, и сдѣлалъ превеличайшой шумъ. Тогда меньшей покейшико въ смѣлъ упалъ безъ памяти, лишился всѣхъ чувствъ, и пересталъ бояться своего родителя, испустилъ духъ, сдѣлался неподвиженъ, а по просну уме, в. Душа его зацѣпилась за косу смертоноснаго духа, по

мнѣнію нѣкотораго Философа; или ханжи лобазненной дружины.

Вы видите, сударыня, продолжалъ Бахусовъ племянникъ, что я начинаю уже шумить: а чтобъ лучше и веселѣе продолжалъ мнѣ мою повѣснь; по прикажите пускую мою бушылку перемѣнить на полную; тогда вы увидите; что покойной Цицеронъ грога передо мною не спонлъ. Просьба его пошчасъ была исполнена; и онъ полную бушылку довольно учтиво воспрѣмилъ, такъ что за одинъ разъ появилось у нее и дно открыто. Опорожнивъ флягу, началъ говорить оная такимъ образомъ: Когда уже, сударыня, довольно разсвѣло, и такъ сдѣлалось видно; что можно было разобрать, просная ли бушылка спонилъ передо мною, или съ виномъ, тогда успрашенная коестьянка и съ дѣвками своими спустилась въ окошко; и пришедъ къ полу, рассказала ему сіе приключеніе. Онъ заклеялся всѣмъ на свѣнѣ, что никогда не похоронилъ его у церкви; и не поиделъ къ ней въ домъ оппѣвать шакого ереника, которой имѣелъ въ себѣ дьявола. Многие сказываютъ; что епошъ пош говорилъ епо по приличію своего чина; а другіе на него клепаютъ, что будно онъ спирусилъ, и не хотѣлъ онъ робосни повидаться съ

такимъ безпокойнымъ мертвецомъ, которою, какъ онъ думалъ, за бездѣлицу не оставивши выщипавъ у него бороду. Однако, какъ бы шо ни было, когда вмѣшались въ разговоръ ихъ деньги, шо священникъ согласился похоронить его и въ церковь. На правой сторонѣ въ прапезѣ изомовили покойнику спальню, или по просипу могилу, въ которой его ищупельно и съ великимъ попеченіемъ закупорили. Но онъ опочивалъ въ нѣ сколько дней, а ночью всегда прохаживался по деревнѣ. Съ полгода крестыяне списали епископъ спрахъ шерпѣливо; наконецъ выбралися все и оставили дома свои пущыми, ибо усопшій весьма ихъ не любилъ, и всѣхъ безъ выбору задѣвалъ иногда по замылку, выбрасывалъ въ оконко, и шаскалъ по улицѣ за бороды весьма неоспорочно. Деревня вся была пуща и церква разорена, дома перепорчены, и все въ великомъ безпорядкѣ, чему причиною былъ мертвецъ.

Въ нѣкоторое время, не вдалькѣ онъ этой деревни, заблудился въ лѣсу охотникъ: онъ ѣздилъ по немъ часовъ шессть, и не могъ сыскаить дороги, кошорую онъ потерялъ; а искавъ оную попергалъ съ нею и день. Наспала ночь, кошорая заградла его немальымъ испракомъ. Ло-

вещь, принявъ сей подарокъ, положилъ къ себѣ за пазуху и началъ дрожать. И когда онъ не надѣлъ оубо холоду епитимьи, то бы сердце у него оубо спрашу конечно выскочило; а въ такой шемношъ гораздо было бы трудно его найши. Оубо оубо роду своего не имѣлъ никакова знакомства съ лѣзнями, и такъ опасался ихъ довольно по молодецки. Наконецъ вытхалъ оубо изъ ешой шумящей спрашомъ пусныши, и забрелъ въ сію распрепанную деревню. Вошелъ въ первой домъ, и скоро разглядѣлъ, что нѣтъ въ немъ хозяина, равномерно какъ и во всей деревнѣ; и когда увидѣлъ, что оубо полномочный ебъ ней повелипель, то выбралъ себѣ самое лучшее спроенѣ для препровожденія ночи. Еино былъ домъ игото сѣлщенника, кошорой считилъ съ креснянки десять рублей, чтообъ похоронитъ мужа ея въ церквѣ. Расположившись въ немъ, рыцарь легъ опочивать въ переднемъ углу, запершись кругомъ крѣпко: хотя оубо и не ужиналъ, однако уснулъ довольно сладко. Шупливой покойникъ, или лучше невнешникъ сонныхъ людей, подошедъ подъ олно, ошкрылъ его очень искусно, и прошинувъ руку ущипнулъ моего богатыря, кошорой спалъ на лавкѣ подлѣ оконка, легонько за носъ. Пугало зайцовъ вско-

чилъ благимъ мапомъ, ухватилъ себя за носъ, у кошорого по собственному его щепу не доспывало правой ноздри, и кровь текла весьма обильно; попомъ высунулся въ окошко, желая знать, какъ шакъ приапельски съ нимъ подшушилъ. Какъ скоро онъ высунулъ голову, то сходящій у окна мершвецъ погладилъ его въ самое шѣмя шакъ искусно, что онъ перевалился опять въ избу безъ памяти, ондыхалъ съ полчаса на полу, и лежа на ономъ имѣлъ довольно времени позабыть страхъ и рассердиться непосредственно геройски. Попомъ опамяповавшись, выскочилъ на улицу, и первая была ему встрѣча его приапель, кошорой шакъ искусно его погладилъ. Выпились они другъ въ друга; охопникъ началъ цекопать мершвеца своимъ шесакомъ, кошорой весьма не подъ пару былъ мершвому шѣлу. Боецъ мой выдергивалъ имъ изъ него довольно полновѣсные куски, и въ первой разъ лишилъ полуночного бродягу лѣвой руки. Цоконникъ рассердившись хопѣлъ лизнуть шесака, и лишился половины головы, и наконецъ раздробленной повалился на землю.

Въ семъ мѣсяцѣ восхищенная Полковница возгласила: счастливъ эпопій охопникъ, что былъ столько силенъ! Чпожъ

деревяль ли меришвецъ по деревнѣ ходить,
примодвила она? Всеконечно, сударыня,
ощвѣчалъ правнукъ Голіафрѣвъ. Креспьяне
увѣдомившись о семъ, заплашили довольно
шороваца звѣродовишелою, и перебрались
оняпъ въ деревню, и жили уже покойно.

Выслушавши повѣсть Подковница ве-
ла подносишь всѣмъ госпіямъ по пре-
великому кубку вина, а особливо раска-
щику, радуясь побѣдѣ надъ деревенскимъ
меришвецомъ. шакъ какъ будтобы и она
своего побѣдила.

ГЛАВА III

ОБЪЯВЛЯЕТЪ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ПРО-
ГЛОТАЛЪ Я КУЛИДОНА.

Нисидаливъ довольно носы, вспали мы
изъ за снола по обыкновенію пшеницъ,
только благородныхъ, а не подлыхъ.
Всякъ, желая показашь свою бодрость,
поднималъ голову къ верху, какъ будто
бы хотѣлъ учинить Апрономѣн, только
ноги рѣдкому изъ насъ служили и при-
нуждали скорѣе опять садиться на сту-
лья. Госпожа Аленона, которая не имѣ-
ла съ нами сообщенія опораживашь рюм-
ки и стаканы, какъ я примѣнилъ, дово-
льно смѣлась, когда манушка ея храб-
ровалась наподобіе сираго Индѣйскаго пѣ-
шуха; и послѣ въ придеж живаніи двухъ
дѣвокъ за оба крыла ошправилась въ
свою спальню, гдѣ при разсѣваніи дру-
зго дня съ похмѣлѣя скончалась. Горя-
чее вино со спароснѣю во время ея сна
поссорились, и наконецъ дошло у нихъ
до драки: раздвая другъ другу плосные
пальцы и оплеушины, проломил Подко-
пицъ голову; а по мнѣнію другихъ, упа-
ла она съ кровати и раскроилась себѣ лобъ
шамъ испалко, что смислуеши зубы

оиправилась на грѣшѣ свѣнѣ, не запаша ни одному лѣвкѣю за реценшы ни конѣй-ки, а ашшегарю и шого меньше.

Попомѣ, кино моѣ еще имѣшь дви-
женіе и вспашь не шашась со спла,
шѣ вѣѣ почили вѣ садѣ, куда пошла
наѣб Аленона. Пришедши вѣ огой, сѣ
общаго согласія приказали подати горя-
чей воды сѣ сахаромѣ и сѣ Китайскою
правою; а сѣи шри вещи вообщѣ назы-
ваюшся чаемѣ. Когда мы начали зѣговѣ
чѣй прихлѣбывашь, ибо онѣ былѣ очѣнь
горячѣ, шакѣ чшо пишь его не возможно;
шогда господинѣ разскащикѣ зѣговорив-
шисѣ позабылѣ, чшо эша горячая вода,
и думал, чшо вино, кшорое онѣ шя-
нулѣ зѣ шоломѣ, хлебнулѣ шакѣ не-
оснорожно, чшо высунулѣ языкѣ, вышѣ-
рашилѣ глаза и повалился на землю.
Сперва не пошло сѣ намѣ сожалѣніе, а
презлѣннѣйшѣ смѣхѣ, онѣ кшоршо и
зѣбалѣ вѣротнѣ мѣю чашку, и разбилѣ
бы еѣ шакѣ кшѣ и онѣ. Посмѣяюшсѣ
довольно, и шилѣлись мы помогашь сѣож-
женному бѣгшору, подирали и сплали
разскашннѣ языкѣ его и губы. Сколь-
ко ни сплѣтали сѣ ма удержашь сплѣмѣ-
ше ошухоли, однако она намѣ прошиви-
лась; вскорѣ дошнѣлаи мы образѣ шаше-

го виплязъ, и увидѣла въ немъ раздутую
волынку, которая иногда поднималась,
а иногда опускалась, и представляла
намъ почто, какъ будто бы находились
на ней написаны шесць динеръ, мечу-
щія въ глаза слово дуракъ. Сколько
тутъ ни было людей, всѣ понесли
его изъ сѣду въ покой. Госпожа Але-
нона не ханѣла имъ послѣдовать, и
просила меня, чшобы я ей сдѣлалъ по-
варшесство, на что я охотно согласи-
лся; и такъ осщались мы съ нею двое.

Чицапедъ можетъ быть приревнуешъ
ко мнѣ въ семъ случаѣ, и скажетъ, что
не надобно бы дѣвушкамъ осщаваться одной
съ мужчиною. Однако добродѣшель моя
въ помѣ порукою, что я не прежде
исполнилъ --- на примѣрѣ, вошѣ по ---,
о чемъ иногда и извѣстишь не можно,
какъ по позволеніи мнѣ, онаго опѣ прель-
спившій меня особы. Прохаживаясь по
саду, вздохнулъ я по примѣру Рускихъ
Селадонѣ (*), и началъ шущишь по
правиламъ Вулкацовой супруги, что бы-
ло не неприлично моеѣ сщупницѣ. Она
ушѣшалась, когда я дѣлался нѣжнымъ

(*) Селадонъ, имя нѣкотораго романическаго
виплязъ и пресдзнаго волокипы.

любовникомъ : оспрыя выдумки , запѣ-
 ливые рассказы , и кудрявые слова ушѣ-
 шали ее по моему желанію ; и все , что
 я ни говорилъ , казалось ей приятно .
 Краснорѣчія для женщинъ и шутокъ имъ
 приятныхъ , могу признаться , что было
 и ещѣ во мнѣ довольно ; кшожѣ меня
 ими наградишь , того я и самъ не знаю ;
 а хопя и вѣдаю , шолько про себя , для
 того что иные пересмѣшники заворачивъ
 на меня , ежели я скажу . Разумъ маперіа
 весьма нижелая , и ежели кшо захочешъ
 говоришь ошъ ономъ , шо надобно , чшобы
 ошъ безъ шутокъ извѣнялъ свои мысли ;
 а я не могу ушерпѣшь , и вѣ самой важ-
 носипи слога захохочу , а особливо шушь ,
 гдѣ мнѣ будешъ нецонашно .

По ешому вижу я , что скоро попе-
 ряю имя горячаго любовника , что остав-
 ляю одну мою любовницу вѣ саду и не
 опасася соперника , копорой легко под-
 красшься можешъ и подцѣнишь по серд-
 це , которое уже начинаешъ мнѣ сдѣ-
 вавшься . Подснудимъ ояшь къ нашей
 снисходительной Лукреціи . Скажи мнѣ
 Ладонъ (ешо мое высокопочтенное на-
 званіе) ; сказала она мнѣ , былъ ли пы
 вѣ кого , — нибудъ влюбленъ ? Ошъ этого
 вопроса шакъ я спрусилъ , какъ не

искусной на кафедрѣ проповѣдникѣ: краснорѣчье мое пригнулось, языкъ окоснѣлъ, смѣхъ меня ударялъ такъ сильно въ лобъ, что я весь покраснѣлъ, и вмѣсто всего велерѣчія ошвѣчалъ ей, нѣтъ, судырина. Что съ тобою сдѣлалось? говорила она мнѣ, примѣшивъ необычайную во мнѣ перемѣну; ты, мнѣ кажешься, чего-нибудь смѣдишься, и робость твоя довольно доказываетъ, что ты въ великомъ смущеніи. Ею и подлинно было чрезвычайно, что изъ такого оспряка сдѣлалась самая деревенская шуница. Однако скоро возвращилъ я опять свѣжія мои мысли, и зчалъ сморѣвъ на нее пристрастиве. Глаза ея были наполнены сироднпцельнымъ приапшвомъ; на щекахъ лежалъ смѣхъ смѣшанной съ благоприснойносшію, кошорой пушался съ румянами; губы ея находились въ превеликомъ движеніи и, показывалось на нихъ несомнѣемое желаніе; а что еще больше овладѣло ею, то я одинъ только знаю: а ежели и чиншеле изволишь о томъ провѣдзшь, такъ развѣ скажу я ему на ухо. Я шнѣ часъ догадался, что надобно мнѣ дѣлать; ибо я довольно чинывалъ романовъ, которые глуухъ людей исправляющъ и дѣлающъ дѣлками. Ухвативъ ее за руку, бросился предъ нею на колѣни, и

пригявѣ на себя видѣ опчянаго любовника, началъ говорить такимъ образомъ:

Собраніе пріятельнѣ! испочинѣ красоты!

„ владычица прискорбнаго моего сердца!

„ оснзавъ мою вину, чшо жѣкая любовь

„ принуждася меня выспулишь изъ гра-

„ ницѣ испоснаго шерифнѣ. Господспву-

„ ющая душею моею, не могу я описатьъ,

„ какою сладоснѣю наслаждаюшя мои

„ чувспва, когда прелесивый образъ

„ швой въ глазахъ моихъ, образъ ко-

„ шорой пріятнѣе моей жизни; шогда я

„ самъ себя позабываю, изумленіе овла-

„ дѣенѣ мною и сдѣлаюсь недвижимѣ: изъ

„ онкрышномѣ лицѣ моемѣ ежеминушно ле-

„ шзель спыдѣ, кошорой борешя съ

„ моимѣ разсудкомѣ, а пламенная спрасель

„ пропнвнпся обѣимѣ: спресеши раздѣлянѣ

„ мое понанше, спзашунѣ мои мысли и сдѣла-

„ юнѣ безслогеснымѣ; горшарь моя изъ-

„ сохнешѣ и шолько единые вздохи при-

„ воднѣ меня въ движеніе. Значо, чшо

„ безразсудно се предпріанше и бесполез-

„ ня надежда; судьба не дала миѣ шой

„ часши, кошорую шы наслаждаешя въ

„ швоей жизни: но могу ли я воздержанѣ

„ себя? Могу ли хоня изъ однѣ часѣ

„ испребнѣ изъ наняши живуную въ

„ разумѣ моемѣ обладшельнѣцу. Прекрас-

„ чый образъ швой до самой вѣчноспя въ

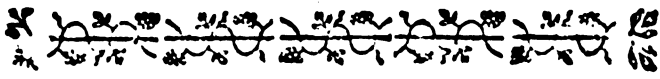
„ мысль мою погрузилъ. Опи тебѣ за
 „ висишь возвращишь потерянной мой
 „ покой. Подай надежду мнѣ опчаянному
 „ жизни; кошорая хощь мало бы поль-
 „ щила унывающей души моей: Благо-
 „ растворенный аромашъ! напои жажду-
 „ щіе мои члены, уйми смященіе; и оп-
 „ вращи внесенную руку къ приобрѣщенію
 „ другаго покоя. Забуду я себя; когда
 „ скончаю жизнь мою; но съ какимъ же
 „ шерзаніемъ распанусь я съ душою мо-
 „ ею? Жалѣй меня прекрасная хощь для
 „ сохраненія добродѣтели бесшестуно оби-
 „ щующей въ души швей: Сколькѣ нѣж-
 „ но сердце въ прекрасномъ швомъ шѣ-
 „ лѣ; имѣй шолько пѣжрый духъ! окон-
 „ чай мою инась! смягчись дражайшая!

При семъ словѣ любовница моя сдѣ-
 лала ирагическое движеніе и подняла ме-
 ня съ приманчивою улыбкою, кошорая
 приказывала мнѣ надѣянсь всякой опи
 нея благосклонности. Однако надобно знань,
 что сколько женщина ни была бы безпо-
 рядочна, шолько великія находилъ шруд-
 ности опкрывань свою спраснь. Помомъ
 цѣловались мы сполько, сколько намъ
 обомъ за благо - рассудилось. Въ самое
 это время я оперхнулся, и шущь узналъ;

что проглотилъ Купидона, которой сидѣлъ у нее на губахъ.

Признаюсь, что любовнымъ моимъ изъясненіемъ, которое присунулъ я ни къ селу, ни къ городу, читателю болѣе наскучилъ, нежели всею моею книгою; я хотѣлъ было въ серединѣ этой проповѣди и самъ вснаться, но шому что попался мнѣ подъ колѣно камешекъ, которой щеконалъ меня довольно исправно, и болѣзнь произведенная оимъ него подавала мнѣ больше жару; и шакъ любовница моя подумала, что я преизъжитѣйшій любовникъ въ свѣшѣ. Впрочемъ читатель долженъ быть уведомленъ, что я впередъ шакимъ иѣжнимъ изъясненіемъ скучать ему не буду, а это долженъ онъ мнѣ просиши, какъ человеку подерженному мѣрскимъ слабостямъ, которой для изъясненія своей широты нахвншалъ иѣсколко разныхъ словъ изъ шрагедій и изъ романовъ, и спелъ се нешѣное изъясненіе, въ которомъ иѣшь ни складу, ни ладу; а ешо ошѣ шого, что любовь и на яву брѣдишь.

ГЛАВА IV.

ПОГОВЫНЧЕНОЮ СКОМОРОХЪ

Изъ саду шелъ я какъ восхищенной А-
донидъ и велъ мою Венеру за руку,
которая иногда перескакивала съ ноги на
ногу, и шѣмъ показывала, что она въ ле-
бови нѣожесивуемъ. Не досиавало шо въ
Кунидопоя, которыя бы подпвердили на-
ше совокупленіе. Принедъ въ го, ницу, ду-
млаъ мы пайни сожалѣніе во всѣхъ домаш-
нихъ о обожженномъ красноглазашелъ;
но онъ уже былъ отвезенъ въ свой домъ.
А вмѣсто сожалѣній наши мы превели-
чайній смѣхъ, шолько не прежде начали
смѣяться, какъ увѣдали о причинѣ онаго.
Мы спросили у ключницы, которая сидѣ-
ла шулъ, умирала со смѣху что было бы
шому причиню? Она принялась охотно
намъ рассказывать, чтообъ шѣмъ болше
насладишися ей желаннымъ хохотомъ. Ми-
каженся, ешо уже многимъ довольно извѣ-
стно, что ныя женщины безъ всякаго
смѣшнаго приключенія шакія охотницы
хохотать, что на упро получающъ онъ
того колосые. Чипшель долженъ быши
здѣсь предувѣдомленъ, что за недѣлю вре-
мени передъ эшимъ привезла къ Полковни-

ку племянника, котораго называли Балабано́мъ. Онъ обихалъ въ мѣсяцѣхъ просвѣщенныхъ, гдѣ люди съ великимъ прилѣжаніемъ копяиъ деньги и не знаюиъ сколько въ рублѣхъ копѣекъ. Сосѣди его были волки, медвѣди и зайцы; лучшее его поваричесиво борзья и тончія собаки, съ копорыми онъ вмѣстѣ въ одной Академіи учился лаяиъ, пилъ и ѣлъ и спалъ также съ ними вмѣстѣ. И такъ человекъ онъ поликаго сообщенія долженъ быиъ весьма разуменъ. Разумъ его и знаніе увидимъ мы изъ того описанія, которое ключница изглаголовалась уже рассказываиъ.

Балабаниъ, говорила она, зашелъ въ спальню къ своему дядѣ, въ конпорой никого тогда не было; онъ еѣлъ прошивъ кровати на шулѣ и размышлялъ о прежнемъ своемъ жилищѣ. Всѣ отъ прѣшности вдругъ предсшавились передъ его пониміе; и такъ сидя шуиъ восхищался онъ сладкимъ своимъ воображеніемъ. Когда же необычайная радость и восхищеніе овладѣли имъ, тогда предсшавилась ему музыка къ совершенію его воспорага. Онъ великой былъ мастеръ играиъ на волынкѣ; учился у своего паснуха, и до горлодранія охопникъ превеликой. Вдругъ захопѣлось ему возобновиъ свое искуе-

Часть I

В

пиво; и такъ началъ онъ озираться всюды, не сыщешь ли гдѣ какого инструмента. Наконецъ увидѣлъ онъ на окнѣ кожаной мѣшокъ, у котораго сдѣлано было горло на подобіе бушылочнаго, и зашныкали его пробкою; въ немъ находился Испанской шабакъ. Глядя на него онъ подумалъ, что это надувая вольнка; а что она мала, что предсказывалось ему, что она горюдская, и сдѣлана поискуситѣе деревенской. Подхвывая мѣшокъ съ великою радостію, началъ его надувать; однако вольнка толосу не давала. Музыкантъ не порочилъ инструмента, а порочилъ свое искусство; и такъ онъ часу болѣе силался ее надувать. Чѣмъ больше старался въ него дуть, тѣмъ больше мѣшокъ старался молчать. Наконецъ надувшись разорвался, и испулъ его обѣими руками: все, что ни было въ ономъ, вкочило ему въ ротъ. Алена и ключница на сѣмъ мѣстѣ захохотали, и надобно имъ время, чтобы они пересмѣялись: а мы, господинъ чинились, еще долго не услышавъ ключницыныхъ словъ и окончанія комедіи; и такъ согласимся и мы посмѣялись хотя не для себя, а въ угодиость жещинамъ, чтобы не назвали насъ за это угрюмыми и незнающими обхожденія. Онъ поперхнулся, продолжала ключница; сверхъ

лого сухой пабакъ проскочилъ ему въ горло и останоуилъ дыханіе, онѣ чего Балабацѣ такъ спрусилъ, что икнулся головою въ зеркало, проинѣ копорато онѣ снюялѣ и смотрѣлѣ, приспало ли быпѣ ему музыканіномѣ, и пакѣ онымѣ изрѣзалѣ себѣ лобѣ; подѣ зеркаломѣ споялѣ сполікѣ, на копоромѣ лежали письма и полная раковина чернилѣ, въ копорую онѣ врюшилѣ носомѣ, и послѣ какѣ угорѣлой повалилѣ на полѣ, и въ прибавокѣ къ тому задѣлѣ зашылкомѣ за снулѣ. Тогда услышали мы дикой голосѣ, копорой шочно походилѣ на крикѣ умирающаго челоуѣка; и пакѣ икнуо не смѣлѣ войши въ спальню, ибо мы думали, что уже и днемѣ мершесѣ ходипѣ началѣ. Слово мершесѣ вселило въ лице ея нѣсколько краски; я и сего безѣ примѣчанія не оспавилѣ. Попомѣ осмѣлиласѣ я, продолжала она, войши прежде всѣхѣ, и признаюсѣ, что пакого смѣшнаго позорища еще онѣ роду моего не видывала: челоуѣкѣ кашалѣ по полу въ поповскомѣ полукафшанѣ, копорое, не знаю, гдѣ онѣ подцѣпилѣ; лице его замарано было кровью, шабакомѣ и чернилами нанодобіе сѣраго лаку; по правой спороуѣ лежалѣ мѣшокѣ сѣ прсыпаннымѣ шабакомѣ; по лѣвой раковина сѣ пролишыми чернилами и нова-

лепной стуль. Трудно было намъ разо-
браться, кѣмъ это шакоѣ; лица его не ви-
дно было и голосу мы не слышали, на-
конецъ разобрали мы, что это господина
нашего племянникъ; и шакъ не много шуд-
ности сполло рѣшишь это дѣло. По-
слали пошчасъ за лѣкаремъ, кошорой и пе-
черъ еѣ спалишь. Извольше шуда войны,
шакъ вы увидише все сами.

Мы ни мало не мешкая вошли еѣ
спальню и увидѣли нововыпеченнаго музы-
канца, сидящаго на стуль; на головѣ его
не было уже ни единого волоса, и были
они подчесаны бринвою. Лепьющійся за-
мылокъ, лобъ и шѣмя предсшавилосъ мнѣ
земнымъ шаромъ, а племянникъ Полковни-
коѣ Анланномъ, кошорой небо на плечахъ
держилъ; продолговатныя ошѣ снѣгокъ ра-
ны показались мнѣ земными поясами; а
глазъ, носа и губъ увидѣшь я не моѣ,
по шому что лѣкаръ обмывалъ ихъ водою.
Надобно сказашъ правду, когда Полковникъ
сжалѣлъ о Балабанѣ и извинялъ дураче-
ство его робячесшвомъ (ибо онѣ былъ еще
ребенкомъ и имѣлъ ошѣ роду шолько два-
цать три года), тогда я внутрененно смѣ-
лся и дѣйствительнѣ бы вслухъ захохо-
телъ, ежели бы не вышелъ воѣ.

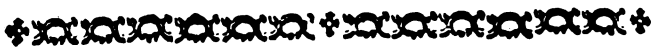
Солнце уже начинало дремать; коня его гораздо выбились из сил и захохотали кушанье: тогда и у нас в дом приказали накрывать на стол. Когда поставили кушанье, то привели также за стол павлиньего скomorоха, и чиня по чинить больного, дали ему первое место. Голова у него была ни чѣмъ не покрыта и не обвязана, по тому что дѣкаръ сказалъ, что безъ всякихъ пластырей скорѣе ее заволочешь. И такъ ѣли мы все по обыкновенію голодныхъ людей, и ушолъ въ желудкахъ нашихъ легкой голодъ. Въ срединѣ нашей ужины не преминуло случиться маленькое приключеніе. Ученая со- рока, конская сидѣла тогда на поспавъ и лежала всегда по волѣ, сморѣла на насъ, какъ мы сидѣли; все наши головы не показались ей иначевыми, какъ голова- ми человеческими, а павлинья голова предшавила ей кочкою, или такимъ местомъ, на которое она можетъ свѣсть, чиня бышь ей къ намъ поближе. И ма- ло не думая, взлѣзла она къ павлиньему на голову, и покачавшись не успѣли ее со- гнать, долбнула его раза два при очень исправно въ глушную сторону павлиньего его разума. Спрадалецъ закричалъ, и крикъ его слышалъ то, что смѣху моего не слышали; только было я расхохотался

договорно по деревенски. Потомъ израссипую чучелу поцели на поспелю, и мы кончили нашъ ужинъ сожалѣніемъ объ ономъ.

Послѣ снала госпожа Аленона пошла въ свою спальню, и съ позволенія отца своего просила и меня туда же. Чинобъ согласишься на ея прозѣбу, совѣмъ не было во мнѣ никакого упорства. Пришедъ въ опочивальню, выдумала она неподозрипельные способы выслать двоекъ воиъ, коноряя поначасъ насъ и оснавали. Мы подарили другъ другу нѣсколько поцѣлуевъ, кои уже давно изгониовили оиъ пламенныхъ нашихъ сердецъ. Потомъ къ неописанному моему удовольствію и къ превеликой радости, приказала она мнѣ раздѣвать себя. Разшуровывая верхнее ея платье, коснулся я шрепещущю и грѣшную мою рукою до услажденія нашей жизни, чшо у женщинъ объ вообще называюися грудью; и шунъ узналъ дѣйствителью, чшо женщины для муцины электрическая машина. Я вздрогнулъ и бросился морозъ по всему моему шѣлу; и когдабъ не шнолько крѣпка была на мнѣ кожа, шо кровь бы моя выскочила вся на волю, подобно какъ въ рѣдкое решено. Аленона ударила меня по рукъ. Ударъ сей не произвелъ во мнѣ никакой боли, а пущее волненіе въ клокочущей моей крови.

Признаюсь, что ежели бы завидливой соперникъ засталъ насъ въ такомъ случаѣ, то думаю не преминулъ бы пощекотать меня своею шпагою. Я былъ на верху моего благополучія; будучи на ономъ, не могъ почти вмѣстивъ въ себя этой радости, мѣлалъ, лишился всѣхъ чувствъ, и наконецъ ослабѣли мои члены и сдѣлался я недвижимъ. Тутъ вспомнилъ я слова нововыпеченнаго сочинителя: любовь вкуса и всегда въ ней новые присмаки, которые производятся оиъ электризаціи и оиъ капитулаціи.

Послѣ чего Алесонъ не хотѣлось со мною разстаться до ихъ поръ, покаместъ она уснетъ; и такъ просила меня, чпобы я сказалъ ей сказку. Она была такая до нихъ охотница, чпо другой подобной ей я не знаю. Я хотѣлъ ей оною служить съ охотою, только извинялся, чпо вдрутъ хорошей повѣсти вздумать не могу: однако она зная дѣйствительно, чпо я въ нихъ искусенъ, просила меня неопсупно; а я, какъ будто бы предвидѣлъ плачевную судьбину, не смалъ ей рассказывать хорошей и длинной исторіи, желая употребить оную въ свое время, чпо дѣйствительно и сдѣлалъ. И такъ началъ рассказывать ей сіе приключеніе, которое означаенъ пятая глава моей книги.

ГЛАВА V.

ПОВѢСТЬ,

ВЪ ЧУЖОМЪ ШИРУ ПОХМѢЛЪЕ.

Попалъ и Милозоръ, неубогіе нашей Имперіи дворяне, великіе между собою друзья и довольно погороду знапные люди. Милозоръ былъ холснъ, а другъ его женнъ. Хошя и сомнишельно, чшобъ между шакими людьми могло бышь сохраняемо дружесшво, однако они довольно снарались умножашъ его и почиали за удовольсшвіе бышь вѣрными друзьями. Ревисснъ къ женѣ Понала не запрещала Милозору бышь всякой день въ его домѣ и обходишья свободно съ его супругою, кошорая называлась Прекраса. Попалъ, положась на дружесшво своего прѣшнеля, ни мало не сомнѣвался въ его честности. Напрошивъ шого и Милозоръ хранилъ ее шолько, шолько добродѣшельной и разумной челошкъбъ сохранишь ее можешъ. Онъ не шолько сдѣлашь, но и подумашъ не хощѣлъ, чшобъ опорочишь брачное ложе своего друга, и приснавишь ему рога, хошя и имѣлъ

въ себѣ довольно достоинства, чтобѣ по- колебаны вѣрнень его супруги, для шо- го чшо въ нынѣшнїя времена многихъ пошояныхъ женъ добродѣтели и вѣр- носнѣ и безъ вѣира шающаея. Одна- ко Милозорѣ не хотѣлъ этого и слы- шашъ.

А какъ извѣстно, что въ древнїя времена черни были великіе смѣлаки и непосредственныя нахалы, шо нѣкто изъ оныхъ для разгулки замѣшался въ сіе дѣло, началъ дурно и кончилъ нехоро- шо, что покажетъ и послѣдованїе.

У Попада въ домѣ жила крѣпостная его дѣвка; она была весьма знакома Ла- дѣ, копорая дарила се всякой день но- выми предестями для влюбившагося Ми- лозора, копората сердце раздроблено бы- ло спрѣдами сей красавицы. Впрочемъ, не обижая Прекрасу, имѣла она съ ней равную красоту. Милозорѣ всякой день спаргался подцѣпннцъ сію красонку, скло- нялъ ее деньгами, обѣщавъ выпроснть ей свободу, и словомъ, поднимался на вся- кїя мудроснн, однако ничшо ему не уда- валось. Наконецъ, когда увидѣлъ онъ, что всѣ его происки и хищроснн напрас- ны, шогда предпрїялъ объявншь объ

эномъ Попалу, котораго дружество, надѣялся онъ, учинишь ему помощь. Въ эпомъ онъ и не обманулся. Попалъ обѣщавъ ему сдѣлать сѣю услугу; а что она верочна, то они оба знали, да думаю и сочинитель обѣ эномъ вѣдаль, только не знаешь, какъ применишь ее чинишь; ежели онъ великодушень, то конечно просишь слабень сѣю двумъ молодымъ друзьямъ. Начали они совѣщанье такимъ образомъ: Попалъ говорилъ своему другу, слушай Милозоръ, я приножусь въ нее влюбленнымъ, и начну склонять ее ласкою; а ежели она не склонится, то употреблю въ сѣмъ случаѣ господскую власнь и приножу ее силою. Сего дня ночью въ двенадцатомъ часу прикажу ей приини въ садъ въ шумную бесѣдку, въ конторой, какъ ты знаешь, и днемъ никого почини не видашь, не только ночью; и такъ ты вмѣсто меня можешь пользоваться энимъ случаемъ. Выдумка была похвалена съ обѣихъ сторонъ, и Милозоръ высылалъ благодарности своему пріятелю съ излишкомъ. Я сколько обрадовалъ, говорилъ онъ ему будучи въ восхищеніи, какъ будно бы уже все дѣйствительно получилъ. Поѣзжай домой, онъ вѣчалъ ему Попалъ, чтобъ лучше избѣжанье подозрѣнія, и

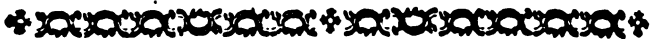
въ назначенное время явились къ одержанію побѣды. Пономѣ они разошлись. Попалъ ни мало не меншка началъ предпріятіе свое производить въ дѣйствио, въ чемъ ему очень легко и удалось. Успрашенна прелесница обѣщала ему все по его волѣ исполнить.

Когда начала приближаться ночь къ нашему зениту, тогда расплаканная дѣвушка пришла къ госпожѣ Прекрасѣ и обѣявила ей происхожденіе свое подробно. Сколько ни великъ былъ страхъ, однако сожалѣніе было въ ней больше, чинобъ потерять свою честь. А правда, или нѣтъ, чно она такъ много сожалѣла о своемъ цѣломудрїи, того я и самъ не знаю. Кажется мнѣ, чно всякая взрослая дѣвушка охотно согласится поамуриться въ шемной бесѣдкѣ, гдѣ никакого стыда на лицѣ примѣнить не можно; впрочемъ я того не утверждаю, и осмѣляю шолковать шѣмъ людямъ, которыя меня гораздо поосновнѣе. Прекраса, услышавъ сіе, приняла въ прегеликое оторченіе; бѣшенство овладѣло ея сердцемъ, и наполнило се ненавистію къ мужу: конь этому повѣршиъ должно бѣзъ всякихъ ошговоркѣ, по шому чно ревность все въ соснояіи сдѣлашь изъ женщины. При-

шедъ опять въ прежнее чувство, благодарила она свою дѣвку оцѣ искренняго сердца, и обѣщала ей награжденіе, а мужу вознамѣрилась мстить за его невѣрность. И такъ приказала она мнимой своей совѣсницѣ куда - нибудь на время спрячься; а сама пошла на назначенное свиданіе и не мало не сомнѣваясь, чпобѣ кипо-нибудь другой шуда пришелъ, выключая ея мужа. И такимъ образомъ будучи въ сихъ мысляхъ, пришла шуда, и подождавъ малое время услышала, что подходитъ къ ней человекъ, которой не хотѣлъ ей сказать ни одного слова за шѣмъ, чпобы его не узнали, а Прекраса также. И такимъ побыпомъ Милозоръ не мешкая ни мало исполнилъ то, за чѣмъ пришелъ. Послѣ взявшись оба за руки, пошли вонъ и въ ихъ сборища, въ которое завелъ ихъ сонной Купидонъ. Въ превеликой шли оба радости; одинъ думалъ ошкрыть свою снрасть своей красавицѣ, а другая хотѣла укорить своего мужа невѣрностью. Ночь была довольно свѣтла, и безъ всякой оштановки можно было имъ себя разглядѣть. Какъ скоро они вышли на свѣтъ, то взглянувъ другъ на друга ахнули и ошполбенѣли; апыдѣ замѣшался между ими и сдѣлалъ ихъ неподвижными. Попомъ Прекраса

вскорѣ увидѣла своего мужа, а Милозорѣ своего друга, конорой провѣдавъ все ошѣдѣвки, бѣжалъ предупредити печальное свое несчастіе. Какъ скоро онъ къ нимъ подбѣжалъ, но оба они сжали передъ нимъ на колѣни, и какъ возможно лучше извинялись въ своемъ погрѣшеніи. Выслушавъ ихъ, бѣдной рогоносцѣ бросился и самъ передъ ними на колѣни, и просилъ у жены своей прощенья. Все были правы и все виноваты; Прекраса и Милозорѣ осмались въ выигрышѣ, а Попалъ, жедая услужити другу, проигралъ свое собственное, и сказалъ: бышъ шакъ, грѣхъ да бѣда на ково не живешъ. Впрочемъ дружесшво ихъ сею ссзлакою не кончилось: хощя они сдѣлались свояками, однако друзьями умерли.

ГЛАВА VI. 4

ОБЪЯВЛЯЕТЪ , КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ
ПОПАДАЮТСЯ МЕРТВЕЦЫ БЪ ЗА-
ПАДНЮ.

Окончавъ мою повѣсь, усмопрѣлъ я, что красавица моя уже уснула, и была въ самомъ сладкомъ снѣ; прекрасной ея снаи въ весьма прекрасномъ былъ положеніи; правая рука лежала у меня на колѣняхъ, а лѣвая сонзволила окружить ея голову. Пріѣшель мой Морфей въ угодноснѣ мою раскыылъ ея груди, копорья съ великою и;тнноснѣю подымались и опускались, и прнплекли къ себѣ мои глаза; тонкое покрывало и проицательной мой взоръ въ часнѣ ея шѣла предснзавили мнѣ опкрышыми; восшоргъ мой, ея прелеснѣ, горячая моя кровь и еснесснленное побужденіе что во мнѣ произвели, шого описанъ я не въ силахъ, и проиу извиненія у чншаселя: ибо я не снолько въ шайпахъ снхъ искуснѣ, какъ человекъ женшой, и прншеснѣ долженъ опаснѣся, чтообъ женщины не назвали меня нескромнымъ, и не лишили бы шой млоснѣ, копорюю я пннѣ имѣю чеснѣ пользоваться.

Признаюсь , что я еще не довольно насыпилъ мое зрѣнiе , какъ необходимость принудила меня оснавить мою предесиницу. Вынулъ часы , и уже двенадцатой часъ докладывалъ мнѣ , что время отсюда убираться. Воспавни поцѣловалъ я мою Афродиту , а сколько разъ , того я и самъ не помню , для того , что не было со мною записной книжки ; да сверхъ того не было мнѣ нужды и записывать ихъ. И такъ вышелъ я изъ шой спальни , которая была услажденiемъ всѣхъ моихъ чувствъ и членовъ.

Сколько любовь моя ни была велика , однако не меньше ее было и любопытство. Какъ скоро я осзнавалъ мою любовницу , такъ и вздумалъ о ночномъ волокингѣ. Прежде я мало боялся мершесцевъ , а въ это время и не думалъ ихъ опасаться , только прусилъ маленько , чтобъ не попревожилъ онъ меня какимъ-нибудь ошрымъ желѣзомъ , или свинцовымъ шарикомъ ; однако ничто не удержало моей опваги. Въ семъ случаѣ сдѣлался я воинъ и плотию и духомъ. Момъ , которой мнѣ те въ дальнемъ колѣнѣ родилъ , присутствовалъ въ сiе время ко мнѣ , и наудалъ меня осмѣханы люд-

скіе пороки, и такъ вознамѣрился я оказашь мое проворство, и послѣ посмѣяшьяся господину мершвецу, его любовницѣ, да и всѣмъ шѣмъ, кошорые мершвецовѣ болшяся. Бросился я пошчасѣ къ погребу, и увидѣлъ ошверстшья двери Ладина храма, въ кошоромѣ приносили прежде жерщву Усладу, шакѣ какѣ они всегда обыкновенее имѣли. Усердїе къ пьяншвенному болвану и счасшъ Полковнкова вина сдѣлали мершвеца пьянымъ, и онѣ началъ колобродить шакѣ, какѣ обыкновенно колобродяшъ пьянщы во плонш. Тогда посыпались у него веселья шушки, замысловатшя выдумки, кошорья производяшъ хмѣль; оной поднялъ бѣлаго щеголя, и началъ водить по погребу. Я прижался въ самой уголѣ, и сшоялъ счень тихо; пошомѣ слышно мнѣ сшало, что онѣ полѣзѣ въ ларѣ, кошорой шупѣ сшоялъ, и кошорой въ шо время былѣ пущѣ, куда пригласилѣ и свою спущнщцу, кошорая сѣ помощію его шакже въ оной влѣзла. Они сшоро замолчали, а что дѣлали, шо чшшашель я безѣ меня угадашь можешѣ. Я подкрался къ нимъ на цыпочкахѣ, и опушшилѣ у ларя крыш-

ку, сложилъ цѣпь на пробой и засунулъ желѣзнымъ гвоздикомъ, которой и висѣлъ на веревочкѣ у пробоя. Мнѣ показалось удивительно, что они не испужались; и думаю, что имъ предъзнавалось, будто бы крышка сама улетитъ, и были они, какъ думаю, въ шой надеждѣ, что опять ошворишь ее могучѣ. Я погребѣ заперѣ замкомъ и ключъ взялъ съ собою, и ошходя примолвилъ: опочивай до ушра любезная чеша, и наслаждайся всякими увеселеніями, какія ты можешь сыскать въ крѣпкомъ ларѣ, и сверхъ того въ окованномъ желѣзомъ.

Тогда уже былъ второй часъ по полуночи. Богиня мрака спускалась уже къ горизонту, а я опускался на мою постелью, и ложась на оную размышлялъ, какъ легко можно препроводить ночь безъ сна, и хвалилъ бдящихъ нашихъ согражданъ, которыхъ я насчиталъ чешыре рода. Первой изъ нихъ несмысленные ремешворцы; второй глухие любовники; третій искусные каршежники; четвертой проворные воры. Первые не спящъ для того, что подающъ Музамъ нужную посуду, и сномъ подлѣ ихъ кровашей, слу-

Часть I.

Г

пашюшъ, какъ они во снѣ брѣдяшъ, и опѣ
 много сочиненія ихъ называюща брѣдни.
 Выпорые сидяшъ въ переднихъ у кокешокъ
 (*), и всякой спаряется изъ нихъ, чипобъ
 ярежде всѣхъ войши въ ея спальню, когда
 она проснешся, и зяюшъ употребляетъ
 на цѣлой день вмѣсто скорохода. Трешки
 всегда въ это время въ классахъ (**), гдѣ
 слушающъ науку бытъ снѣспливымъ,
 хоша послѣ оснающа в безъ кафиановъ.

(*) Кокетка. Многіе скъзываютъ, что ямя сіе
 родилъ ся въ Парижѣ, и отруда имѣетъ свое
 начало; однако прежнее седмь чудъ роды
 лись не въ Европѣ, то и сіе осьмое мнѣ ка
 жется оцѣ ихъ же начала должно произой
 ти. Сіе нѣжное животное под бѣс ршупи;
 сердце ея уиодобляется иногда термометру;
 око въ мигъ затарася и проспываетъ,
 смотря по погодѣ, или по величинѣ пожит
 ковъ. Въ ней никъ кѣя не родятся страсти,
 а воспламеняюща прихоти. Она себѣ ничего
 не желаетъ; но думаетъ, что весь свѣтъ
 слѣланъ для нее; желанія ея по землѣ не
 ходитъ, а бродяшъ по шловамъ глупыхъ
 воздыхателей. Они ея подножке и слуги ея
 прищукамъ. И такъ свѣтъ имѣетъ уже те
 перь въ себѣ восемь чудъ. Должно, чтобы
 оцѣ уведомленъ бытъ и еще о двухъ, одна
 ко сто покъзано будещъ въ своемъ мѣстѣ.

(**) Классъ слово не Русское, а по нашему у
 чилище, порядокъ, строй. Я не толкую
 здѣсь объ немъ, боже, чтобы не позволя

Четвертые во время ночи, прижимаютъ на себя, должность переводчиковъ, и переводятъ чужіе пожилки въ свои дома; и послѣ бѣвъ переделку продаютъ ихъ на рынкѣ за сходную цѣну. И если бы я былъ въ числѣ послѣднихъ, то конечно пойманную мною пару птицъ опнесъ бы коутру въ охотной рядъ.

Признаніе погрѣшенія половина исправленія. Я былъ въ превеличайшемъ воспоргѣ, такъ что мнѣ и спать не хотѣлось. Несчастіе ключницы и мертвецъ не приводило меня въ жалость, и я хохоталъ, когда воображалъ, что если у меня два чудныя животныя, которыя вмѣсто кашки запершы въ ларѣ; двѣ одушевленныя ивари, сидящія въ такомъ мѣсцѣ, гдѣ прежде, всыпанъ былъ не одушевленной овесъ; словомъ, я сколько былъ радъ, какъ и въ которой сочинилъ, которой, обѣлся и опился въ радости, когда сфиграла на театрѣ прешнейную его комедію.

Г 2

меня въ диспутѣ; я человекъ не знающій, и такъ: оныя мнѣ строгіе спорщики, которые забездѣлицу поставашъ подумянытъ мнѣ лѣвую щоку.

1808 он 2020 ка

Однако радость моя не столько сильна, сколько силенъ сонъ, кошорой уже начинаешъ прикрывашъ меня своими крыльями. И шакъ, господинъ чипашель, ты уже не услышишь моихъ словъ до седьмой главы моей книги, по шому что я воснъ ни съ кѣмъ не говорю. Желая тебѣ покойной ночи. . . Прощай, я уже уснулъ.

ГЛАВА VII.

ПРЕВРАЩЕНИЕ МЕРТВЕЦА ВЪ МОНАХА.

Спражъ Ериманейской медвѣдицы уже спустился въ Океанъ, и созвѣздіемъ своимъ возмущилъ морскія воды; бдящая варница восшалъ съ багрянаго Тришонова одра на свѣнляющемся восшокѣ опверзла свой храмъ испещренной и услащенной розами; Тифія ошляла свои заноры и ошкрыла пушь въ пространные небо солнцу, кошорому предшествовалъ Луциферъ и гналъ впередъ собою снадами звѣзды; проснулись Зефиры и мягкими своими ушами цѣловали цвѣшны распушце въ долинахъ, и прѣявъ благовоніе изъ своихъ рамева, разносли оное по вселен-

ной, или шамъ, гдѣ прѣлипности обитали природы. Великій Аполлонъ облекшись въ свѣшлозарную порфиру, пожаловалъ ко мнѣ въ спальню, кошорому послѣдовали первой и второй часѣ дня, кои подошедъ ко мнѣ подняли меня за руки и поздравивъ меня съ добрымъ упромъ, ошправились въ свой нушь. И шамъ по баснословію просмулся я весьма великолѣпно, а въ самомъ дѣлѣ разснался съ поснелею по домашнему.

Какъ скоро я ошкрылъ свои глаза, то шошчасѣ хванился ключа, кошорымъ вчерашняго дня заперѣ погребѣ, за кошорымъ хранилося усопшее и живое шѣло въ ларѣ, нашелъ его въ добромъ здоровѣ. Шошомъ одѣвшись очень поснѣнно, побѣжалъ къ Алепоу и расказалъ ей сіе приключеніе подробно; чему она не вѣрила и вѣрнше не хошѣла, однако увѣрилася дѣйснвнпелъно, когда я повелъ хозяина и всѣхъ домашнихъ, чшобѣ показашъ имъ оше чудо. Я былъ перобкой полководецъ въ шрусливомъ моемъ вониснѣ; всякой съ шренешомъ мнѣ послѣдовалъ, и думали всѣ, что я хечу подѣ ними подшуннше. Когда я

отперъ порѣсы, тогда хояяиъ съдѣлаъ
 со мною уговоръ; и тогда прежде ихъ не
 отпирашь, покамъ всѣмъ не услышимъ ихъ
 голоса. Я на то охотно согласился, по-
 дошедъ къ ларю, и закричалъ Полковникъ
 мужественнымъ, однако дряхлымъ ономъ
 опирахъ голосомъ, кинь сидишь въ моемъ
 ларѣ? Я, милосердой государь, отпиръ-
 чала ключника: Я попался по грѣхамъ
 моимъ въ сіе заключеніе. А кто еще съ
 побою? опрашивалъ онъ же. Тотъ мерт-
 вецъ, онъ испововала заключенная, ко-
 торой всякую ночь обездокаивалъ вашъ
 домъ: мы виноваты и просимъ насъ по-
 миловать. Тутъ въ ушахъ, что тамъ
 не шумка. Полковникъ побѣдилъ, все
 ономъ страхъ и закричалъ своимъ людямъ:
 бѣгите поскорѣе въ похицію и побѣдѣ
 приведите сюда роту солдатъ и вели-
 те у нашего прихода бицы въ набавъ.
 Я принялся говорить и представлялъ
 Полковнику, что это напрасно, и что
 мы можемъ все окончить келейно, и
 послѣ разобравъ все дѣло, ежели надоб-
 во будешь, можемъ и обнародовать. Хо-
 зяинъ на сіе согласился, и ведѣлъ слу-
 гамъ своимъ спастъ кругомъ, а самъ
 сшалъ въ серединѣ ихъ, приговаривая

пощаспу : не робѣйте робѣти? Пошомѣ приказано бѣло мнѣ отпереть дарт, что я пошчасѣ я учинилѣ. Когда я подналѣ крышку , увидѣли мы наниѣ павиниковѣ сшоящихѣ. Я зачалѣ помогашѣ вылѣзшѣ ключницѣ, а мершвецѣ выскочилѣ и самѣ. Оба викованые кошѣли бросишѣся кѣ ногамѣ Подковника , конорой подумалѣ, что мершвецѣ задавншѣ его хочешѣ, закричалѣ изо всеѣ силы. Я подбѣжалѣ кѣ нему и предсшавалѣ , что опасатѣся ему нѣчего , я мершвецѣ хочешѣ проситѣ у него прощенѣя. Пускай же онѣ одѣнешѣ вѣ другое плашѣе, ошвѣшешковалѣ заслуженной конѣи, шакѣ я я дозволю ему ко мнѣ приближшѣся. По храброму сшоль приказу пошчасѣ перерядили подковника вѣ жившго человекѣка и пошди всеѣ вѣ комнашѣ. Тушѣ мы узнали о кончинѣ нашей хозяйки ; онѣ уже не сердилась и не кричала , когда смывали сѣ нес бѣланды и румяны, и ни мало не ворчала на шѣ , что одѣли ее не по шѣдѣ.

Еѣ скоромѣ времени изгошвили красной гробѣ и назвали премножесшво поповѣ. Погребенѣе было самое плачевное. Когда повезали усопшую вѣ церѣву, мог-

да два служителя вели Полковника подъ руки, для того чинобъ не повалился онъ въ грязь; жалосишь и вышняя имъ поупру для уполенія печали водка обременили его гораздо, и онъ со всемъ забылъ, что надобно было плакати. Госпожа Аленона не въ шакихъ уже дѣшахъ, чинобъ плакати ей о своей манери, и опяшь не шакого поколѣнтя, чинобъ вышь ей голосомъ; это одной подлосни прилично, и шакъ ѣхала со мною въ карепишь и пересмѣхала всехъ, кшо намъ ни попадался. Въ церкви съ разнымъ усердиемъ и разными голосами завывали шарухи, и копорая надѣялась получишь великую оишь Полковника милосишь, ша приходила къ гробу и колошилась головою объ оной, поглядывая на него по часту, примѣчаешъ ли шо ея благодѣшпель. Другая рвалась въ углу и посылала свою виуку сказати Полковнику, что бабушка ея умираешъ съ печали. Иная наширала глаза свои лукомъ и подходила къ нему просишь милосишни. Щеголи, копорые хошѣли пообѣдати на похоронахъ, бросали въ глаза шабакъ и плакали довольно исправно, по шому что онъ шабаку не только плакати,

да и ослѣпнуть скоро можно. Когда поспавили гробъ въ землю и ея же засыпали, тогда съ болшимъ усердіемъ посѣщали всѣ къ сполу. До половины объда слышны были рѣчи о покойницѣ, а послѣ вино помрачло ее у всякаго въ памяти, и всякой началъ колобродить. Сверхъ всего этого шолъ, кошорой носилъ на себѣ шакое имя, кшорое совсѣмъ не позволяло пить ему вина, зашягивалъ уже и пѣсни. Вскорѣ пересшали сожалѣшь объ ней, для чего было я на другой день изгошвился сказать надгробную рѣчь, мая нравоучительную проповѣдь, однако или для шого я ее не сказывалъ, чпо не умѣлъ (*), или для шой причины, чпо Полковникъ кликнулъ меня къ себѣ въ спальню и приказалъ привесши съ собою и новаго гостя. Когда мы съ нимъ пришли, шо приказалъ онъ спальню запереть, и шакъ были мы шущи шрое. Винованшой валялся до шѣхъ поръ у него

Г 5

(*) Я признаюсь въ мсемъ незнаніи; почему видно, чпо я человекъ чистосердечной. Кто пьетъ не блѣдитъ, а лжетъ не краснѣетъ, шотъ прямо человекъ свѣтской, а я не изъ числа пѣхъ.

въ нотахъ, пѣли съ оубъ Полковникъ про-
спялъ ему вилу его великодушна. Тогда
я прамѣшилъ; чино радость овладѣ-
ла нашимъ невольникомъ, и онъ уже
болѣе не опасался своей участи. Языкъ
его былъ очень поворопливъ и разумъ до-
вольно вершляной. Началъ онъ извинять
послупокъ свой такими доказательст-
вами, которыхъ опорочить было не воз-
можно; и вина словами его такъ ума-
лялась, что начинали мы находить въ
спрашномъ смернномъ прислужника Мо-
моя. Все, что онъ ни говорилъ, было
замысловато и остро. Когда мы съ че-
верть часа съ нимъ поговорили, тогда
уже началъ онъ и шутить, хотя совѣсть
представляла ему, что сдѣлалъ онъ дур-
ное дѣло, но прощенье его вины заспа-
вляло оную молчанье. Скажи мнѣ, гово-
рилъ Полковникъ, смотря на него сниз-
ходительнымъ и веселымъ видомъ, кшо
ты таковъ? Я монахъ, отвѣтствовалъ
онъ, обителю Сидящаго Вавила. Я под-
держей върскимъ слабоснѣмъ и досто-
инъ всякаго наказанья; однако ешляи
вы примете трудъ выслушанья мое по-
хожденье, то можете бышь извинить
меня въ оныхъ. Принужденіе пріяпъ сей

оубо произвѣдѣишь во мнѣ отчаяніе и дѣлаеши
 меня неспособнымъ послѣдовати моеи
 должності. Я иногда забываю самъ
 себя и въ ономъ забвеніи предпринимаю
 дѣла противныя чести и мнѣ самому.
 Чпожъ касаешься до почианія истиннаго
 моего Бога, но я во грѣхахъ моихъ имѣю
 всегда къ нему приближеніе и прошу оубо
 сокрушеннаго сердца, чшобъ избавишися
 мнѣ оубо сего чина, котораго сносишь,
 по совѣсти сказашь, силъ моихъ не до-
 стигаешь, и всякая погрѣшность укоряетъ
 мою совѣсть и увеличиваетъ себя въ мо-
 ей прискорбности. Никко извиняешь ме-
 ня не хочешь, и представляешь, что я
 монахъ; молодые мои лѣта и не созрѣ-
 лой еще разумъ не желаютъ посвятити
 себя уединенію. Я со всею бы моею охо-
 шою искалъ небснаго вѣнца монашес-
 кимъ чиномъ, но мірскія прелести уда-
 ляютъ меня оубо онаго: я человекъ, и
 слѣдственно подверженъ всеѣмъ чело-
 вѣскимъ слабостямъ, которыя иногда и
 прошишь воли нашей владѣютъ нами.

Выслушавъ его слова, вселилось въ
 насъ желаніе услышати и его повѣсти,
 въ которой мы надѣялись дозволено чу-

десѣ найши, ободряли его сколько намѣ возможно было, и просили, чѣобѣ началъ онѣ свое повѣснвованіе; и когда онѣ увидѣлъ, чѣпо мы больше ему не непри- ятели, чѣгда довольно ласковыми сло- вами попросилъ шенлаго чаю сѣ горячесю водкою, чѣобѣ нагрѣшь свое сердце, которое онѣ спыда и онѣ спраха находилосѣ вѣ великомѣ холодѣ. Когда удо- вольснвованѣ былѣ онѣ по его прозьбѣ, шо не шолько разогрѣлъ имѣ свое сердце, но, какѣ намѣ казалосѣ, разогрѣлъ и свой разумѣ, и началѣ говоритѣ шакимѣ образомѣ :

ГЛАВА VIII.

НАЧАЛО МОНАХОВЫХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ.

Я родилсѣ шакѣ, какѣ всѣ люди по- средешвеннаго соснвошїя и воспи- танѣ рачншельно моими родншеслями. На пшншнцашомѣ году смершь онншла у меня ошца и машь, о которыхѣ я до- вольно исправно плакалѣ, шолько ожн- вшнш уже ихѣ не мошѣ. Бранѣ ошца мо-

его, а мой родной дядя, взялъ меня къ себѣ въ домъ и все послѣ родителей моилъ осчастливленное имѣніе. Онъ позволялъ мнѣ называться своимъ племянникомъ мѣсяца съ чешыре, и сажалъ съ собою за столъ; наконецъ опредѣлилъ меня въ должностъ легонькаго кофшшенка, и я нагрѣвалъ поущиру и послѣ обѣда чайникъ, а во время стола стоялъ за стуломъ съ тарелкою, и не слыхалъ уже никогда, чшобъ назвалъ онъ меня племянникомъ, а всегда кликалъ уменьшительнымъ именемъ; ибо онъ разбогашѣлъ сколько онъ моего имѣнія, столько и онъ доходовъ женщиныыхъ. Она была великая мастерица держатиъ прибыточное домоспроишельство и мужа въ своей власши. По несчастію моему не показался я моей шепкѣ, и она меня возненавидѣла. Вскорѣ пономъ онспавленъ я былъ и онъ эпой должности за негодностію и опредѣленъ на поварню, гдѣ за неискусство мое случилось иногда, чшо меня и шузили. И шакъ въ такомъ черномъ чинѣ и въ замаранной одеждѣ препроводилъ я цѣлые полгода, въ которое время мучился и плакалъ довольно, ходилъ къ родителеямъ моимъ на могилы и обмывалъ поверхнос-

ши, ихъ слезами; однако они уже были нечувствительны и бѣднoscь моя ихъ не прогала. Наконецъ горестное мое соспoяние принудило меня убѣжать оиѣ шакого безчеловѣчнаго со мною поступка. Опдѣлся я во власць моего несчастія и рсѣавилѣ домѣ моего дяди. Замскашнсья вѣ городѣ совсѣмѣ мнѣ было не надобно; и шакѣ выступивѣ я на чистое и проспанное поле, сдѣлаася граждавиномѣ мiра и обипашелемѣ земнаго круга. Одежда моя предсшавляла меня или исправнымѣ перяхою, или беспечнымѣ философомѣ; ноги мои выступали попроворнѣе обыкновеннаго, и я до обѣда ошмѣрялѣ ими шрищанѣ пять верспѣ, шакже и послѣ онаго не много меньше. Засшигла меня вѣ большомѣ лѣсу ночь, и принудила лечь между деревьями на шравѣ, гдѣ я шакѣ хорошо уснулѣ, какѣ буднѣ бы на мягкой перинѣ. Вѣ полночь или далѣе наѣхали человекѣ двашанѣ верьхами: шумѣ ихъ разбудилѣ меня прежде, нежели я ихъ увидѣлѣ. Подѣхавѣ ко мнѣ спали они у меня спрашивашѣ, кто я шакоевѣ? Смушвенной мой ошвѣшѣ и рѣбоснѣ моя проишьели вѣ нихъ подозрѣние, и они какѣ

будто бы знали, тошчасъ и угадали,
 что я бѣглець. Поціомъ приказали одно-
 му ворошиться и взять меня съ собою.
 Провожаймой мой поцезъ меня не по до-
 рогѣ, а горами и бусраками; и конецъ
 выбрали мы въ дремучій лѣсъ, гдѣ
 ихъ окликали двое часовыхъ въ сму-
 рыхъ кафианыхъ, въ триповыхъ мали-
 новыхъ шапкахъ, съ сумами и съ ружьями.
 Первую заспавку мы проѣхали безъ вся-
 кой размолвки, такимъ образомъ и дру-
 гую. На послѣдокъ вѣхали въ самую се-
 редину онаго лѣсу: тушъ увидѣлъ я
 значительную площадь, на которой по-
 строены были преизрядныя хоромы и
 все принадлежащее къ хорошему дому.
 Передъ крыльцомъ спояла спража; и
 если бы часовые были не въ смурыхъ
 кафианыхъ, то конечно показался бы
 мнѣ видный домъ домомъ фельдмаршала,
 или по Руски военачальника. Привели
 меня въ караульную и осматривали до унтеръ
 тушъ и въ которые играли въ каршы; а
 другіе на нихъ смотрѣли, и какъ я при-
 мѣшалъ, то бѣгъ имъ не должно было
 снѣтъ цѣлую ночь. Разумные ихъ разго-
 воры и учинивыя обхожденія, въ которыхъ
 задосши, мжаккой, на видно было, сдѣ-

лали во мнѣ то, что я пересталъ опасаться этихъ людей, хотя и зналъ дѣйствительно, что они называющіяся разбойниками. Поутру, какъ скоро разсвѣло, то доложено было обо мнѣ ихъ начальнику, котораго называли они ашаманомъ: онъ приказалъ меня предсавить предъ себя. Вошедъ въ его горницу не мало дивился я убранству оной: она была убрана цвѣтнымъ штофомъ въ золотыхъ рамахъ; большія зеркала и картины знашихъ масшеракъ дѣлали въ ней большее великолѣпие, и она предсавлялась мнѣ нѣкошорымъ родомъ знашихъ домовъ, копорыхъ и въ городѣ бываешъ очень мало.

Ашаманъ лежалъ тогда на постелѣ и курилъ пабакъ; взглянувъ на меня видомъ разбойникамъ неизвѣстнымъ, усмѣхнулся, видя меня въ моемъ приборѣ, и спрашивалъ, что ты за чудо? Я рассказалъ ему все мои обшояшельства, и послѣ просилъ о призрѣнн; ибо я уже видѣлъ, что я въ его рукахъ. Краснофоче, которое употребилъ я въ семъ случаѣ, послужило мнѣ не мало къ поправленію моего сосшоянія. Выслушавъ все,

ашаманъ говорилъ мнѣ : не учился ли ты въ какой - нибудь Семицарѣи, или въ Университетѣ ? Отвѣчалъ я ему, что отецъ мой нанималъ для меня учителя, коимъ училъ меня Латинскому языку, Исторіи и Географіи, и у котораго слушалъ я Философію. Можно ли спастись, вскричалъ тогда ашаманъ, чибѣ такая замаранная кваръ слушала такъ великолѣпно одѣшую науку? Попомъ усмащивая во мнѣ не знаю что-то ученое, вступилъ со мною въ диспутъ, или по Руски въ споръ. И такъ до обѣда препроводили мы время, рассуждая о важныхъ маперіяхъ, а послѣ онаго перерядили меня въ богашое платье, и въ собраніи всей его артели получилъ я имя его друга. Сей шишулъ произвелъ во мнѣ немалую радость : ибо почтеніе коимъ мнѣ дѣлали его подданные, приводило меня въ восхищеніе. Съ эгихъ самыхъ поръ препроводилъ я цѣлые пять мѣсяцовъ въ великомъ удовольствіи, и жилъ по боярски. Любовница сего ашамана, кошо-ая была не выдачная и не послѣдней руки красавица, обходилась со мною не такъ, какъ моя пешка; она мнѣ дѣлала всякія благосклонности, и полюбила ме-

Часть I.

А

ня такъ, какъ роднаго своего брата; ибо препоручили меня ей незлобивой и тихой мой нравъ и ея любовникъ: она починяла за удовольсшвіе бытъ всегда со мною.

Въ одно время, когда сидѣли мы подъ ивнїю украшеннаго природою дерева всѣ шрое, тогда пришедъ одинъ изъ его подданныхъ, съ великимъ подобосшраснїемъ докладывалъ своему повелителю, что привезъ извозникъ человека, которой называешъ себя учинелемъ. Ашманъ шончасъ пошелъ въ свою горницу, куда пригласилъ и насъ. Я радовался идучи, что увижу ученаго человека, которой, думалъ я, равно сшраснїлся своей учасши, какъ и человекъ ничего незнающїй. Когда мы пришли въ покой, шю представленъ былъ предъ насъ учинель. Какъ скоро ашманъ увидѣлъ, что онъ человекъ разумной, шю шончасъ приказалъ расшворить чашу съ шеплымъ напитокомъ, которой Агличше имену юшъ пуншемъ, шю шѣмъ прогнашъ штрахъ, которой шопреньвалъ нашего мудреца какъ шридневная лихорадка. Присустѣдившись къ нему, началъ онъ тянушъ прямо по ученому, и намъ каза-

лось, какъ будто бы спаканъ спакана догоняеиъ. Когда въ чашѣ ничего не оспалось пуншу; тогда ничего не оспалось въ учишелѣ спраха. Онъ заговорилъ о воздушныхъ явленіяхъ, по шому чшо разумъ его полсшѣлъ шогда къ небесамъ, и лешя не мало подѣ оными спуспился на Парнассѣ: пересчишалъ шамъ всѣхъ ученыхъ людей, описалъ Аполлона и Музѣ, по сосѣдешву не миновалъ и Олимпа; и шакъ предсшавилъ намъ всѣхъ боговъ, какъ будтобы на карпинѣ. Пошомъ сошелъ на землю и проповѣдывалъ намъ о человѣческихъ обращеніяхъ, подземныхъ произхожденіяхъ, и словомъ, обо всемъ шомъ, до чего разумной и ученой хмельной человѣкъ своимъ поняштемъ доспигнушь можешъ. Въ шакомъ досшохвальномъ упражненіи препроводили мы шри дни. Въ чешвершой день ашаманъ опредѣлилъ разобрать его дѣло и спросишь извощика, для чего онъ привезъ къ разбойникамъ шакого человѣка, которой ему ничего нѣ сдѣлалъ. По собраніи суда и по предсшавленіи челобитчика и испца извощикъ объявилъ, чшо везъ его изъ Малороссіи и всегда пилъ его водку, а наконецъ эшо ему было ошказано. Учишелъ

и́ семѣ мѣстѣ перехвативъ сказа́лъ, что водка у него начала оскудѣвать, а купинъ было ее нѣгдѣ, и шакъ свѣ беретъ ее про себя. Тогда извозчикъ, желая чѣмъ нибудь оправдаться, говорилъ ашаману, что у учишела есть много денегъ, и для того онъ привезъ его къ нему, какъ шаковую добычу, кою которой разбойники имѣюшъ привычку всегда искашь, за что и самъ желашъ награжденія. Тогда выслушавъ его ашаманъ, началъ говорить ему весьма большое нравоученіе, къ коюромъ предсказывалъ, что ближнему своему надобно желашъ сколько добра, сколько самому себѣ. А какъ извозчикъ пресупнулъ сію заповѣдь и изъ бездѣлицы привезъ челоука на смерть, но заслуживашъ за это жестокое наказаніе, коюрое и учинено было немедленно. Взварили его споль искусно башогами, какъ говоряшъ у насъ, индѣ небу снѣло жарло, всполочили ему спину и брюхо довольно снисходительно.

Пошомъ спрашивалъ ашаманъ у учишела, сколько у него денегъ; на что другой объявилъ, что имѣешъ ихъ полшорасна рублевъ: тогда ашаманъ купилъ все у него книги, коюрыя съ нимъ на-

ходились, весьма дорогою цѣною, подарилъ ему сверхъ того тысячу рублей, и опуская оиѣ себя велѣлъ ему объявить Полиціи непременно, что былъ оиѣ у разбойниковъ, и все то что съ нимъ ни происходило. Какъ скоро его оправили, то приказалъ оиѣ класны все на возы и пригошовляиься къ походу, думая что непременно посѣпипиѣ его сыщикъ, что дѣйствительно и сбылось пошомъ. Послѣ чего зажгли весь домъ, и огонь сколько разсердился, что не оставилъ ни одного живаго бревна, а мы оправились въ путь.

ГЛАВА ІХ.

КОНЕЦЪ МОНАХОВА ПОХОЖДЕНІЯ.

Солнцевы кони перебѣжали уже вощночныя вѣшры, копорые вышли съ нимъ въ одно время и изъ одного мѣсяца, а наши вывели насъ изъ лѣсу. Мы слѣдовали совсѣмъ по незнакомой мнѣ дорогѣ, и наконецъ достигли до другаго поселенія, которое также находилось въ

лѣсу. Тутъ жили мы мѣсяца съ два, и не было съ нами никакого приключенія. Въ одно время призвавъ меня къ себѣ ашаманъ, говорилъ слѣдующее: другъ мой! ты живучи со мною можешь бышь и скучишь; сверхъ же шого заслуживаешь порочное имя, и когда узнаешь въ городѣ, что ты живешь со мною, по будущи почишашь шебя безчестнымъ челоукомъ, и для шого намѣренъ я опусшичъ шебя, чтобъ не былъ ты причпенъ въ число разбойниковъ. Я принялся его благодарить, и радовался уже, что буду скоро въ городѣ, по шому что жилище сіе хопя мнѣ было и покойно, и я былъ всѣмъ доволенъ, однакожъ жилъ съ разбойниками. Ашаманъ наградилъ меня довольно добродѣтельно и великодушно; онъ подарилъ мнѣ тысячу рублей, что не всякой богашой и честной гражданинъ сдѣлаетъ; къ шомужъ дана была мнѣ лошадь, и я проспившись со всѣми поѣхалъ въ пушь.

Два дни я разсуждалъ о семъ разбойникѣ, и не зналъ, какъ бы мнѣ его наименовать; ибо мнѣ казалось, что добродѣтель превышала его пороки. Онъ опшнмалъ у богашыхъ половину ихъ имѣ-

нїя, и сїю часпѣ дѣлалѣ на двое: одну оснавлалѣ себѣ, а другую отдавалѣ бѣднымѣ людямѣ. Обиженные имѣ не сшолѣко на него негодовали, сколько награжденные имѣ его благодарили. Мнѣ показался онѣ новымѣ философѣмѣ. У кого много, у шого онѣ опнималѣ; а у кого ничего не было, шому давалѣ. И шакимѣ образомѣ положилѣ я шакѣ, разсуждая долго: пускай дадушѣ ему имя наши жадные кѣ деньгамѣ богашые граждане. Впрочемѣ, чшобѣ не оснавишь вѣ неизвѣсшности шакого подлинника, объявлю о немѣ вѣ другомѣ мѣсшѣ попросраннѣе.

Вѣ шрепшій день моего пушешествїя, когда просыпалася Зимцерла (*), спускался я сѣ превысокой горы, и увидѣлѣ не далеко не весьма узкое владѣнїе, кошорое соспоало изѣ деревяннаго шпроенїя и называлосся село. Я вздумалѣ постшншть его: прѣѣхавши вѣ оное, нашелѣ всехѣ кресшннѣ вѣ великой печали. И когда спросилѣ я о причинѣ, шогда увѣдомили меня, чшо будущѣ похороняшѣ

Л 4

(*) Зимцерла. Славенская богиня. она была шже, чшо и Аврора, и имѣла храмѣ вѣ Кїевѣ

ихъ господина ; а какъ настало время
 что и я пошелъ въ церкву. Вскорѣ при-
 несли усопшаго, и весьма много было с
 немъ плачущихъ. Женщина весьма моло-
 дая рвалась больше всѣхъ, и казалась
 бышь опчаяною жизни; слезы ея сдѣ-
 лали шо, что я насилу могъ удержи-
 тся и самъ опъ жалосши; она была шодь
 опчаянна, какъ будто бы любовница по-
 хороняла своего любовника, а по шому я
 узналъ, что была она жена покойнаго.
 Во время обѣдни очень часто падала она
 въ обморокъ; однако опль скоро воздер-
 живалась, чтобъ не сдѣлать дурнаго по-
 ложенія ; и припомъ же примѣшилъ я,
 что она очень часто на меня поглядыва-
 ла. Когда начали оппѣвать новопресна-
 вленнаго, шо я печайно взглянулъ на
 нее и увидѣлъ въ рукахъ ея маленькое
 зеркало. Въ семъ случаѣ сдѣлался я
 маленькимъ Философомъ и располковалъ
 просипупокъ сей великодушно. Когда о-
 пуспили въ могилу ея мужа, шо каза-
 лась она, какъ будто бы хочешъ послѣ-
 довать ему, и едва успѣла выговорить
 чшобы просили меня къ ней опобѣдать,
 повалилась безъ памяти. Люди ея понесли
 ее нечувствительную домой, куда и ме-
 ня пригласить не позабыли.

Обѣдъ начался печалію, а кончился весельемъ. По большой части застѣдали за нимъ отспавные Офицеры шѣ, кошорые были великіе охошники подшягивашъ сивуху и рассказывашъ о сраженіяхъ; насуслились они за нимъ довольно исправно, приговаривая почасну: покойникъ былъ до вина охошникъ. А какъ обѣдъ кончился, шго я не знаю, ибо ошвело меня оцѣ онаго сіе приключеніе:

Въ срединѣ нашего обѣда, когда уже начинали краснѣшь у всѣхъ гостей носы, шогда вывели ошягченную бодѣзнію или печалію, или не знаю чѣмъ, хозяйку. Она въ превеликомъ безпамятспвѣ приказала подашъ себѣ сшуль и сѣла подлѣ меня, рвалася, ожала и рыдала; однако уже не шekli по лицу ея слезы, какъ думаю для шго, чшобѣ не смышь румянѣ, кошорыхъ она, пришедѣ изъ церкви, положила нѣсколькo на щеки. Священникъ уговаривалъ ее и подавалъ здравые содѣшны; а я, какъ человекъ совсѣмъ посторонній, не сказалъ ничего, выключая словѣ десяцковѣ девяти. Вскорѣ печальная наша Лада ушала въ обмонокъ и бросилась ко мнѣ на шею. Я дол-

женѣ былѣ съ помощію другихѣ опнести ее на постелю, чинобѣ шамѣ собрала она распоченной или расперянной свой разумѣ. Когда я несѣ ее въ спальню, шо получилѣ поцѣлуя два при весьма ошѣ горячаго сердца, и шушѣ узналѣ, чино обморокѣ ея пройденѣ вскорѣ, и чино она женщина свѣшская, коцдорая въ случаѣ нужды можешѣ при раза умерешѣ, и послѣ, когда уже не надобно будешѣ мершвыхѣ, воскресешѣ сама. Кладя ее на постелю, не могѣ я оши шѣ моей руки ошѣ шрепещущаго ея сердца для шо-го, чино она въ безпамяшшшвѣ придержи-вала ее очень крѣпко; чего ради подали миѣ шулѣ, и я сѣлѣ подлѣ ея кровати. Всякой со своимѣ усердіемѣ подходилѣ уговаривашѣ ее и воздерживашѣ ошѣ сокрушенія; и кшо былѣ пьянѣе другихѣ, шошѣ усерднѣе и шарался. А я сидѣлѣ подлѣ ее, какѣ будто бы осужденной; никшо не думалѣ, чино приковала меня безразсудная Венера, а всякой помышлялѣ, чино причиною шому ея ошчаяніе и болѣзнь о покойномѣ ея мужѣ. Всѣ уже наконецѣ развѣхались и легли домашніе спашѣ; шога образумилась боярыня и иачала со мною замуришѣся.

Если бы я не былъ холоспой и не скучалъ о томъ, что имѣли женаны, то конечно бы началъ разсуждать очень строго, и обвинилъ бы дерзость ея Спюмическимъ образомъ; но всегдашній мой недосышокъ принудилъ замолчать мою совесть, и я также легко презрѣлъ благоприсойность, какъ и плѣненная мною красавица. Что происходило у насъ въ сію ночь, того разсказывать я не спану; а если бы кто захотѣлъ уведомиться объ этомъ, то и безъ меня догадаться можетъ.

На другой день поутру подслушалъ подъ низходипельную сію крѣпость не знаю какой-то щоголь и началъ подпускать любовныя ужимки; я же не разсудя того, что красавица сія не великая была охошница влюбляться, а сужала нашу бранью по перемѣнкамъ, влюбился въ нее какъ въ пушную. Досадно мнѣ жестоко было, когда онъ пощупывалъ ее очень вольно; а она послѣ извинялась передо мною, что позабыла ему въ шомъ прошивиться, и сердилась на меня, для чего я ей объ этомъ не припомнилъ. Въ слѣдующій зпашъ день веселой мой соперникъ позабывъ шо, что я пушъ си-

жу, бросился съ Французскою вольностію
цѣловашь ея груди. Я не могъ болѣе тер-
пѣшь огорченія и преснулъ егъ по лбу,
онѣ чего полились у него и кровѣ и сле-
зы, и когда онѣ образумился, шо задѣлв
меня по щекѣ, а я до драки прежде бы-
валъ преведичайшій охотникъ; и шакъ
расправивъ мои руки, началъ его пошас-
кивашь взадъ и впередъ по комнапѣ, и
до шѣхъ поръ его ошбоаривалъ, пока
служившеи насѣ не разияли; разсвалъ
я ему побольше сѣлики шумаковъ подъ
пазухи и во всѣ шѣ мѣсна, гдѣ улег-
лись мои оплеушины, пинки и побопу-
хи. Въ семѣ случаѣ со мною не шакъ какъ
сѣ побѣдишелемѣ посщупили; вмѣстѣ
шріумфа (*), приличнаго побѣдоносцу,
обобрали меня кругомъ и проводили ду-
бьемъ со двора.

Появился я вскорѣ легокъ на чпе-
помѣ полѣ, неся за плечами палочные
удары, копорые миѣ дали на дорогу. Они
не споль были мягки, чшобъ моѣ я ихъ
упошребившъ въ обѣдѣ, и шакъ до ужина
прешерпѣвалъ маленькой голодъ: ужина
же моя сосшяла въ помѣ, чшобъ по-

(*) Тріумфъ, торжество въ честь побѣдоносцу

корѣ заснуть. Я думалъ гдѣ-нибудь о сибѣ покушанъ, что была и дѣйствительная правда. Во всю ночь я былъ великаго довольства сѣтешныхъ приговоровъ и жралъ ихъ сколько, что превозмелъ всякаго рода обѣдаль; однако во всемъ шѣмъ проснулся голоденъ. Это же извѣстно давно, что у голоднаго сабѣ на умѣ, и никакія гражданскія дѣла не приходилъ тогда въ голову, когда желудокъ пустъ. Я не ѣлъ ничего, однако гулялъ очень часто, и въ семь упражненій путешествовалъ еще до обѣда.

Вспрѣшилась со мною расчесанная деревня: я узналъ шончасѣ по ея плану, что не могу чушѣ выпросить ни одного куска хлѣба. Сколькожѣ я тогда сдѣлалъ восклицаній о моей нысачѣ! Когда же голодъ принималъ меня порядкомъ, а доспанъ хлѣба не было надежды, тогда вздумалъ я подняться на мудросни, и съ сею надеждою вступилъ шончасѣ въ деревню, и вошелъ въ шонѣ домъ, въ которой покурываѣ казался прочилъ; въ немъ я нашелъ старуху, о шресѣ или съ половиною зубохъ; пригрозилъ гораздо побожнѣмъ, сдѣлалъ ей, что я

выходецъ съ того свѣта, что пощій мой желудокъ и блѣдное лицо ей подтвердили. Какъ скоро она услышала, что я выѣзжай небесной градашиной, то пошчасъ собралась на шоссе и меня накормила. Пошомъ спрашивала, не видалъ ли я на шоссе свѣтъ ея сына? Я ошвѣтшвовалъ, что имѣлъ съ нимъ шамъ знакомство, и что онъ гораздо обнищалъ и возниъ шенерь на себѣ воду. Услышавши это шидруха бросилась благимъ машомъ въ свою короблю, и вынивъ нев нее послѣднн денъжонки, просила меня ошнести ихъ для разводу къ своему сыну. Пошомъ прѣхалъ съ поля пошъ, кешорой не перецеголавъ разумомъ безубую свою сешрицу, далъ мнѣ свою лошадь, чшотъ браншъ его возилъ на ней шамъ воду и больше бы уже самъ не шрудился. Такимъ образомъ съ немалого числа и крешшаншъ обманъ мой получилъ пошанны доволно. Начинивъ мои карманы ризною ходячею монешою, ошвилъ я эту деревню и посмѣлся мужицкой глупости.

Идучи дорогою считалъ я деньги, чшобы нев разныхъ кармановъ привести ихъ въ одно число. Некусешво показ-

лось мнѣ довольно хлѣбно, и я опредѣлялъ называться вездѣ, что пушешешую съ шого свѣща. Ни одинъ лекаръ, думаю, своимъ искусствомъ не могъ бы со всего купечества въ городѣ получить сколько денегъ, сколько я получилъ съ одной деревни; а что съ дворянства, о томъ я уже и спорить не буду; для шого что дворяне великіе охотники лечишья, и безъ всякой нужды принимающъ лекарства, лишь бы кто имъ присовѣтовалъ; а купцы починай совѣтъ не имѣющъ съ аптеками знакомства, и онъ шого, какъ сказывающъ, бывающъ они здоровѣе.

Въ этомъ пуши я былъ повеселѣе прежняго, и совѣтъ не видалъ, какъ спомыкнулся было на богатое и великое село. Когда я началъ всшупать въ него, шо принялъ на себя важной и смиренной видъ; ибо когда я слышъ, шогда шучу до шѣхъ поръ, покамѣспъ довольно. И шакъ какъ скоро увидѣлъ я мужиковъ, шо закричалъ имъ, чшобъ они снимали шапки. Они схватили ихъ съ великою поспѣшностью, моженъ бышь для ~~меня~~ ^{меня}, а моженъ подумали, что идешъ ихъ господинъ, предъ коншорымъ

они еще за три версты открываютъ свои головы. Я спрашивалъ, гдѣ ихъ помѣщикъ, и кто онъ шаковъ? Они сказали мнѣ, что нѣтъ его дома, а пѣхалъ на время не очень въ дальнюю деревню, а шуиъ, сказали, его жена и мать. Я тотчасъ велѣлъ имъ сказать о себѣ, и былъ принятъ снарухой весьма радостно. Тутъ надѣялся я получить больше денегъ, для того больше и вралъ. Но счастію моему свекрови понадобился я подъ именемъ выходца съ того свѣша, а снохъ подъ именемъ любовника; и такъ жилъ шуиъ во всякомъ удовольствіи. Снарухъ рассказывалъ я днемъ, а молодой рассказывалъ ночью. Безножилъ меня нѣсколько прѣздъ хозяйской, и я думалъ, что непременно мнѣ надобно прежде его убраться: ибо я провѣдалъ отъ служителей его, что онъ великой забіяка и ужасной охотникъ выправлять свои руки надъ чужою снитою. Я не очень надѣялся на кожу, которая покрывала мою спину, и такъ вознамѣрился было опесудить отъ сего мѣсяца. Какъ скоро узнали о моемъ отъѣздѣ госпожи, то съ превеликимъ прилѣжаніемъ нача-

ли меня просить, чшобы я оспался еще у нихъ. Идвая моя любовница удобнѣе всѣхъ ошвратила мое намѣреніе: она сказала мнѣ, чшо мужъ ся долженъ дѣлать шо, чшо она прикажетъ, и чшо она давно уже имѣетъ эшо счасіе, чшо сожнешь ея пляшетъ по ея дупкѣ.

Наконецъ онъ прѣхалъ: я увидѣлъ, чшо несумнѣнная была шо правда; она имъ повелѣвала, а онъ боялся и подумашь, чшобъ чѣмъ-нибудь ее прогнѣвать. По прѣздѣ его находился я въ шакомъ же довольствѣ, какъ и прежде, и какъ скоро онъ на дворъ, шо жена его занемогла, и не пускала его въ спальню цѣлые два мѣсяца, а я въ шо время занималъ его мѣспо. Подражая Юпитеру, копорой эдакъ же пошчивалъ Амфитріона, мнѣ кажется, пошребна была мужу ея ревности; однако онъ не позабылъ упошребить ея въ семъ случаѣ, и можешъ быть упошребилъ ея и съ лишкомъ.

Вотъ какъ человѣческое благополучіе не долговѣчно, и вотъ какъ мое перервалось. Заѣхалъ въ сіе село проѣзжающій Архїерей, рогносецъ мой принялъ его съ превеликою радостію, и первое его слово было шо, чшо ешь у него

Часть I.

Е

выходящѣ съ того свѣша ; потомѣ ра-
 сказаль ему все чпо я ни наболпалѣ
 ему во все мое у нихѣ пребываніе,
 прибавляя къ тому, чпо будпо бы всѣ
 его мужики онѣ того всболамушились
 и начали ошснавать онѣ церкви. По се-
 му препорученію видно, чпо онѣ же-
 лалѣ меня сбншь поскорѣ съ рукѣ. Ког-
 да кликнули меня къ Архіерею, шо я,
 какѣ будпо бы винованой, задрожалѣ,
 и не зналѣ, чпо ошвѣчанѣ. Тончасѣ
 зашнуровали меня цѣпью, и сколько ни
 просила за меня моя любовница, одна-
 кожѣ, не смошря ни на чпо, ошослали
 меня подѣ началѣ, гдѣ продержавѣ не
 меньше года, наконецѣ поспригли. Я у-
 шелѣ нѣсколько спушя изѣ нашей оби-
 шели и ошашѣ еѣ шомѣ же селѣ пошманѣ.
 И шакѣ съ шѣхѣ порѣ содержаніѣ меня
 вѣ монастырѣ весьма рачншельно. Мнѣ
 не приказано ншкуда выходншь вошѣ изѣ
 кельи, и словомѣ, я шакѣ какѣ будпо
 бы на цѣпи привязанѣ ; инаго способа
 нѣшѣ мнѣ вышнш изѣ онаго, какѣ вѣ
 шакомѣ нарядѣ, вѣ какомѣ вы меня из-
 шли. Я передѣ вами винованѣ, примол-
 вилѣ онѣ, чпо приключалѣ вамѣ безпо-
 койшело, и вѣ шомѣ прошу прощенія.

Такимъ образомъ кончилъ монахъ свое похождение, которое однако было еще не все; смѣшныя съ нимъ приключенія услышимъ мы послѣ.

Въ Полковникъ челоуѣколюбіе, или не знаю что другое произвело о немъ сожалѣніе. Онъ обѣщаль ему исходапайсивованіе свободу и прозъбою сложишь съ него чинъ монаха. Послѣ сего вошла къ намъ ключница и облившись слезами просила прощенія у своего господина. Она еще не совсѣмъ испорчена была лѣшми, и носила имя любовницы правилнѣе, нежели нѣкошорыя изъ монахъ знакомъ, кошорыя подѣ бѣдили и румяны прячушь свою снароснь. Полковникъ сдѣлавъ ей пристойной къ тому выговоръ, просилъ пошомъ ея погрѣшноснь, за что съ великою благодарноснїю поклонилась она ему въ ноги, и послѣ ашаго была опянь въ своемъ достоинствѣ съ не меньшимъ почтениемъ онъ всѣхъ домашнихъ.

ГЛАВА X.

ЕЖЕЛИ КТО ПРОЧТЕТЬ, ТОТЬ И БЕЗЪ
НАДПИСИ УЗНАЕТЪ ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ.

Когда солнце переѣзжало черезъ Эква-
торъ и прибыло почиай уже въ
пропикъ Козерога, у насъ въ домѣ не
много важнаго приключилось. Подков-
никъ стараніемъ своимъ переименовалъ
монаха, и сдѣлалъ изъ него бѣльца; и
такъ сдѣлались мы съ нимъ великими
друзьями, и были равнаго достоинства.
Онъ не уступалъ мнѣ въ краснорѣчїи, а
я въ осиряхъ ему выдумкахъ; и такъ
шакая двойка, какъ мы, довольно бла-
гополучно могли препроводить свою
жизнь.

Еще началъ осень Венера опредѣли-
ла предсказать въ нашемъ домѣ поход-
ную комедїю, или попросиу итрице;
чего ради послала къ намъ своего сына.
Онъ вселился къ Балабану въ сердце и
дѣлалъ тамъ чудныя распоряженія. На-
чало дѣйствїя было шакимъ образомъ:
закипѣла кровь въ моржевыхъ жилахъ и
дуралей нашъ началъ щеголяшь; сшилъ
себѣ набойчашой халашъ, и шаскался

въ немъ по улицѣ мимо окна своей воз-
 любленной; надѣлалъ не рѣдко кресль-
 анское плашье, и расхаживалъ въ немъ
 по морскому рынку. Ходилъ также въ
 харчевни, гдѣ заводилъ не посредственно
 свои драки и шаскалъ нарочно
 своего брата, для того что хабросить
 его надъ одеждою только имъ оказыва-
 лась. Прежде же сего ходилъ онъ всегда
 перхкою, въ замаранномъ овчинномъ шу-
 луи, и шанился по двору часто игралъ
 съ роблямами въ бабки, кричалъ ночью
 фидломъ и пугалъ спарухъ, которыхъ
 любилъ онъ него часто съ высокой на-
 шей лѣвизны. Возглашалъ пѣпухомъ,
 которымъ искусствомъ разбуживалъ со-
 сѣдскихъ куръ; перенималъ какъ кричатъ
 ушки, и словомъ, дѣлалъ всякія шалос-
 ти, какія только начальный изъ дура-
 ковъ выдумать можетъ. Началъ заку-
 пать гражданскія книги и переплещать
 въ церковной переплещать. Онъ иногда при-
 казался ихъ читать, но они казались
 ему столько же понятны, какъ слѣному
 живсписъ; и чѣмъ копорая книга была
 важнѣе, тѣмъ для него хуже. И такъ раз-
 сердясь на ихъ темноту, опредѣлилъ со-
 слать ихъ въ ссылку, то естъ продать

барышникамъ. И такъ въ началѣ провѣ-
 нялъ на деньги Телемака, и купилъ на-
 мѣсто его черной шафяльной маншилетъ;
 (*) попомъ Троянскую испорію, Марки-
 за, Баншемировы саширы, и купилъ аса-
 лонъ; а послѣ нихъ пустился и на все
 доспальныя, между коими находились
 Римская и Древняя Испоріи, и купилъ
 снеганую исподницу и пуху для двойной
 посшелн; при чемъ вознамѣрился про-
 сить у дяди своего горницъ для буду-
 щихъ своихъ дѣшей, и приготоовилъ по-
 чиши уже все къ своей свадьбѣ, шолько
 позабылъ ошкрыши любовь свою шой
 дѣвушкѣ, кошорая уволокла посконное
 его сердце. А это была та особа, ко-
 шорая жила у полковника: она была
 ошдана ему послѣ ошца ея и машери на

(*) Ешому удивляться не должно, что Ба-
 лбанъ за шѣ деньги, кошорыя взялъ у
 Телемака, могъ купить маншилетъ, по тому
 что такая книга у насъ очень дорога, а
 другія, какъ напрымѣръ, грады, вершо-
 грады, спансы, мадригалы, идилли,
 билеты, то оными намостить можно Мос-
 ковскую дорогу. Старинныхъ книгъ у насъ
 очень мало, а особливо такихъ, какоѣ
 есть въ своемъ родѣ Телемакъ; а для чего
 ихъ нѣтъ, то на это примѣчанія я здѣсь
 не поставлю.

пропишаніе, и чпобы потомъ выдать ея за хорошаго жениха съ ея приданымъ. Дѣвушка пригожа и снзшна собою, шолько нѣскольکو проснешька, по нынѣшнему обыкновенію. (Для нашъ) началъ дѣлать ей изъясненіе свое стихами, для шого чшо прозы непаидѣлъ онъ смершельно, и не умѣлъ совѣмъ ея изъясняшься, а стихами говоришь не могъ, хошя и былъ до нихъ превеликой охотникъ; но не зная совѣмъ въ нихъ шолку, ошослаалъ къ любовницѣ своей вмѣсно любовнаго изъясненія саниру. Миѣ удалось ея списашъ; а чшобъ не одному ея пользоваться, сообщаю и чищашелю.

Безъ жару никогда на стужѣ воскъ не таетъ.
 Подобно дѣвушка безъ денегъ не вздыхаетъ.
 Металлъ сей не огонь, однакъ сердца вшитъ :
 На денежки смотря у всякой зубъ свиспитъ.
 Безсиленъ кундонъ старинной въ свѣтѣ нынѣ :
 Онъ шолько властвуетъ пастушками въ долині.
 А въ геродъ никогда не смѣетъ заглянуть,
 У щеглей въ смѣху босяя утонуть.
 Ужъ новей кундонъ у насъ теперь владѣетъ,
 Любовь червонцами, а не стрѣлами сѣетъ :
 А умъ, достоинство, любовь и краса,
 По правиламъ его, мірекая суеша.
 (Съ червонцами карманъ, вотъ шолько шутъ
 и дѣла!
 Уравица къ тебѣ потчасъ и полетѣла,

И такъ влюбилася, что хочетъ умереть,
Цѣлуешь, хвалишь, льстишь и хочетъ въ
вѣкъ горѣть;

А пламенѣе всѣхъ тогда она бываетъ,
Когда любовникъ ей кармаѣ свой открываетъ;
Таскала изъ него, вздыхая говоритъ;
Люблю тебя, мой свѣтъ! вся кровь моя горитъ;
Отъ страсти сей совѣмъ уже изнемогаю,
И сердце и животоу во власть тебѣ вручаю;
А послѣ, какъ тебя совѣмъ ужъ огодитъ,
Тогда погудкою другой заговоритъ;
Таскать изъ своего ужъ нѣчего кармана;
Прощай, дружекъ, я въ вѣкъ не дѣлала об-
манъ;

И такъ тебѣ скажу, что не привыкла я
Безднежнаго брать мужчину въ кумовья.

Написавши, или лучше списавши
ей сонихи, запечаталъ ихъ и послалъ къ
своей любовницѣ съ слугою. Но выдуман-
ное еѣ извѣщеніе ей не понравилось; она
приказала сказать слугѣ его господину,
что онъ не осмѣливался впередъ писать
такихъ брѣвнъ, и не ошваживался бы
присылать ей, ежели не хочетъ
быть тасканъ. Но прощюфилъ мой онъ
того не умудрился, и написалъ еще за
шо на нее саншу, за что дядя посадилъ
его на хлѣбъ да на воду, чему онъ былъ
радъ; ибо случилось, что не ѣдалъ дни

по три съ ряду, ва шѣмъ что деньги у-
пощребилъ на амуры, а послѣ сидишь
голодомъ; дѣйствительно бы такъ долж-
но было сказать, это было бы ближе
къ природѣ и къ самому моему дурню,
однакъ въ разсужденіи повѣсни попроси-
ворѣчу я самъ себя. И такъ онъ радо-
вался шому, для шого что будешь ку-
шанъ ржаной хлѣбъ, къ которому онъ
привыкъ въ деревнѣ; а дядино кушанье
ему не казалось, по шому что онъ не
зналъ въ немъ вкусу, и всегда говорилъ,
что сдѣлаво оно по Нѣмецки и казалось
ему пришорно. Годниша шущъ эта посло-
вица: „свинья на небеса не смошришь,“
Еще обѣщаю я обѣявить поболѣе въ сво-
емъ мѣснѣ о неудачныхъ его открышї-
яхъ, и наконецъ о его свадьбѣ; осна-
вимъ его шеперь съ маншелепомъ, асало-
номъ, исподницею и пухомъ, и дадимъ
ему надежду въ его любви. Онъ не пре-
минешъ и еще извѣстнишься. Самира же
его слѣдующаго содержанїя:

Цыганы, говорятъ, проворны на обманъ;
Искуснїй ихъ Жиды вшираются въ карманы,
Шиниморы вездѣ, гдѣ спрячано, найдутъ;
Но воры больше всѣхъ убытка наведутъ.

Огонь въ свирѣпости не сдѣлаетъ измѣны ;
 Поѣстъ и пошалитъ богатство все и стѣны.
 Кому у нихъ въ рукахъ случится побывать ,
 Не медля долженъ шипъ котомку надѣвать
 Но шѣмъ хоть онъ еще оспанетя доволенъ ,
 Что будетъ онъ въ своемъ умѣ и сердцѣ во-
 лень :

А я у нихъ въ кохтяхъ хотя и не бывалъ ,
 Однако никогда скудите не живалъ :

Докаль кровь моя въ груди не клекотала ,
 Пока съ любовью мысль моя не хлопотала ;
 Она меня ольстя плушьяка провела ,
 И въ сѣнь къ обманщицѣ лукавой завела ,
 Копыла в рамя хоть не подражала ,
 Но все къ себѣ мои пожитки прижала .

Теперь подицаишь стадь какъ быспрой я со-
 колъ ,

Летахонецъ и чистъ и не раздѣвшись голъ ;
 Не знаю, гдѣ она пршырствы выучаетъ ,
 Что самыхъ шильниковъ въ обманахъ превы-
 шаетъ .

Отъ вора завсегда нечеломя мнѣ прибрать .

А къ ней плушьякъ самъ шарился я шокать ,
 Она, передо мною ласканыи разсѣвала ,

Моя же отъ часу мошна ослабѣвала .

Но я ея лукавствѣ тогда не примѣчалъ ,

И только хоробрее червонцами стучалъ ,

Бѣ томъ мнѣныи будучи, хоть деньги не ма-
 кина ,

Да дѣвкой не они владѣють , а дѣтина ;

Но какъ я былъ пральщенъ , и какъ я изу-
 мленъ

Когда любовницы и деньги вдругъ свились ;
 Знать деньги , а не мы владѣютъ надъ серд-
 цами ,
 И что мы съ ними лишь бываемъ м лоуцами .
 Безъ нихъ , спрямцы , глупцы , скерчаины ,
 шалуны ,
 Да дѣвки лихъ всегда надъ нами к лауны .
 Хоть ими излушенъ , обманушъ и обругаиъ ,
 И сто всѣхъ споръ въ чрепашенькѣ обспру-
 гаиъ ,
 Всегда валился къ нимъ въ любовны кандалы ,
 И вишешся у нихъ въ глупцы и шалаы .
 Вотъ такъ - то и м.ня одна изъ нихъ вэчма-
 длаа ,
 И обобразъ кругомъ въ безумцы записала .
 Совѣмъ не челоукаъ , кто падастъ въ ихъ
 сѣть ,
 Онъ вѣка не доживъ паетеся умереть .

Всѣ сѣи сннхн , коншорые вы прочи-
 талаи , хѣня она и не хорошаго мастера ,
 однако Балабану никогда и во снѣ не
 снидись , а не шолько чшобы онъ ихъ
 сочинилъ . Все его искусство сосшоло въ
 томъ , чшо покупалъ онъ рифмы весьма
 за великя денги и подписывалъ подъ
 ними свое имя . Позвольте мнѣ , благо-
 склонный чшшатель , (а до неблагоклон-
 нато мнѣ и нужды нѣшъ) положить
 здѣсь пословицу на Лашинскомъ языкѣ ;

я бы конечно и на своемъ се носилъ, однако что не наше, того присваивать не хочу, для того что мы предволны и безъ чужаго: *aliquando fus Minervam docet* --- иногда свинья Минерву учишь. Балабанъ будучи такою скопиною, каковаго мы изъ описанія видиме, подумалъ писать комедіи, и сочинилъ одну въ чешырехъ дѣйствіяхъ по своему расположенію. Въ ней онъ вознамѣрился обругать одного сочинителя, которой ему не подалъ никакой причины къ посмѣянью; а нынѣ будучи принужденъ загадывать ему загадки. Правду скажешь, Балабанъ осмѣивалъ его очень искусно, но естъ, прямо по дурачки; говоришь онъ въ нѣкоторомъ вступленіи, что сочинитель пошлъ списалъ чертилъ семь часовъ, измаралъ нѣсколько тысячъ спощъ бумаги, и только написалъ одну маленькую комедію. По этому его искусству долженъ и сказать, что просынается здѣсь въ Россіи Боало; и ежели господи́нъ Балабанъ захочетъ удоспонить насъ своими сочиненіями и выпуститъ ихъ на свѣтъ, то многіе усердные люди поволосятъ -- ахъ! я преговорился, и надсбно сказать, по-

благодарялѣ его за это. Писалѣ сапиру на покойнаго Ломоносова, и не зная въ рной шолку, хотя дурацкими изъясненіями, однако больше хвалилѣ его, нежели ругалѣ; хотя такому великому человѣку похвала оиѣ публичнаго сочиншедѣ и совѣтъ не надобна была. Такіе изперешники ресхожаго Аполлона посылѣ на себѣ эту пословицу: Собака и на владыку лаетѣ. По иѣкоторому кѣ нашемѣ домѣ случая вознамѣрился онѣ уиинѣ свою любовницу и иѣкоторыѣ домашнихъ такому чекусиву, с которомѣ не только что не имѣеиѣ никакого позншя, но ниже знаеиѣ, чюко значиѣ его имя; однако случай пошѣ перервался кѣ великому неудовольствию господина Балабана.

Смикохралающій Балабанѣ, внуку новопреставленнаго Скарронова комедіанпа Злобина, имѣлѣ на себѣ видѣ ненадобнаго свѣшу челоуѣка и пребовалѣ оиѣ всѣхѣ сего имени. Иѣкоторые часиѣ забывали его пребованіе и называли скошнкою. Онѣ былѣ весьма шигаго нрава, и могѣ бы конечно ужинѣся съ чертями. Досмоинсшво было его сѣ

обругать честныхъ людей, опорочить ихъ добродѣшество, понесши имя и сдѣлаши такими же плушми, каковъ онъ и самъ. Всегда выдумывалъ способы, какиѣ бы новымъ образомъ обидѣть человека, чшобъ съ нимъ на вѣки поссориться, и имѣть удовольствіе его ругать. Злоснъ его споль была велика, чшо всеѣмъ своимъ знакомцамъ за излишествомъ не могъ ее раздаришь, и шакъ пересмѣхалъ и ругалъ изъ оконка мимондущихъ по улицѣ. Часно досматривалось шакже ешъ него дядъ его и шешкѣ; ибо онъ въ шайнѣ не осматривалъ поносишь и своихъ родичелей. Обманывалъ купцовъ и разносчиковъ, не плашилъ денегъ своимъ слугамъ, и при ошпускѣ клепалъ на нихъ, будшо бы они его обокрали, и шакъ сбивалъ ихъ со двора, наградя пощочинами и пинками. За извошиками гонялся съ обнаженною шнагою, когда они просили у него за провозъ. Забираяжъ въ долѣ, клалъ на себя обѣщаніе, чшобъ никогда не плашишь. Завладѣшь чужимъ въ шайнѣ или въ явѣ, почишалъ онъ добродѣшество; и еще въ добавкѣ описаніе дѣдушки его знаменнаго комедіанта. Злобина мо-

можешь служить здесь къ дополненію Балабанова шишула. При всемъ эшомъ ослонина сей былъ собою доволенъ; онъ не смыслилъ, что онъ глухъ, и для того ни мало не беспокоился.

Османки совѣши его 'пропали тогда, когда началъ онъ ревновать къ своей любовницѣ: она обходилась ласково со многими мужчинами, кошорыхъ карманы находились въ добромъ здоровѣ, что его весьма превождало. Онъ снанивалъ часно подлѣ ся дсрей и счишалъ, сколько пройденъ онъ нее любовникомъ. Имѣлъ въ запасъ дубину и хонѣлъ сражашся съ ними по воровски; однако ни одного не залучилъ, почему можно догадаться, что опасался онъ ихъ поновѣсныхъ оплеушинъ и исправной поволочки. Когда повеслося эхо, что вознамѣрился кпо - шо проучишь его палкою, тогда онъ въ сей досадѣ сочинялъ мерзскія пѣсни и ходилъ въ вензру подъ окошками, кричалъ во весь голосъ, за что сосѣдніе слуги собрались было нѣкогда пошасканы его; и дѣйствительно бы дали ему хорошую щипачиху, ежели бы не ускользнулъ онъ спѣвъ ихъ въ окошко.

Случаи зѣ нашемъ домѣ совсѣмъ были не по театральному обыкновенію; послѣ комедіи послѣдовала трагедія. Въ одинъ день послучалася смерть у воровъ Полковниковыхъ и прекратила его жизнь: онъ умеръ шакъ, какъ всѣ умирающіе люди шакого сосноянія, въ какомъ онъ находился. Хоша онъ былъ не великой охошникъ до могилы, однако изъ усердія положили его въ оную. Плачущихъ по немъ не весьма было много. Слуги его и всѣ домашніе не знали что дѣлать, не вѣсь плакать, не вѣсь смѣяться: онъ былъ человекъ молчаливой, и ходилъ всегда нахохлившись; добраго никому не дѣлалъ, да никого же и не обидѣлъ, и шакъ ошалася по немъ память, а Полковника не знало.

Госпожа Аленона хоша и не желала печалиться о своихъ родителяхъ, однако ничто природное побуждало ее къ тому. Она нѣсколько задумывалась, и иногда грустила порядочно. Домъ ея находился въ превеликой расстройкѣ, а она не привыкла управлять людьми, болѣзновала пуще, и для сей причины жсала, чтобъ отецъ ея проснулся.

Надобно выговорить мнѣ хотя одинъ разъ во всю мою жизнь правду. Весь домъ находился въ превеликой печали, и мы съ моимъ другомъ не знали чѣмъ оному пособишь; наконецъ вздумали се средство, чтобъ сказывать по вечерамъ сказки, коими мы надѣялись опогнать нѣсколько печали, или съвѣтъ оную исцребишь. И такъ спустя довольно времени послѣ похоронъ предложили о себѣ госпожѣ Аленѣ: она съ превеликою радостію подтвердила наше предпріятіе, и просила насъ неосшупно, чтобъ мы начали продолжать предпріятія нами намѣренія. Мы согласились на се охотно, и только я просилъ того, что ежели я буду сказывать, то дабы не пускашь Баллабана къ намъ, для того что эгоиъ адской жишель не можешъ пробыть ни одной минушы, чтобы не сдѣлалъ какой-нибудь подлости. У насъ въ домъ почипающъ его нѣкоторыя для того, что дядя его въ немъ былъ хозяинъ; а когда бы не такъ, то и на комюши не дали бы ему мѣста. Алена обѣщала мнѣ, что онъ не будешъ присутствовать со мною; и такъ сдѣлались мы

Часть I.

Ж

съ мѣнѣ прїятелемъ почными расказчиками : я положилъ , чшобъ расказывать мнѣ о древнихъ нашихъ богатыряхъ и рыцаряхъ , а поварицѣ мой обѣщаль шуточныя и смѣшныя приключенїя до окончанїи каждой моей повѣсти расказывать . И такимъ образомъ въ самой первой вечерѣ началъ я - - Слушайте .

ГЛАВА ХІ.

ВЕЧЕРЬ І.

Повѣсть о Силославѣ.

Во времена древнихъ нашихъ князей , до временъ еще великаго Кїя , на томъ мѣстѣ , гдѣ нынѣ Санктпетербургъ , былъ великолѣпной , славной и многолюдной городъ , именемъ Винеша ; въ немъ обитали Славяне , храброй и сильной народъ . Государь сего города назывался Нравоблагъ ; онъ былъ храброй полководецъ въ свое время , ополчался прошиву Рима и Греціи , и покорялъ многіе окресныя народы подъ свою обласнь .

Благоденствіе и мудрыя узаконенія оиѣ
времек до времени приводили владѣніе
его въ цвѣтущее сословіе ; щастіе ,
разумъ и сила присвоили ему все по
его желанію , и оиѣ утѣшался и былъ
доволенъ смотря на изобиліе и спокой-
ство своего государства ; ибо тишина
и благоденствіе народа соспавляли все
его благополучіе.

Оиѣ уже приходилъ въ глубокую
старость и не имѣлъ по себѣ наследни-
ка; шого ради жершвовалъ Дидиліи (*),
какъ богинѣ дѣтородженія, и просилъ оиѣ
нея сына для наследованія своего пре-
шолоа. Увѣдавъ сіе нѣкоторая волшеб-
ница , кошорая имѣла великое несогласіе
съ сильнѣйшимъ нѣкоторымъ злымъ
духомъ, вознамѣрилась мстипъ ему симъ
смершнымъ , кошорато она положила
произвеситъ сильнымъ и храбрымъ. Прі-
явъ на себя видъ пущинника, предста-
ла Правоблагу въ шо время , когда оиѣ
домашнимъ богамъ своимъ воздывалъ на

Ж 2

(*) Дидилія, Славенская богиня дѣтородженія;
оную просили о плодородіи дѣтшей, имѣла
во многихъ городахъ храмы.

жертву молоко, и говорила слѣдующее: Боги власнипели надѣ тобою, услышавъ твою молитву, посылають тебѣ сына, котораго имя со славою возгремилъ во всей вселенной. Попомъ подала ему два плода, коихъ красота и благовоиѣ было неизъяснимо, съ такимъ приказаніемъ, чибѣ государыня, его супруга, оныя скушала, и окончавъ се исчезла. Наполненный удивленіемъ и радостію государь благодарилъ боговъ и вскорѣ исполнилъ завѣщаніе волшебницы. Плоды были употреблены въ пищу, и Звѣнслава, (такъ называлась Правоблагова супруга,) призвалась, чшо во всю свою жизнь ничего сладостнѣ ихъ не кушала. Послѣ сего зачала она, и по окончаніи обыкновеннаго времени родила сына, достойнаго себя и дара боговъ.

Между тѣмъ весь городъ находился о бремени ея въ удивленіи; ибо она уже была въ довольныхъ лѣтахъ, и такъ не надѣялись отъ нея плода, а о предсзаніи и обѣщаніи волшебницы не вѣдали.

Когда же Звѣнслава разрѣшилась отъ бремени, тогда князь, по созваніи

народа на свой дворъ, объявилъ ему чрезъ провозглашающаго слѣдующее: Князь Правоблагъ завсегда считая счастье подданныхъ своихъ выше своего благополучія, всечасное имѣлъ о благососиполин ихъ попеченіе. На послѣдкѣ при спаросиши, не видя у себя преемника, а у народа покровишеля и князя, просилъ всесильныхъ боговъ наградишь его сыномъ. Боги молишву его исполнили и послали къ нему святаго своего человека, копорой обнаджилъ князя ихъ мило шію, въ знакъ чего принесъ изъ небеснаго саду два преузорочные плода невиданные доселѣ, съ шакимъ предложеніемъ, чшобъ княгиня Звѣнслава упошребила ихъ въ пищу, чшо она и исполнила, и съ самаго шого дня зачала сына, копорой нынѣ родился, съ рожденіемъ коего князь Правоблагъ поздравляешъ шеперь народъ Славенскій.

Выслушавъ сіе, народъ воскликнулъ и восплескалъ го славу владѣшеля и наслѣдника. И съ самаго шого часа разлилаешъ радосшь по всему городу. Государь же приказалъ во вѣхъ божицахъ приносишь жершвы и народу праздновашъ цѣлой мѣсицъ; а княжеской дворецъ во

время сего празднованія завсегда наполненъ былъ народомъ. Во всемъ городѣ и окрестностяхъ его ничего кромѣ веселія и пированія не слышно было. Наконецъ уснуило веселіе исполненію необходимыхъ нуждъ. По пѣши лѣсахъ младенческа Силославова пріяли о немъ попеченіе мудрецы тогдашняго времени: все было употреблено къ украшенію его разума. И по окончаніи семнадцатаго года увидѣли въ юномъ князѣ образъ необъемлемыя красоты и свѣдѣнія.

Тогда Нравоблагъ видя желаніе свое въ совершенномъ удовольствіи, началъ ему предлагать о бракѣ, чинобъ шѣмъ продлинъ свое наследіе къ спокоешву государсшва, чего также желали и его подданные. Починительной и послушной сынъ послѣдовалъ : безъ прекословія волю своего родишеля и охотно на все соглашался. Тогда Нравоблагъ показалъ ему большую картину, на копорой были малыя изображенія многихъ царевнъ и княженъ другихъ владѣній; ибо тогда было такое обыкновеніе, и всѣ молодые государи долженствововали выбиратьъ себѣ супругу по симъ изображеніямъ. Самой первой образъ на картинѣ былъ

завѣшенъ. Силославъ весьма долго на другія прочія смотрѣлъ и не объявлялъ своего мнѣнiя; попомъ просилъ отца своего, чшобъ показашь ему и поимъ закрышой. Упоршиво его родишеля вселило въ него великое любопышество, и Правоблагъ непремѣнно долженъ былъ на прозьбу его согласишья. Какъ скоро онкрылъ онъ образъ, предспавляющій прекраснѣйшую дѣвицу, тогда Силославъ въ радосномъ воспоргѣ объявилъ ее своею супругою. Такое восхищенiе всипревожило его родишеля: онъ желая ушашь приключенiе съ сею княжною онъ своего сына, кошорой, какъ онъ думалъ, не преминенъ за нею слѣдовать и искашъ во всемъ свѣшъ, объявилъ ему, чшо она недавно скончалась. Сiя государыня была дочь Сшанидарова, кошорой обладалъ многонароднымъ городомъ Сонмомъ. Силославъ имѣя некогда съ нею свиданiе, влюбился въ нее смерпельно. Какъ скоро онъ сiе услышалъ, смушился мыслiю и сдѣался безсловесенъ; радость его обрашпилась въ ончаянiе, и не оншвѣчая своему родишелю слѣдовалъ въ свои чершogi. Не-описанная красшца Прелѣлы (такъ

именовалась дочь Станидарова) поразила Силославово сердце. Онъ началъ съшъ-
вашь и старался бытъ всегда уди-
неннымъ: размышленія его произвели
въ немъ такую горячность, что уже
началъ онъ презирашь свою жизнь и
старался искашь смерти. Крѣпостанъ,
любимецъ его, усмотря сокрушеніе сво-
его государя и соболѣзнуя равно, пред-
пріалъ ему явить усердіе и увѣдомишь
о похищеніи той государыни, коңорою
спрадаецъ Силославъ. И шакъ предшкль
ему и говорилъ слѣдующее:

Великій государь! сокрушеніе твое
и долѣ мой пребуешъ, чтообъ я облег-
чилъ твою печаль и открылъ тебѣ тай-
ну, коңорою сокрываешъ оцъ тебя твой
родитель: прелѣна естъ дочь великаго
государя, коңорой обладаешъ многона-
роднымъ Сономъ. Сей городъ, какъ те-
бѣ извѣстно, шощишь на берегу Варяж-
скаго моря къ полуденной шоронѣ оцъ
Еинешны. Для превосходной ея красоны,
коңорая тебѣ давно уже извѣстна,
похищенъ оцъ нѣкошорымъ злымъ ду-
хомъ, коңорой содержишь ее у себя въ
замкѣ. По похищеніи семъ сокрушенный

ея родитель призывалъ изъ дальнихъ
 споронъ искусныхъ волхвовъ, копорые
 дѣлали великія заклинанія на похищи-
 шеля, и принуждали его возвратишь
 назадъ Прелѣну. Иногда доходили они
 своимъ искусствомъ до того, что духъ
 успрашался ихъ власни и почищъ при-
 нужденъ былъ возвратишь ее къ ошцу
 ея. Три цѣлые года безпокоился онъ
 такими заклинаніями, и наконецъ воо-
 ружась всѣми своими силами, превра-
 щилъ весь городъ и все княжеское по-
 колѣніе въ каменные ишуканы, а волх-
 вовъ всѣхъ погубилъ неизвѣстнымъ
 образомъ. Государь сей любилъ изоб-
 раженіе змѣино; и шакъ весь городъ
 ишпещренъ, всѣ его сосуды, и словомъ
 всѣ вещи имѣли на себѣ начертаніе се-
 го живищаго и плещущагося по землѣ.
 Въ города шцѣна ограждена была вели-
 кимъ змѣемъ, копоряго хвостъ укрѣпи-
 ленъ былъ въ его челюстяхъ. Духъ об-
 рашивъ людей въ камень, далъ движе-
 ніе симъ живишнымъ, копорые шеперь
 населяющъ весь городъ, и ни одинъ че-
 ловѣкъ не дерзаетъ всшунить въ него,
 шпрашая ужаснаго умерщвления ошъ
 шѣхъ гадовъ. Движеніе ихъ, свисъ и

59
 смрадѣ, произходящій оубо ихъ за нѣ-
 сколько верстѣ, чувствующіе проѣзжа-
 ющіе; а похищенію Прелѣпы уже те-
 перь пяшой годѣ, и я думаю, государь,
 что она еще здравствуетъ подѣ влас-
 тію шого духа.

Силославъ услыша сіе, какъ будто
 бы возбудился оубо сна, и наполнив-
 шись великою радостію, которая изо-
 бразжала на лицѣ его надежду, обнялъ
 своего наперсника и увѣрялъ его вѣч-
 ною благодарностію. Пошомъ объявилъ,
 что намѣренъ путешествовать и искать
 ее по всему свѣту. Крѣпославъ совѣпо-
 валъ ему оставить сіе предпріятіе, и
 предлагалъ, что возвратишь Прелѣпу
 не возможно; ибо гдѣ она обитаетъ,
 шого не извѣстно, и какимъ образомъ
 ее сыскашь, и шо не вѣдомо. Однако
 совѣши его молодому и спрашно влю-
 бленному юношѣ еще больше вселяли
 желаніе послѣдовать своей спрашни, а
 не отвращали оубо предпріятія. И такъ
 опредѣлено было Силославомъ отпра-
 вовать по свѣту. Ни слезы матери, ни
 угрозы отца, ни прозѣбы подданныхъ не
 могли опровергнуши его желанія. Въ
 есмѣ случаѣ сдѣлался оубо преслушенъ

своимъ родителямъ, и позабылъ, чѣмъ обязанъ своимъ поданнымъ; изъ чего разсудиши можно, сколько любовь имѣешь власни надъ нашимъ сердцемъ. Всякая минуша казалась ему, что увлекаешь у него время для полученія того, чего не было прѣшнѣе ему на свѣшѣ. Хотя ни мало не вѣдалъ онъ, гдѣ должно ее искать, однако воображалъ всегда, что уже имѣешь ее въ своихъ рукахъ; предсказывались ему всѣ ушѣхи, кошорья онъ воображалъ имѣшь по полученіи Прелѣны, и одно ся имя придавало желанію его крылья. Онъ ни о чемъ больше не думалъ, какъ только отправишься въ пушь.

Между тѣмъ, какъ разсуждалъ онъ, по какой дорогѣ начнешь пушешесствіе, изгошовлено было все къ его онѣзду; шолько всѣ сїи пригошовленія для него не годились. Онъ приказалъ привести множесство коней, и выбиралъ изъ оныхъ одного, на кошоромъ бы могъ отправишься въ пушь; клалъ на спину каждаго коня руку, и кошорой подгибался подъ оною, шонѣ ему не годился. Наконецъ выбралъ одного по желанію, и взялъ принужденное благословеніе онѣ

своихъ родителей оставилъ городъ, копорой провожалъ его слезами и опчаяннымъ воплемъ. Крѣпоспанъ слѣдовалъ за нимъ съ малою юношескою дружиною, копорой Силославъ приказавъ возвратишься въ городъ.

Открытое поле почувствовалъ въ себѣ молодого, прекраснаго и храбраго рыцаря, любовалось на сіе украшеніе смертныхъ; вспрѣчающіеся съ нимъ лѣса, казалось, какъ будто бы уклоняли свои вѣтви, и нѣмъ оказывали ему должную честь; великолѣпный видъ, блестящая одежда и бодрость его коня представляли дѣйствительно, что нѣмъ ему пропивника во всей вселенной. Крѣпоспанъ удивлялся самъ ему, видя его въ богатырской одеждѣ; ибо въ первой еще разъ въ оной его видѣлъ, а Силославъ наполненъ будучи любовію, понуждалъ шолько своего коня къ скорѣйшему бѣгу, не думая ни мало куда и для чего ѣдешь. Наконецъ, будучи не малое время въ пути, прибыли они на прекрасные луга города Сонма.

Въ семъ мѣстѣ я замолчалъ, по шому что Аленона уже опчивала, шакъ и мы отправились на свои поселенья.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЬ 2.

Продолженіе Силославовой повѣсти.

Сей городъ стоялъ на плоскомъ мѣстѣ и имѣлъ видъ шестигульной фигуры, и каждой ея уголъ оканчивался высокою башнею наподобіе Египетскихъ пирамидъ; верьхи оныхъ башенъ покрыпы были лишою мѣдью, копорая вызолочена была Аравійскимъ золотомъ. Всякая башня имѣла одни ворота и опускной мостъ чрезъ ровъ, копорой окружалъ весь городъ. Въ серединѣ города блисшали превысокія и великолѣпныя палашы; на узкомъ оныхъ верьху сидѣлъ Ашланшъ, и держалъ на плечахъ небо въ видѣ шара, копорой осыпанъ былъ рубинами и канбункуломъ, коихъ блескъ предсшавлялъ его зрилсялъ другимъ солнцемъ. Епо былъ дворецъ Сшанидаровъ. Стѣны города закрывались шѣмъ змѣемъ, копорой окружалъ за ровомъ городъ; ибо онъ былъ преогромной вели-

чины и имѣлъ движеніе, испускалъ при-
помъ ужасной ревѣ. Свиснѣ и движеніе
живошныхъ въ городѣ наводили страхъ
всѣмъ приближающимся къ нему. Однако
Силославъ безъ робости глядѣлъ на се
ужасное чудовище, и обѣзжая кругомъ
искалъ способа, какъ бы бысть ему, вну-
при города. Пошомъ увидѣлъ превели-
кой чешвероугольной камень, на кошо-
ромъ были высѣчены сѣи сирѣки: Го-
родъ сей тогда примѣлъ прежнее свое
бытіе, когда почувшвуенѣ на себѣ зем-
ля шакого сильнаго богапыря, кошо-
рой сей камень висетъ на раменахъ въ
середину города. Силославъ прочишавъ
се почувшвовалъ побужденіе, кое возд-
вигалъ въ немъ бѣлый его духъ (*), и
ударилъ конемъ въ камень, кошорой
разсыпался на мѣлкія часши. Вдругъ
изъ подъ онаго предспала предъ него об-
наженная женщина; иѣло ея было обож-
жено, волосы на головѣ соплѣли, кро-
вавыя раны покрывали ея лядвен, лице

(*) Бѣлый духъ. Язычники вѣрили, что съ
самаго рожденія приставляются къ человеку
два духа, одинъ бѣлой, а другой черной.
Первой побуждаетъ къ доброду, а другой
къ злуду.

и губы оиѣ жару всѣ испрескались и шекла изѣ оныхъ кровь; въ рукахъ имѣла она просиѣ съ волшебными на ней изображеніями. Приблизившись къ Силославу приказала ему сойти съ коня; пошомъ взявъ его за руку, повела нѣ подземную пропасиѣ, копорой ошверсиѣе закрыто было онымъ камнемъ, а за ними послѣдовалъ и Крѣпоспанѣ.

Переснупивъ девять сшупеней внизѣ, увидѣли они чешверугольную горницу, коея сшѣны сосшавлены были изѣ головъ свирѣпыхъ живошныхъ; они расшворяли свои пасши и дышали пламенемъ, копорой лепалъ по всему зданію. Волшебница могла оное сшосиѣ, но на Силославѣ и Крѣпоспанѣ разгорѣлись лашы и начинало шлѣпѣ ихъ плашше. Они сказали волшебницѣ, чшо скоро сторѣшѣе могутѣ, ежели шушѣе ошпанушся. Волшебница ударила просиѣю въ сшѣну, копорая немедлѣнно сдѣлала изѣ себя ошверсиѣе; они слѣдовали всѣ не медля въ оноѣ, и нашли шамъ шакое же вданіе, наполненное мерзкими и слизкими гадами, копорые облѣпили ихъ шощасѣ. Силославъ будучи шревоженѣ ими, говорилъ волшебницѣ, чшо не можетѣе про-

быль шумъ ни одной минуты; ибо смрадъ и прикосновеніе гадовъ приводили его въ великое безпокойство и ужасъ. Тогда волшебница опять вывела ихъ на поверхность земли. Ешь еще и третье зданіе говорила она, въ которомъ вѣтры поднимающъ пыль, и ошпывая земляныя глыбы превращающъ ихъ въ песокъ, которой послѣ подвѣмая съ полу крутящъ землю на подобіе кипящей воды. Въ сіе зданіе намъ не возможно было бы и глядѣшь, не шолько всшупишь. Тогда Силославъ спрашивалъ, для чего произведены шакія спрашныя шемницы? По рожденіи швоемъ, ошѣшспивовала волшебница, я заключена была въ оныя, и шеснашцашъ лѣшъ прешерпѣвала сіе мученіе за то, что произвела себя на свѣшъ. Тошъ сильной духъ, съ кошорымъ я имѣю несогласіе, власнію своею заключилъ меня въ нихъ: онъ предузнаешъ свою погибель, и желаетъ меня ишпрѣбишь, а себя лишишь жизни; я конечно бы сіе сдѣлалось, ешшли бы ты не раздробилъ сего камня, ошъ чего я получила свободу. Онъ бы далъ тебѣ способъ войти въ сей городъ, въ которомъ бы мы превращенъ былъ въ

камень, и тушѣ скончалъ бы свою жизнь. Возвратись теперь въ свое владѣніе, въ конюшю ожидай меня, и не дерзай прежде всшупнишь въ сей городъ, копорой безъ меня будешь шебѣ гробомъ; а я также всшуплю въ мою обласнь, приму на себя прежній мой видъ и соберу моихъ подданныхъ: По сихъ словахъ она исчезла.

Силославъ размышлялъ долѣе время, что надобно ему дѣлать; потомъ вознамѣрился возвратиться въ опечесство по повелѣнію волшебницы; опять желалъ бышь въ семъ городъ, надѣялся получить въ немъ какое - нибудь извѣстіе о княжѣ. Любовь наконецъ преодолѣла его разсужденіе: ибо презиралъ онъ всѣ опасности и слѣдовалъ своей спрасси; и шакъ вознамѣрился не опѣвѣжая онъ сего мѣсяца увѣдомиться о своей судьбинѣ. Чего ради опѣвѣхали они на нѣсколько разстоянія онъ города, чтообъ разогнавъ своихъ коней перескочить черезъ снѣны. Когда они лешѣли черезъ нихъ, то вдругъ стущейный облакъ удержалъ ихъ спремленіе и сдѣлался подножіемъ ихъ кожей, будучи поддерживаемъ Сильфами.

Превраша явившись имъ опять на облакъ (шакъ называлась волшебница), ямѣя уже прекрасной видѣ и будучи облечена въ бѣлую одежду, говорила Силославу шакъ: Дерзновенный! предпріятіе швое пагубно, и есшьлибъ не былъ ты мною произведенъ, шобъ конечно за презрѣніе моего совѣша осшавила я себя на жершву швоему сшремленію. Какимъ образомъ безъ моей помощи думаешь ты сыскашь Прелѣпу? Прекрасная и могущая волшебница, ошвѣстшвовалъ ей Силославъ ~~ш~~ пошеряшь мою жизнь для ослобоженія Прелѣпы починаю я ни за что; я для нее родился жишь на свѣтѣ: а когда не найду ее, шо ни одной минушты больше жишь не буду. Я вижу швою горячешшь, перервала Превраша, и для шого оживошворю на иѣсколько времени ея ошца, чшобъ онъ себя обо всемъ увѣдомилъ. По семъ облакъ принесъ ихъ къ крыльцу чершоговъ царскихъ, въ кошорые они немедля и взошли.

Какъ скоро вступили они въ первой покой, шо два крылашые змѣя съ великимъ сшремленіемъ бросились на нихъ и вдругъ пали на землю нечувствитель-

ными опѣ почувствованія силы волшебницыной ; пошомъ переходя множество покосѣ , которые были украшены всѣ золошомъ по обыкновенію тѣхъ временъ , пришли они въ просторной чертогъ , въ коемъ подлѣ окна на стулѣ сидѣлъ Станидаръ , а предъ нимъ множество стояло придворныхъ , которые казались всѣ въ разныхъ движеніяхъ , однакожъ были всѣ не подвижны. Волшебница коснулась исшукану , кошорой предспавлялъ государя , оный вздрогнулъ ; когдажъ прикоснулась она еще , тогда началъ онъ имѣть движеніе и получилъ чувство. Взглянувъ на нихъ очень быстро , спрашивалъ : кто вы ? Я волшебница , отвѣчала Преврапа ; я себя моею силою воскресила на нѣсколько времени , а сей , указывала на Силослава , назначенной женихъ швоей дочери , ежели онъ будешь счастливъ и можешь получить ея. Услышавъ имя дочери Станидаръ началъ рыдаться неушѣшно ; однако спизраніемъ Преврапы и юнаго князя нѣсколько ушѣшенъ ставъ , спрашивавъ былъ Силославомъ , не имѣешь ли онъ какого извѣстія о своей дочери. Станидаръ для удовольствованія своей горести и его любопытства оп-

вѣчалъ ему такъ: Превращеніе моихъ людей, меня, и всего моего владѣнія, думаю, тебѣ не безвѣстно. Знаю, государь, о всемъ швоемъ несчастіи, перервалъ побуждаемый жалосшію Силославъ; Увы! я вѣдаю и то, чію прекрасная дочь швоя - - - О дочери моей, перервалъ Спанидаръ, я не имѣю никакого извѣстія, и гдѣ она обитаетъ, совсемъ не вѣдаю. И только свирѣлый духъ похищивъ ее отъ меня, оставилъ мнѣ ея изображеніе изсѣченное изъ камня, которое представляя ея точно живою. Къ шомужу я на каждый годъ въ опредѣленное время получаю чувшко, и приходя къ испукану моей дочери, оплакиваю ея и мое состояніе. По изнесеніи сихъ словъ пошелъ онъ въ шонъ покой, гдѣ находилась мнимая его дочь, прося прочихъ за собою слѣдовать. У дверей оной храминѣ иославлена была она духа спража; это были два одутевленные испукава съ пламенными оружіями. Когда Спанидаръ вошелъ въ чертогъ, тогда испуканы заградили оружіемъ своимъ прочимъ путь: но волшебница принудивъ ихъ лишиться чувшекъ и сдѣлавшись неподвижными, вошла и сама съ послѣдующими въ заперщенную храмину.

Сіе мѣсто было шакое; куда дневной свѣтъ не входилъ; оно освѣщено было чешырьми сшолбами, кошорые находились по одному въ каждомъ углу на подобіе раскаленной мѣди. Посередниѣ покоя сшолла кровашь съ опущенными завѣсами; на ней сидѣла дѣвица прекраснаго вида. Силославъ какъ скоро взглянулъ на нее, то шопчасъ узналъ чшо было сіе шочное изображеніе его любовницы. Бросился къ ней и цѣловалъ ее, какъ будшобы шочную Прелѣпу. Пропивъ кроващи сшоялъ столъ, на коцпоромъ была покрывная чаша изъ чернаго мрамора, кошорая црлялась безъ всякаго прикосновенія. Крѣпосшаиѣ любовышества, чшо въ ней, кошѣлъ ее раскрышь; и какъ шолько поднялъ онъ крышку, то мгновенно блеснула молнія, ударилъ сильно громъ, всколебалась земля и цотряслись черпоги. Сшанидаръ и Крѣпосшаиѣ окаменѣли, волшебница сокрылась. Силославъ лишился чувствъ и упалъ полумершвымъ подлѣ кроващи. Не малое время лежалъ онъ безъ памяти; наконецъ получивъ прежнія чувства, смонрѣлъ на государя и на своего друга, звалъ ихъ, но

они ему не отвѣчали, осязалъ онъ, но они того уже не чувствовали. Тогда въ первой еще разъ Силославъ почувствовалъ страхъ, и лишеніе живоша предшавлялось ему нанужаснѣйшимъ; онъ ни о чемъ уже больше тогда не помышлялъ, какъ о избавленіи себя отъ смерти. Изображеніе его любовницы не столь уже было для него мило, сколь пріятна была ему жизнь своя. У дверей сего покоя спража получила прежнюю свою живоспъ; и шакъ не было надежды выпши ему изъ онаго. Онъ разсматривалъ въ немъ очень долго, не сыщешъ ли гдѣ другаго выхода, однако нигдѣ не находилъ. Чаша же сная на сполъ препенала; онъ вознамѣрился опкрышь ее, ибо онъ не видалъ, лобызая свою любовницу, отъ чего произошло ужасное оное приключеніе.

Приблизившись къ ней, снялъ онъ крышку, тогда съ превеликимъ ревомъ вылетѣлъ изъ нее крылатой и огненной змѣй, и лешавши долго по покою, попалилъ все встрѣчающееся съ нимъ, потомъ ударился объ спишу и сдѣлался человекомъ великолѣпнаго вида. Ты мой избавишель! говорилъ онъ пришед-

ши къ Силославу; клянусь тебѣ всѣмъ нашимъ собраніемъ и княземъ всѣхъ духовъ, что въ воздаяніе за твою ко мнѣ услугу проси оупь меня чего хочешь; я все для тебя исполню. Силославъ вышелъ изъ удивленія, въ копоромъ онъ по освобожденіи духа находился, ошвѣчалъ ему слѣдующее: я вижу, что ты полномочной духъ и тебѣ все возможно. Ты закаялся мнѣ своимъ собраніемъ и княземъ, что когда я спшану тебя о чемъ просишь, ты мнѣ ни въ чемъ не откажешь; я предложеніе твое съ охотою прѣмляю: послушай же. Дочь сего государя находишся во власни одного шоварища. . . Онъ мнѣ не шоварищъ, перехватилъ духъ послѣшно, но полномочной нашъ повелитель, и князь духовъ. Ты желаешь ея освобожденія, шолько это невозможно. Я покусился было и самъ овладѣть ею, но за то посаженъ былъ на вѣчное заключеніе въ сѣю чашу, изъ коей ты меня освободилъ. Сей видимой шобою образъ сдѣланъ для шого единственно, шшобъ я, имѣя его въ моихъ глазахъ, больше мучился; ибо взоръ мой проникаетъ и сквозь мраморъ; и

шакъ я всегда смоири на него мучилоя несказанно; но ны освободилъ меня оиъ сего мученія; я шебъ вѣчно буду другъ и помощникъ, шолько прозбы швоей исполнишь не вѣ силахъ. Вѣ этомъ мѣспѣ долго миѣ бышь не можно, и шакъ выбирай поскорѣе другую оиъ меня услугу. Силославъ оичаявшисъ вѣ своей надеждѣ, не могъ ничего избранъ, кромѣ освобожденія изъ сего мѣспа. Духъ приказалъ ему взять себя за одежду и шопчасъ вынесъ его на поле, пошомъ увѣряя его вшорично о своей помощи и дружбѣ, исчезъ.

Силославъ разставшисъ съ Крѣпостаномъ и потерявъ своего коня, весьма сѣшовавъ. Незнакомыя мѣспа и неизвѣсшной пушь смущали его мысли; однакожъ уповая на свою храброси, не осшавилъ своего предпріишя, и положилъ ииши, но не вѣ свое ошечесиво, а удаляся оиъ онаго, слѣдовалъ по неизвѣсшнымъ споранамъ. Сипрансшвуя очшъ долго, нашелъ оиъ многочисленное воинсшво порубленное мечемъ. Обширное и просшпанное поле все покрышо было мужескими шѣлами. Такое зрѣлище смущило его духъ и вселило вѣ него дѣ

болыптство. Онъ очень долго разсматривалъ шрупы, которые находились въ разныхъ положенiяхъ; наконецъ по срединѣ сего умерщвленнаго ополченiя увидѣлъ онъ голову, юдлѣ кошорой находилось щѣло, кошораго платье и вооруженiе показывали его военачальникомъ, Голова сiя открывала и закрывала глаза свои испомленно; изъ чего заключивъ, что она жива, спрашивалъ ее, кого она представляла въ свой вѣкъ? Я и щѣло лежащее подлѣ меня, ошвѣщивала голова, называлися вообще Роксоланомъ, и соснавлили несчастливаго владѣльцу надъ несчастными подданными. Государство мое опсипоннѣ онъ сего мѣста не болѣе какъ не шестидесяти верстѣ; въ немъ нѣтъ уже теперь никого изъ мужескаго пола, а населяющѣ его свирѣпые звѣри, кошорые въ нѣжномъ щѣлѣ имѣющѣ варварскiя дущи, изверги изъ числа человѣковъ, развращенной родъ а именно жены; онѣ ихъ злобы и ненависти покрываютъ шѣла моихъ подданныхъ сiе поле, и я самъ нахожусь полумертвымъ. Силославъ услышавъ сiе, пришелъ въ неописанное удивленiе и ужасъ, и не могъ преидуща

чпобѣ не извѣстится о его судьбинѣ, чего ради просилъ Роксолана разказать его похождение. Роксоланъ, или его голова согласилась на сіе охотно, и начала повѣснвовашъ такимъ образомъ: - - .

Однако въ самое это время всѣмъ намъ захопѣлось спать, и шакъ опложили мы Роксоланову испорію до другаго вечера.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЪ 3.

Приключенія Роксолановы.

До десятаго года владѣнія моего, горвила голова Роксоланова, государство мое находилось во всякомъ благополучіи и шипинѣ. Я часно ополчался прошиву непріятеля; искуснвомъ, силою моею, и храбростію моихъ подданныхъ всегда одерживалъ надъ ними побѣды, опъ чего распросиранилъ границы моего владѣнія и наполнилъ землю мою богатшнвомъ и вслкими сокро-

вищами. Благоденствіе и жизнь моя и моихъ подданныхъ кончились такимъ образомъ :

Въ мирное время моего княженія въ прекрасной лѣпнѣй день вышелъ я нѣкогда съ супругою моею и съ нѣсколькими придворными сидѣшь на крыльцѣ (*) моего двора ; тогда подошли ко мнѣ десять человекъ иностранныхъ, одѣянные въ бѣлыя одежды, украшенные цвѣтами. Девять изъ оныхъ имѣли на себѣ плащъ изъ тонкаго и чистаго полотна, а десятой, котораго видѣ былъ прелестней и величественнѣй, имѣлъ одѣяніе флеровое шипное и украшенное нанѣжнѣйшимъ образомъ. Сии странники объявили мнѣ о себѣ, что они купцы и странствующіе по всему свѣту ; причемъ просили моего себѣ покровительства и дозволенія пробыть нѣсколько въ моемъ государствѣ. Я же неопасаяся ничего и не предвидя своей гибели, принялъ ихъ весьма благоклонно, и къ пуцему моему несчастію

(*) У древнихъ княжескихъ дворцовъ дѣлались особливо большія крыльца, которыя обыкновенно назывались красными, какъ намъ то и Московской Кремлевской дворецъ доказываетъ.

велѣлъ имъ успокоиться въ моемъ дворцѣ. Жена моя пошомъ просила меня, чшобы я сдѣлалъ имъ благосклонность и посадилъ съ собою за столъ. Любя ее весьма много, не хотѣлъ я отказать въ ея прозбѣ. И когда настало время ужины, приказалъ я пригласить ихъ къ моему столу. Влегонъ предсталъ мнѣ шолько одинъ, (шакъ назывался одѣтый въ флеровое платье), и объявилъ, что другіе его рабы, а не шоварищи, и не могушъ имѣть чести за однимъ столомъ сидѣть съ нами; и шакъ ужиналъ онъ у насъ одинъ. Во время стола Влегонъ говорилъ шоль краснорѣчиво и разумно, что я плѣнился его доспоисшвами; онъ былъ шакъ прекрасенъ, что я описать не могу пріятности лица его. Горячкость и любовь ко мнѣ княгини, супруги моей, ни мало не позволяла мнѣ сомнѣваться въ ея вѣрности; и шакъ я всегда выхвалялъ предъ нею Влегона; о разумѣ и о краснѣ его говорилъ съ великимъ восторгомъ, не имѣя никакого подозрѣнія, не смѣлъ обидѣть ее и мыслю, и думалъ, что любовь ея ко мнѣ никакимъ прекраснымъ предметомъ разрушишь не можетъ.

Наконецъ увидѣлъ, что я надѣялся очень много : сердце ея не столько было твердо, какъ я объ немъ думалъ. Влегоиъ съ перваго взгляду столько ей понравился, что она почувствовала къ нему неизъясненную горячность. Непришворное съ мною обхожденіе превзошло въ ласкашельство и лести ; я началъ получать отъ нея необыкновенныя привѣтствія, отъ которыхъ спрашное мое сердце распалилось еще пущею къ ней любовью; прельщенные глаза мои не могли разобрать ея пришворства; наконецъ сія же спрашная моя начала производить во мнѣ подозрѣніе : ибо вся бѣда, все обхожденіе жены моей состояли только съ Влегономъ. Всякая минута соединяла ихъ передъ моими глазами ; но я видя сіе думалъ, что еще начинаешь между ими любовь. Сколько иногда горестное мое сердце почувствовало муки ; когда увидѣлъ я, что жена моя имъ до крайности прельстилась. Тогда пришедъ въ бѣшенство и ярость, опредѣлилъ всѣхъ сихъ несправцовъ казнить ; но разсудя, что еще для меня будешь безславно и порочно, выславъ ихъ всѣхъ изъ моего вла-

дѣнія, чтобъ тѣмъ удержавъ стремленіе моего несчастія ; но сколькожъ я тогда удивился , что оплученіе Влегона не произвело въ женѣ моей никакого смущенія. Она казалась всегда бытъ довольною и ни малѣйшаго знака не показывалось въ ней , чтобы она печалилась объ отсутствіи его. Въ такомъ случаѣ все подозрѣніе мое исчезло , и любовь усилилась еще больше въ моемъ сердцѣ. Я укорялъ самъ себя, что имѣлъ подозрѣніе на невинную мою супругу , и шакъ оставался спокоенъ до того времени , которое открыло мнѣ мушныя и ослѣпленныя любовію мои глаза.

Въ жаркіе дни купывалася жена моя часто въ источникъ , находящемся въ моемъ саду. Съ позволенія моего пошла она яѣкогда къ оному. Я вознамѣрился пришедъ къ ней сдѣлать какую нибудь любовную шушку , думалъ я , что онсе ей будетъ пріятно. Но какъ же я въ мнѣніи моемъ ошибся ! Подходя очень осторожно къ тому мѣсту, увидѣлъ я нагаго Влегона сидящаго подлѣ источника и держащаго жену мою у себя на колѣняхъ также обнаженную ; они цѣловались и

дѣлали все то, чѣобы она должна-
сповала дѣлать со мною. Немилосер-
дое небо! вскричалъ я тогда, на что
ты произвело владѣшь меня народами,
когда позволишь опнищать у меня честь
мою и славу? Я не могу изобразить, что
мною тогда овладѣло; я думалъ, что
это сонное мнѣ привидѣнїе, или мечта
произшедшая отъ возмущенныхъ моихъ
мыслей. На что я ни глядѣлъ, куда
ни обращался, все мѣстна предсавля-
лись мнѣ наполнены мерзостію и бз-
законїемъ жены моеї; она шоржесиво-
вала въ объятїяхъ прелюбодѣя, а мое
сердце обливалось кровію, и я нешоль-
ко что не могъ опмщевать моему зло-
дѣю, но едва достигъ до моихъ черто-
говъ. Прибѣжавъ безъ памяти въ мою
спальню, упалъ въ постелю и жерпво-
валъ моему несчастїю горькими слезами.

Потомъ мало помалу выходя изъ
моего унынїя пришелъ я въ огорченїе и
бѣшенство. Овладѣвшая мною ярость по-
буждала меня бѣжать въ садъ и собст-
венною рукою погубить моихъ измѣн-
никовъ, и утопить въ ихъ крови мою
обиду и ихъ невѣрность. Но спыдъ раз-

славить себя измѣненнымъ женою не только владѣтеля, но и подданнаго бы чувствительна пронуль. Я опредѣляль скрывать мое безчестіе, но положилъ непремѣнно покарать моихъ злодѣевъ. Влегона приказалъ я умершвиць шайно, а невѣрную мою жену бросиць въ шемницу до шѣхъ поръ, пока справедливой мой гнѣвъ избереши ей досшойное наказаніе; но приномъ повелѣль, чшобъ совершишели моего мщенія содержали все оное шайно.

На другой день иначальникъ шемничной обѣявилъ ми, что Влегонъ пропадъ и нигдѣ сыскашь его не могли, а у жены моей по всю ночь въ шемницѣ играла музыка и было великое пиршество. Услышавъ сіе, не зналъ я что подумашь, и какъ расшолковашь мое несчастіе; наконецъ по многимъ для извѣдыванія своего размышленіямъ опредѣлилъ я будущую ночь самому быць у дверей шемничныхъ. Сей день былъ приношеніе великой жертвы Чернобогу (*); не медля

(*) Чернобогъ или Чернбогъ: Славяне признавали его богомъ злымъ, приносили ему кровавую жертву и дѣлали ужасныя заклинанія, чшобы отвратить его гнѣвъ.

велѣлъ я изтошовити все къ моему вы-
ходу и побѣлъ въ храмъ. Какъ скоро я
рѣ одной вошелъ , жена моя спояла въ
своемъ мѣсѣ и въ великолѣпной одеж-
дѣ. Какому бы человеку привидѣніе сіе
не показалось страшнымъ ? и кто бы
могъ не возмушась мыслію сморѣнъ
на сіе спокойно ? Въ превеличайшемъ
смущеніи подошелъ я къ ней и спалъ съ
нею вмѣстѣ для шого, чпо должсснъ
моя шого шребовала ; и сверхъ всего,
чшобъ не поданъ народу дурнаго мнѣ-
ніа. По окончаніи шоржесшва возврашил-
ся я съ нею въ домъ и принужденъ былъ
сидѣнъ за однимъ столомъ , чшобъ
скрынъ оно всѣхъ мое безчестіе ; вну-
шренно доадовалъ я , а она веселилась,
и казалась какъ будто бы ни мало не
думашъ о своемъ пресшупленіи. По
окончаніи пира ходилъ я самъ ко
дверямъ шемничнымъ, чшобъ увѣдомитъ-
ся , какимъ образомъ жена моя получи-
ла свободу безъ моего приказанія ; но
двери нашелъ я запершы и неповрежден-
ную печашъ ; воины же объявили мнѣ ,
чпо она въ двери не выходила. Тогда
овладѣлъ мною страхъ , и я началъ про-
никашъ въ этомъ приключеніи нѣчпо

Часть I.

И

чрезвѣстеспизенное, въ чемъ и не обманулся. Но прошесивши того дня опредѣлилъ я ошмспинь моей злодѣйкѣ. Когда уже настала ночь и все успокоилось, тогда я взявъ мою саблю пошелъ къ ней въ спальню. Подошедъ пошихоньку къ сея пошелъ ошкрылъ завѣсу. Но что я увидѣлъ? О боги! жена моя лежала въ обѣяшійяхъ Влегоновыхъ. Запальчивость мною овладѣла, и я въ превеликой ярости занесъ мою руку, чпобѣ ихъ обоихъ лишишь саблюю жизни. Но какъ шолько я замахнулся, рука моя окосиенѣла и бесь сдѣлался я неподвиженъ; языкъ мой опѣмѣлъ и всѣ окаменѣли члены. Они проснулись; жена моя взглянувъ на меня презришель но сказала съ насмѣшливымъ видомъ Влегону: давно ли эпошѣ испужанъ поспавленъ у кровати? Послѣ чего вся ночь прошла въ язвипельныхъ миѣ насмѣшкахъ, и при миѣ происходили любовныя дѣйсшвія. Разумъ мой досадовалъ, но члены мои не имѣли движенія: тогда мысленно просилъ я боговъ или опврашншь сіе несчастіе, или лишишь меня жизни. Прозьба моя была напрасна и гласъ мой безсмершными не услышанъ. По ушфу они разсма-

ансь, а я остался съ моею нечувствительностію на шомъ же мѣстѣ.

Спустя нѣсколько времени послѣ полуденѣ услышалъ я плачевные голоса и ошчаянныя рыданія во всемъ моемъ государствѣ. Влегонѣ, пріявѣ на себя мой, видѣ ѣздилъ въ Сенапѣ и поднималъ смерть всѣмъ знашнымъ окружающимъ княжескую особу боярамъ, и въ сіешо время производилась имъ казнь. Воиншеу моему приказано было выступить изъ города на сіе мѣсто, гдѣ невидимая сила поразила всѣхъ ихъ оспрѣмѣ меча, и словомъ, въ одну недѣлю во всемъ городѣ не спало ни одного мужчины. Послѣ чего я приведенъ былъ на сіе мѣсто, и шумъ снята голова моя во всѣмъ ея поняшѣмъ и живоспѣю съ моего шѣла, которое ты видишь подлѣ меня; и шому уже пятой годъ, какъ я прѣбываю на семъ полумерпвомъ одрѣ.

Когда я былъ веденъ на казнь, шотѣспѣе мое было такимъ образомъ: Напередъ шли десять человекъ, но это всѣ были духи въ бѣлыхъ одеждахъ и въ шакихъ точно, какъ предсшавились

И 2

мѣхъ и носирянцы, и всѣ, сколько я ихъ ни видѣлъ, были въ одинаковомъ платьѣ. Сѣи десяти играли на шрублахъ; за ними слѣдовали шестеро имѣвше на долгихъ древкахъ по скелешу; а за сими вышупали двое несущіе на дрегкахъ земной шаръ, оный половинны кошораго и до другой сдѣланъ былъ крутъ изъ звѣздъ проницапельнаго и бласпящаго камня на шарѣ; въ срединѣ звѣзднаго круга снопалъ кумиръ Перуновъ (*) изъ чистаго мешалла, кошорой образъ взялъ былъ изъ Перунова храма: за нимъ вели двухъ бѣлыхъ воловъ украшенныхъ цвѣтами. Попомъ по сторонамъ дороги слѣдовали два великіе коня имѣвше вмѣсто шеи грудь, руки и голову человѣческую (**);

(*) Перунъ, начальнѣйшій Славенскій богъ: онато признавали производителемъ грома, молніи, дождя, облаковъ и всѣхъ небесныхъ дѣйствій; станъ его вырѣзанъ былъ искусно изъ дерева, голову имѣлъ сребреную, уши золотыя, ноги желѣзныя, въ рукахъ держалъ камень украшенной рубинми и карбункулемъ на подобіе пылающаго Перуна. Огонь горѣлъ передъ нимъ непрестанно.

(**) Сѣи животныя у Славянъ называлися полканами, что у Грековъ ксипавры.

у каждаго на спинѣ лежалъ конемъ не весьма возвышенной радуги, на кошорой любезная моя супруга и Влегои въ блестящихъ вѣнцахъ и въ златой одеждѣ сидѣли: за ними шествовала я поддерживая двумя духами, а передо мною и позади несли по два зажженные пламенника; пошомъ всѣ жены шли по-дѣвъ рядомъ, и у каждой по спорои шелъ бѣлооубянной духъ. Тогда позналъ я, что не одна жена моя измѣнница, но что все мое государство сообщалось съ духами; и для сего-шо истребили они всѣхъ мужчинъ, изъ коихъ я былъ послѣдній. По принесеніи жерпвы Перуну, во время кошорой псложа проклятіе на всѣхъ насъ сдѣлали заклинаніе, чтообъ не терпѣшь въ павненномъ мсемъ городѣ ни одного мужчины. Послѣ сего ошнляли мою голову и съ великимъ презрѣніемъ бросили на семъ мѣснѣ.

Силославъ выслушавъ сіе, сожалѣлъ о его судьбиѣ, и пошомъ спрашивалъ у него, какъ онъ можешъ войши въ его владѣніе; но Роксоланъ заклиналъ его, и говорилъ, чтообы онъ не ошважился самонпроизвольно ниши на свою поти-

бель. Однакожъ Силославъ не премѣнилъ своего намѣренія, и проспаясь до возвращенія съ Роксоланомъ, предпріялъ путь въ обитаніе бесплодныхъ любовниковъ объ шѣлесными прелестницами. Во время полуденъ разсѣпался онъ съ нимъ, и на другой день въ самое то же время достигъ до его города. Онъ подходилъ къ нему съ той стороны, съ которой находилась въ мраморныхъ и дологихъ берегахъ не весьма малое озеро, по срединѣ коего удивительнымъ искусствомъ сдѣланъ былъ островъ. Оной не касался водъ, хотя и казалось, что чепыре плавающіе дельфина держали его на спинахъ своихъ. На берегу по чепыремъ сторонамъ озера стояли неописанной величины чепыре испукана, которые какъ будто бы подъ шажкимъ бременемъ нагнулись, и имѣли черезъ спины на плечахъ желѣзные цѣпи, и казалось, какъ бы они щащили что-нибудь изъ воды. На сихъ цѣпяхъ висѣлъ тотъ островъ: по срединѣ его находилось небольшое, однако великолѣпное зданіе изъ частаго и блестящаго хрустала; мѣлкая рѣзьба и часные стѣбы дѣлали при солнцѣ видъ блестя-

пей планеты. Кругомъ онаго осажено было лавровыми деревьями и исшуканами изъ шакоговъ, какъ и здание, сешава. Силославъ очень долгое время на него смошрѣлъ, и искалъ способа подойти къ нему, только найши не могъ. Онъ обходилъ кругомъ сѣ озеро; и когда обошелъ на ту сторону, которая была къ городу, увидѣлъ прекрасное и увеселительное мѣсто, на коемъ стояли порядкомъ миршовыя, лавровыя и кипарисныя деревья, которыя росли до самыхъ городскихъ вострѣвъ: они дѣлали изъ себя видъ такой прекрасной пущины, гдѣ бы и сами боги почли за увеселеніе пребывать. Силославъ поспѣшалъ достигнуть въ середину онаго, гдѣ надѣялся найши что-нибудь больше еще достойнаго любопытства.

Но въ семь мѣстѣ первой часѣ по полуночи доложилъ намъ, что время опочивать; и такъ сомкнувъ многоглаголивья мои уста переешалъ я рассказывать.

(242)

И 4

ГЛАВА XIX.

В Е Ч Е Р Ъ 4.

Послѣдованіе Силославовыхъ похожденій.

Когда Силославъ пришелъ на самую середину оной благоуханной роши, увидѣлъ шунѣ семь великолѣпныхъ зданій, кошорья сдѣланы были необыкновенною рукою, и проходили больше на божескіе храмы и казались неосверзаемыми смершымѣ. По срединѣ оныхъ споялѣ на блестящемѣ подножіи фарфоровой саширѣ, имѣющій въ правой рукѣ опкрытую чашу, изъ кошорой билѣ рпушной ключъ. Разсыпающаяся ошѣ сашира рпушь по низходящимѣ сказамѣ дѣлала неописанной блескѣ и увеселеніе взору. Великолѣпныя шѣ зданія спояли вокругѣ онаго водомеща, и каждое изъ нихъ имѣло у дверей по два крылатыхъ исшукана, кои имѣли видѣ блестящаго свѣшида, и казались движущимися. Проншѣ одного сего божескаго храма, кошорой казался выше и великолѣпнѣе прочихъ, спояло на такомѣ

же подножіи крылатице время, которое въ правой рукѣ держало часы, а въ лѣвой закрытую чашу. Силославъ побуждаемъ будучи пылкимъ своимъ духомъ открылъ ее; но какъ скоро снялъ онъ съ нее крышку, у всѣхъ зданій отворились двери и изъ всѣхъ иешукановъ начали бини ключи, которые превосходили высокою первого; а изъ сей снани, которая представляла время, превышало ширеище ршши въ зданіи. Силославъ положилъ на подножіе крышку, кошѣлъ войши въ то зданіе, предъ которыми онъ споялъ, однако воспреияшествовали ему иѣкошорыя ограждения, кошорыхъ онъ не видалъ, и кошорыя были чище самаго воздуха. И шакъ вошелъ онъ напередъ въ самое крайнее, кошорое шакое имѣло украиение: во кругъ подѣ шѣи шшояли сѣдалища для ондохновенія, кошорыя были мягче самаго пуху; по серединѣ чешыре купидона держали на головахъ асидную доску, кошорая имѣла видъ спѣла; по стѣнамъ, начиная онъ полу, сидѣли одушевленные купидоны, имѣвшіе въ рукахъ сосуды иныя плоскіе, а другіе глубокіе; на плоскихъ сосудахъ лежалъ

виноградъ и всякіе превосходные плоды, кошорые имѣли свои корни подъ онымъ здаіемъ; въ глубокихъ сосудахъ находилось пресладкое пиіе превосходящее божеской нектаръ. Во второмъ зданіи снѣны наполнены были такимиже купидонами, имѣвшими въ рукахъ музыкальныя орудія; въ третьемъ купидоны имѣли на рукахъ каждой по порирену самыхъ наилучшихъ ебъ свѣтъ красавицъ; въ четвертомъ купидоны же одѣтые въ разныя геронческія одежды, и казались, какъ будто бы хопѣли драться съ жеспокосердыми мущинами за власть ѣжнаго пола; въ пятомъ имѣли все смѣшныя виды и одѣянія, и сколько ни еспь въ свѣтѣ пороковъ, держали оныхъ изображенія въ рукахъ, выключая роскошь; въ шестомъ блеснула великолѣпіе, богашество и все земныя сокровища. Тутъ видны были только одни головы купидоновъ; шѣла ихъ покрыто было золотомъ; грудь и препоясанія блиспали ошъ свѣщающихся алмазовъ; въ рукахъ же имѣли шѣ сокровища, кошорыхъ они на себѣ и подлѣ себя умѣспить не могли, и казались будща они служили имъ только для

одного насыщенія взора. Когда вошелъ Силославъ въ седьмое зданіе, то удивился онъ больше, нежели всѣмъ прочимъ: оно было имъ не подобно. Когда предвѣспница лучей багряная Аврора опроверзашъ свой храмъ испещренный и услащенный розами, то и поцѣлъ сравнишь-ся съ симъ не можешъ. Полъ его сдѣланъ былъ изъ розъ, нарцисовъ и лилей, копорыя были услаены разводами, и дѣлали изъ себя пріятнѣйшую пещиру. Сей полъ былъ сподько итженъ, что не могъ держати на себѣ Силослава; чего ради вышелъ онъ въ другую крамину смотрѣлъ изъ оныя въ сѣю и разсматривалъ всѣ ея украшенія. На стѣнахъ сего зданія, какъ будто бы въ рощахъ, сполди живыя дерева, на копорыхъ воспѣвали прекрасныя птицы прелеснѣйшими голосами. Индѣ горы, индѣ рощи, въ копорыхъ бѣгали малые и пріятныя звѣрки; индѣ являлась пріятная долина наполненная разныхъ видовъ и разнаго благоуханія цвѣтами. Ключи и иссточники извивались по стѣнамъ чисшимъ хрусшалеми, и пріятное оныхъ журчаніе наводило сладкой сонъ; и сѣ мѣсто именовалоса усщокосщемъ.

По срединѣ оного находилась серебряная съ водою лажань, поддерживаемая золотыми лъвами, въ конторой чешыре Сирены на поверхности держали большую раковину, на коей послана была чешная и бѣлая морская пѣна или облакъ сдѣланной изъ прозрачнаго божескими очами эфира; на ономъ изъжитѣишемъ и прекраснѣйшемъ оубо, покровенномъ шовкимъ покрываебѣ, лежала нагая женщина неизвѣстенныхъ красоты; шло ея сшолько было изъжито, что ежели бы шончайшій Зефиръ коснулся ему крыломъ своимъ, шо думаю разрушилось бы сѣ изъжитѣишее сошвореніе: она сшала, а поддерживающіе ее Сирены шихимъ и пріяшнымъ голосомъ воспѣвали божескя дѣла и шѣмъ наводили ей сладкой сонъ; въ головахъ сшояли два кунидона и держали раскрышую книгу. Хоня она и неблизко была къ Силославу, однако онъ моѣ разсмошрѣшь оной писъмена. Оглавление книги было шакое: „ пожелаи и исполнища „.

Послѣ оного первое слово сшояло хѣ гнигѣ громъ, второе шинина, и шавъ далѣе. Силославъ по сшасшю сво-

ему пробѣжалъ первое полюшко глазами, а второе произнесъ шихимъ голосомъ, шихина. Какъ скоро онъ сіе выговорилъ, то Сирены, птицы, источникники, водомешы, словомъ, все ушло. Сидящая на облакѣ красавица спусти нѣсколько времени проснулась: ибо сдѣлавшаяся шихина перервала пріятное шеченіе ея сна. Проснувшись окинула глазами повсюду, и тотчасъ усмотрѣвъ спящаго Силослава, спросила повелительнымъ голосомъ: Кипо ты, и какъ ты дерзнулъ припсти въ сіе запрещенное мѣсто? но разумной его ошвѣтивъ, прекрасное лице и прелестной голосъ тотчасъ перемѣнили ея гнѣвъ на учтивство. Послѣ чего выговорила она пріятной шумъ. Вдругъ сдѣлалось по прежнему; Сирены и птицы зашѣли, водомешы начали свое спремленіе, на снѣгахъ все опять оживошворилось, а передъ нею предстали пляшъ купидонѣвъ, изъ конхъ шрое пѣли, а двое играли на свирѣлкахъ. Войди сюда, сказала она Силославу пріятнымъ голосомъ, и успокойся ошъ солнечнаго зноя. Силославъ немедленно исполнилъ ея повелѣніе, и шелъ по шому же полу не вреда его, кошорой прежде не могъ

его на себѣ держати. Слѣдъ съ позволенія ея на вершину оной горы, кошорая при подошвѣ стѣны находилась. Распросивъ всѣ его похождения, и увидомясь дѣйствительно о немъ, ударила въ ладоши: вдругъ предспали двѣ дѣвушки съ великолѣпнымъ одѣянiемъ. Одѣвшись въ оное просила Силослава, чшобы онъ послѣдовалъ за нею: она кошла показати ему всѣ свои великолѣпiя. Силославъ просилъ ее, чшобъ она дозволила побывати ему въ шомъ зданiи, копорое спояло на озерѣ; однако она отвѣчала ему, чшо этого ей сдѣлать не возможно. Мое владѣнiе, говорила она, населено одними только женами, и ты можешь получишь въ немъ всякое увеселенiе, какое только вообразишь можешь. Я буду тебѣ сама покровительница, и буду защищать тебя отъ всѣхъ шѣхъ случаевъ, копорыхъ тебѣ опасаться надлежитъ. Ежели ты не устроишься и положишься на мое обѣщанiе, я ошкрою всѣ тебѣ приключенiя, копорыя производящъ въ моемъ государствѣ. Неуспрашимый Силославъ отвѣсцовалъ ей, чшо ни что его на свѣшъ устрашить не можешь величественная его осанка и безспрашi

глазѣ его не позволяли ей больше сомнѣваться въ его ошѣнѣ. Въ вечеру каждаго дня, говорила она, посѣщая мой городѣ духи, и принимая на себя видѣ смертныхъ, веселился о нами. Все сіе великолѣпнѣе и всѣ зданія посвящавлены ими для моего увеселенія; а по а въ кошоромѣ ты желаешь бышь, совсѣмъ не въ моей власни. Когда приходилъ ко мнѣ мой любовникъ, тогда препровождаемъ мы время въ ономъ: оно со всѣмъ ашнмъ не подобно, а имѣнѣ въ себѣ украшеніе въ пять разѣ лучше; и когда мы съ нимъ разсѣаемся, тогда записываю оны его самъ, и нѣнѣ мнѣ способу бышь въ ономъ. А какъ ты не можешь имѣнѣ съ духами сообщенія, по я въ то время буду сохраняю себя въ извѣстномъ мнѣ мѣснѣ, гдѣ никакого вреда приключишь себѣ не можешь. Силославъ положившись на ея обѣщаніе, послѣдовалъ за нею въ городѣ. Когда они пришли шуда, тогда наснавало уже время ночи; слѣдовательно Силославъ не могъ ни о чемъ извѣстннѣся, какъ только о шой, съ кошорою онъ пришелъ: она была государыня сего мѣсца и супруга Роксоланова и именова-

лась Прелесною. Когда уже надлежало скоро прибыти въ городъ духамъ, тогда нѣсколько придворныхъ женщинъ и повелѣнію Прелесны препроводили ее въ великолѣпной и огромной домъ, въ которой находилась въ саду и былъ пуси. Въ семъ домъ Силославъ препроводил всю ночь, и не зналъ, что происходило въ городъ.

Онъ опочивалъ въ превеликой залѣ на мягкомъ и покойномъ ложѣ. Въ срединѣ ночи нѣкошорой снухъ прекраснаго его сонъ: онъ производилъ въ другихъ покояхъ и опозывался шакъ, какъ надобно урывается ишши челоуѣку. Силославъ думалъ, что кто-нибудь имѣетъ до него дѣло, чего ради всшалъ дожидался снѣя. Когда подвинулся спускъ къ залѣ, при помощи слабаго сѣянїя онъ одной лампады увидѣлъ Силославъ, что вошелъ къ нему ужасной величины основъ; и шакъ вмѣсно того, чтообъ испужанься, легъ онъ опяшь на свою поешелю, по шому что съ одними коспями не надѣялся имѣть ни дѣла, ни разговора, лишь шолько сожалѣлъ, что ошповъ его разбудилъ. Съ коспяное пугалнще подошедъ къ нему положило и

грудь къ нему руку и начало его такъ давишь, чпо погнуло на Силославъ лашы Силославъ сполько на сѣе подосадовалъ, чпо вставъ ухватилъ его поперегъ и бросилъ въ двери, изъ копорыхъ лепя, растворилъ онъ еще пирое, кон находилсь прямо другъ за другомъ. Попомъ въ скоромъ времени увидѣлъ онъ освѣщенными дальнѣе покои, изъ коихъ шли къ нему напередъ двое въ долгихъ черныхъ епанчахъ съ распущенными на головахъ большими шляпами, съ копорыхъ до полу висѣлъ бѣлый флеръ; въ рукахъ имѣли свѣщильники и казались погруженными въ глубокую печаль; за ними слѣдовали шеснь въ шакомъ же одѣяннѣ имѣвшѣе въ рукахъ книги; за сими чешыре въ невольничьихъ плашняхъ; головы ихъ были обрипы и посыпаны пепломъ, слезы капилися по лицамъ ихъ, и степенія ихъ раздавалися по всему дому. Попомъ престарѣлой мужъ и шакихъ же лѣшъ жена были себя идучи въ груди, рвали на себѣ волосы, кусали свои персы и вопили ончяннымъ голосомъ; за ними двое вели обнаженную женщину; она была вся избита

Часть I.

I

и кровь текла по слѣдамъ ея ; за нею слѣдовали двое , копорыхъ видѣ казался яростію и мщеніемъ : въ рукахъ имѣли они кровавые и утыканные иглами бичи , копорыми били немилосердо прекрасную шу женщину. Съ оными слѣдовалъ человекъ одѣтый въ великолѣпную одежду ; за нимъ нѣскольکو обнаженныхъ женъ , копорыхъ также терзали бичами , какъ и первую , которая увидя Силослава , вскричала въ отчаяніи : Силославъ ! онъ тебѣ завинилъ мое спасеніе и за тебѣ я принимаю сіе мученіе. Силославъ весьма удивился , когда узналъ , что это была Прелесна. Въ великомъ будучи изумленіи , бросился къ ней и спрашивалъ , чипобъ было пому причинною. Но она будучи извѣзвлена , не могла ему отвѣтствовать. Онъ подошелъ къ пому человеку , копораго надѣялся бышь по велителемъ. Это былъ Влегонъ , но топъ ему также неопвѣчалъ , и только приказывалъ мучишь Прелесту. Силославъ не могъ снести сего варварства и озлясь на Влегона , ударилъ его столь сильно , что онъ собою сдѣлавъ на полу проломъ , въ ономъ исчезъ

а вмѣсто его явилось мраморное под-
ножіе, на копоромъ сшояли слѣдующія
слова: „да будешъ мщеніе мое надъ
шобою ошныиъ и до вѣка“, Послѣ
чего пропали и прочіе духи и оспался
шолько шонъ преснарѣдой мужъ съ
своею женою. Сѣи были родипели Пре-
лесны, а чешверо вѣ невольническомъ
плашѣ родные ея брашья. Все сѣе прѣ-
угошование и шоржесшвенный ходъ
сдѣланы были для шого, чшобъ у-
сшрашишь Силослава. Бѣдные сродни-
ки прежде всего сшзрались о жизни
Прелесны, и всѣ соединенными силами
помогали избавишь ея ошъ болѣзни.
Когда нѣсколько начала она себя чувс-
швовашъ и собиранъ свои силы, тогда
родипель ея благодарилъ Силослава за
избавленіе ихъ ошъ смерти: ибо на-
значена была всѣмъ имъ казнъ
ошъ Влегона, и они должесшво-
вали прекрашишь свою жизнь вѣ сѣю
ночь. Влегонъ увѣдомившись, продол-
жалъ ошъ, чшо дочь моя презрила
свое совѣщаніе и приняла къ себѣ ино-
штранца, къ копорому вмѣсто смерт-
ной казни за его дерзосшь, почувсшво-
вала любовь и успокоила его вѣ сво-

емѣ домѣ, опредѣлилъ лишить ея жизни; а чѣмъ больше удовольствовашъ свою ярость, принесли и насѣ изѣ моего владѣнія, и пы видѣшъ во мнѣ обладашеля Ахрона. Силославъ весьма сожалѣлъ о несчастіи ихъ, и радовался, что избавилъ ихъ отъ смерти; попомѣ возвратились они въ черноты Прелестины, и препроводили всю эту ночь во вспомоществованіи ей и въ утѣшеніи другъ друга.

По утру вознамѣрился припесни великую жертву Чернобогу, яко богу влхъ духовъ, чѣмбы ошвратишъ ихъ гнѣвъ; чего ради поразсвѣшаніи дня предшаха они въ храмъ, а за ними и весь городъ. Сей храмъ стоялъ на пригоркѣ, сооруженъ изѣ чернаго мрамора, и отъ вершины до полу просиѣрались серебряныя полосы на подобіе бѣлой шесъмы. Стѣны шесъмы сошлись на верху вмѣстѣ и были завязаны узломъ, за кошкою держался крылатой исмуканѣ, и казалось, что будно бы тошовилъ подлнъ его и ногншъ по всей вселенной; отъ утѣ храма насаждена была еловая и виваншная рошя, кошорая имѣла видѣ непроходимой и ужасной пустыни; чоръ

ные яшуканы, жерпвеники, посыпанные пепломъ, спенаніе пльвиниковъ, копорыхъ приносили въ жершву, представляли ее адома. Въ преддверіи храма, когда вошелъ въ оное Силосланъ съ Прелестою и прочими, увидѣвъ споящихъ чешырехъ юношей въ бѣлыхъ одеждахъ; они изгошовлены были на жершву; внутри на стѣнахъ храма изображенъ былъ пылающій адъ, въ которомъ разными муками и разнымъ видомъ мучимы были злые смершныя дьяволами. Исшуканъ Чернобоговъ споялъ по срединѣ храма между чешырехъ покрышыхъ столповъ на прешодѣ сдѣланномъ изъ мешалла; подѣ правую ногу лежала у него на боку корона, подѣ ея мершвая человѣческая голова и волшебныя шаблицы; по лѣвую военныя оружія и пламенные адскіе бичи; передъ прешодомъ лежали двѣ фуртіи и сморѣли на Чернобога, показываясь внимающими его повелѣнія и вспающими для исполненія его приказовъ, чшобъ мучишь беззаконниковъ. Сей кумиръ сдѣланъ былъ изъ красной мѣди, которая имѣла больше черномы, и шѣмъ показывала свирѣпосшь его гнѣва; внутренносшь его была пуспа, и изъ-подѣ

Престола часто вылетающей пламень наполнял собою кумиръ, кошорой поминутно являлся воспламененнымъ и попусклымъ; ужасъ ленилъ по всему храму, и входящїе во оной шрепешали отъ страха, и черезъ то завсегда пеклися ошвращанься злыхъ дѣлъ.

По учрежденїи въ храмъ торжесипва ввели обѣявленныхъ чепырехъ юношей для закланїя. Сей народъ имѣлъ обыкновенїе похищать дѣшей изъ чужихъ владѣній и приносишь ихъ въ жершву. Закалали изъ нихъ по одному передъ престоломъ, и кровїю ихъ кропили храмъ, а изъ народа каждой обмокала во оную перснѣ свой, мазали єю свое лѣмя; попомъ положили ихъ на костеръ и зажгли оной. По восхожденїю дыма узнавали божескія судьбы. Въ сей день предзнаменованїе показалось имъ изряднымъ, чего ради хвалили Бога на разныхъ музыкальныхъ орудїяхъ и голосахъ.

Но въ смѣ мѣспѣ я усмопрѣлъ, что всѣ начали дремать, шакъ и мы легли спашь.

ГЛАВА XV.

ВЕЧЕРЬ 5.

*Продолженіе похождения Сило-
слава.*

Силославъ по возвращеніи изъ храма имѣлъ довольно времени разсмотрѣвъ всѣ покои дворца Роксоланова, въ коихъ онъ нашелъ все, что ни есть наилучшаго въ свѣтѣ. Прелеста же помощію лѣкарствъ получила сколько силъ, что могла бытъ въ храмѣ и сидѣтъ со всѣми за жерщвеннымъ столомъ, по обычаю тогдашняго времени; во время ихъ пированія объявили Прелестѣ что вошло въ городъ многочисленное воинство; и еще вѣспникъ не докончалъ своихъ словъ, какъ увидѣли со множествомъ вельможъ вшедшаго къ нимъ Роксолана. Онъ бросился къ ногамъ Силославовымъ, не взирая на свой высокой санъ, и благодарилъ его за избавленіе свое и подданныхъ; потомъ когда онъ всмалъ, Прелеста упала передъ нимъ на колѣни и облившись слезамъ просила ошпущенія своей вины, о чемъ также просилъ и Силославъ. Роксоланъ будучи въ неописанной радости

и склоняясь на прозбу своего избавителя, прости въ великодушно во всемъ Прелеспу, и просилъ ее отъ сокрушеннаго сердца, чшобы она послѣдовала добродѣтели, и бѣгая тиранства и пороковъ, прибѣгнула къ своей должности. Толь великое его великодушіе произвело въ ней жестокое грызеніе совѣсти и раскаяніа въ мерзкомъ ея поступкѣ, и которае на послѣдокъ сдѣлало ее вѣрною до гроба своему супругу./

Влегонъ когда оставилъ Прелеспу, то ожилъ, и вѣнчалъ Роксолана и все его воинство, чшобъ оныя пришедъ въ городъ мстили женамъ своимъ за ихъ безчеловѣчной съ ними поступокъ; одмакъжъ всѣ подданные послѣдовали примѣру своего государя, и простили женъ своихъ также великодушно. Когда происходило возснзновеніе мира въ государствѣ, тогда Силославъ препроводилъ у нихъ еще семь дней, но безпокоился повсеминушно о возлюбленной своей Прелѣпѣ, помышлялъ всякой часъ оставишь городъ и ѣхать искать ее по неизвѣстнымъ сторонамъ. И такъ началъ пригошюляться въ пушь. Рок-

соланѣ не зная чѣмъ служить своему
 другу и избавишелоу, просилъ его, что-
 бы онѣ согласился что нибудь взять
 изъ его сокровищей въ знакъ памяти и
 преславной его ему услуги. Сидославъ
 не хотя сдѣлать ему неудовольствія,
 ошевшисивовалъ ему, что онѣ согла-
 шается на его предложеніе и просилъ
 только позволенія выбрать самому о-
 ной подарокъ. Роксоланѣ съ охотою на
 то согласился, а Сидославъ желалъ
 себѣ одного только сильнаго и крѣп-
 каго коня, Роксоланѣ былъ весьма ему
 радъ; ибо онѣ имѣлъ у себя славнаго
 богатырскаго коня, на которомъ самъ
 не могъ ѣздить, и конюхой осилъ
 ему послѣ ошца его; и такъ просилъ
 онѣ Сидослава вышши съ нимъ на нѣ-
 сколько разстоянія отъ города, гдѣ
 обѣщаль служить ему шѣмъ, чего онѣ
 отъ него потребуешъ. Потомъ пришли
 они къ подошвѣ не весьма возвышен-
 ной горы, на которой стояли въ окру-
 жении девяти дубовъ, по серединѣ ко-
 порыхъ лежала каменная плита съ же-
 лѣзнымъ кольцомъ. Роксоланѣ поднявъ
 оную просилъ Сидослава слѣдовать за-
 собою. Посемъ они сошли въ нѣкопю

рое подземное зданіе, которое все увѣшено было богатырскимъ снарядомъ, услышали необычайный шумъ. Роксоланъ объявилъ Силославу, что пушъ конь, котораго онъ желаетъ подарить ему. Силославъ весьма обрадованной бросился шумчась къ оному и вывелъ его на поверхность земли. Ошвязанной солнцемъ конь онъ яслей не только бываешъ бодръ и шроенъ, какъ сей: онъ вмѣсто пламени дышалъ чернымъ дымомъ; и когда бодрился, то зыблилась подъ нимъ земля; подымающіяся его ноги не намѣрились снупанъ по землѣ, а казались желающими подыманъ въ облака; распушенной его хвостъ и грива служили ему вмѣсто крыльевъ; сила же шоль была велика, что вмѣсто чешырехъ солнечныхъ коней, могъ бы сей и одинъ возишь его колесницу, ешьлибъ былъ шолько безмеренъ. Силославъ благодарилъ, Роксолана и возвратился съ нимъ въ городъ, гдѣ ондавъ должное почшеніе ему и всему его племени, къ великой ихъ прискорбности и неописанному неудовольшвію на другой день при раз-

свѣтанїи днѣ разспался съ ними , и оснавилъ сей городъ , которому онъ далъ прежнее быше и возвратилъ жизнь Роксолану и всему его воинству.

Выѣхавши изъ города, слѣдовалъ Силославъ по незнакомымъ мѣстамъ. Помощію сильнаго своего коня онъ ѣхалъ онъ на весьма дальнее разстояніе отъ города ; наконецъ ушомясь полудневымъ зносомъ искалъ прохлажденія своего подъ древесною шѣнію, и въ шомъ мѣстѣи подѣзжалъ къ нѣкоторой видимой имъ рощѣ. Выѣхавъ въ оную нашелъ при рубежѣ ея рѣку , которая текла споль шихо, чшо вода ея казалась масломъ, наклонившися надъ нею деревья прикрывали ея воды отъ солнечныхъ лучей и дѣлали шѣмъ берегъ ея прїятнымъ мѣстомъ успокоенія. Силославъ прельсился сею роскошью, вознамѣрился сойти съ коня и жаждущаго его напоить водою , самъ сѣлъ подъ шѣнію одного кудряваго и густаго дерева ; осмаприваяся повсюду любовался на прекрасное строеніе природы ; удивлялся рѣчнымъ берегамъ покрытымъ зеленою шравою на подобіе разноцвѣтн-

нымъ коврамъ, по копорымъ упомя-
 шіеся ошъ зноя звѣри бѣгая играли и
 купались въ рѣчныхъ струяхъ. Сило-
 славъ разсуждая обѣ ихъ ненужливости,
 заключилъ изъ того, что сіе мѣсто
 необитаемо и населено одними только
 дикими звѣрами и птицами; но въ са-
 мое шо время увидѣлъ чешырехъ дѣво-
 чекъ, копорыя вели пошъ чешырехъ
 овечекъ на розовыхъ деншочкахъ. Си-
 лославъ очень шому удивился и спра-
 шивалъ ихъ, откуда они? Мы изъ зам-
 ка нашей госпожи, опвѣншвовали онѣ,
 копорой опшонишъ опсюда не далеко.
 Силославъ во всякомъ мѣстѣ надѣялся
 получишъ извѣстіе о Прелѣнѣ, чего
 ради послѣдовалъ за ними. Они очень
 скоро пришли въ шошъ замокъ, копо-
 рой споялъ почти на берегу къ вер-
 шинѣ сей рѣки. Одна изъ шѣхъ дѣво-
 чекъ побѣжала напередъ и сказала въ
 домѣ, что хочешъ посѣвитишъ ихъ про-
 ѣзжій. Силославъ увидѣлъ на крыльцѣ
 двухъ женщинъ въ богатыхъ одеждахъ,
 и сколько плаше ихъ было великолѣп-
 но. сколько и онѣ прекрасны были ви-
 домѣ; онѣ вышли вспрѣпитъ его и съ
 великою учтивостію звели въ покой, и

дѣрилъ ихъ наичувствительнымъ образомъ; а объявленные женщины во время всего снола дѣлали ему новыя обѣщанія, и послѣ ужины, оказавъ ему свое почтеніе, равно какъ своему государю, осмѣявали его; потомъ два служившихъ повели его въ покой, въ которомъ приготовлена была для него великодѣнная постель, на коей препроводилъ всю ночь въ неописанной тишинѣ и удовольствіи; утомленные дорогою и безпечкойствомъ его члены тотчасъ принудили окончить живое стремленіе мыслей и опалились во власи покрывающаго ихъ сна.

Когда насталъ день, опредѣленные служившихъ принесли Силославу покойное упреннее платье; причемъ докладывали ему, что не изволишь ли онъ смыться благовонными водами. Силославъ на то согласился. И такъ повели его въ садъ, гдѣ стояло не большое зданіе на подобіе гроша, коего стѣны сдѣланы были изъ чистой мѣди и снаружи умеренно раскалялись пламеномъ; полъ усланъ былъ мягкою пружою, и для отдохновенія снояло усыпанное благовонными цвѣтами ложе.

Когда Силославъ вошелъ въ него, раздѣвшись, тогда служившій ошвернулъ ключъ, коимъ находился по срединѣ; тогда началъ бить благовоиной водометъ и орошать все стѣны, ошъ чего поднялся легкой и прѣшной паръ, наполнивъ все зданіе шеплошю; тогда, казалось, что будто теплые зефиры обмахивали крыльями Силославово шѣло и мягкими своими ушами пускали на него полуденную шеплошу. Въ такой покой роскоши почувствовалъ Силославъ нѣжнѣйшее расслабленіе членовъ и сладкое млѣніе души. Рабъ ошворилъ другіе водометы, изъ коимъ вышла вода на Силослава благовоише и прозрачше Аврориныхъ слезъ, ошъ коея распусшвшееся ошъ пару шѣло его намѣсно крѣпоси наполнилось прѣшешвомъ и нѣжностію. Немалое время лежалъ ошъ на мягкомъ шомъ ложѣ, которое ему упомянутому нѣжностію не позволяло всшашъ на ноги, во время чего наслаждался ошъ прѣшешношю музыки; водяные органы, сдѣланые удивительнымъ искусшвомъ, усыпили Силослава прѣшешнымъ своимъ звукомъ. Послѣ сего всшавъ ошъ и одѣвшись въ

нѣжное и легкое платье, въ которомъ походилъ больше на Адонида, нежели на Ироя, возвратился въ покои, въ коихъ вслѣдствовали его двѣ женщины въ бѣлыхъ одѣянїяхъ: онѣ были споль прекрасны, что еспѣлибы Силославъ не отдалъ сердце свое Прелѣпѣ, но конечно бы посвятилъ его коморой нибудь изъ оныхъ: онѣ его проводили къ сполу, за коморымъ все было глазамъ его прелесивно; кушанье, разговоры, собесѣдницы, музыка, все наполнено было великолѣпїемъ и нѣжносшїю. Послѣ половины дня, когда солнце удерживало свои лучи и больше уже не раскаляло оными землю, тогда предложили ему, не изволишь ли онѣ прогуляться въ саду. Онѣ съ охотою на то согласился и шакъ повели его въ оной. Когда пришли они къ воронамъ садаымъ, тогда увидѣлъ Силославъ удивительное соплешенїе искусствомъ человеческихъ рукъ. Ворона сїи имѣли въ ширину десять лаконѣ, а въ высоту пятинащань: они сдѣланы были наподобїе рѣшошки, коморая сплешена была разными узорами и съ разными изображенїями жьвошныхъ изъ чистаго и прозрачнаго

лишаря ; въ саду дороги , цвѣтники ,
накры и испуканы припягивали къ се-
бѣ взоръ и принуждали осипаваться
шупѣ до конца жизни. Все сѣе приво-
дило въ восхищеніе Силослава : а что
больше наполнило его удивленіемъ , то
было сѣе: Садъ окруженъ былъ съ шрехъ
шпоронъ хоромами , кошорыя посшрое-
ны были въ шри жилья ; въ каждомъ
окнѣ сидѣла великолѣпно одѣшая кра-
савица , кошорыхъ находилось больше
штысячи : онѣ были шшоль прекрасны ,
что казалось Силославу, будшобы при-
рода шшаралась собирать прѣшпносши
со всего свѣша и заключила ихъ въ семъ
мѣсшѣ; онѣ не зналъ кошорой данш изъ
нихъ преимущешво ; глаза его лешали
по всѣмъ , и находили все шш , чего не
видѣли они прежде ; всякая красавица
исполнена была прелешшми и видѣ ея
показывалъ склоншосшь къ Силославу ;
глядя на него усмѣхались съ прѣшпнос-
шю и казались желающими ему по-
нравшсья. Прельщенный Силославъ
мѣлъ и не кошѣлъ осшавшсь сего мѣс-
ша ; чего ради сѣвши будшш для он-
дохновенія на дерновую лавку, спраши-
валъ у своихъ собесѣдницъ , кошорыя

Часть I.

К

его провожали, каков божество собра-
ло къ нимъ только прелестней, и ка-
кая непоснижимая сила наполженъ
се мѣсно споль невоображаемою вѣж-
носнью и великолѣпїемъ? Я думаю, про-
должалъ онъ еще, что здѣшній воздухъ
не услаждаетъ сего мѣсна, но самъ ус-
лаждаетъся зыбляся на ванихъ вѣжнос-
ныхъ? И предвѣстница Свѣшовидова (*),

(*). Свѣшовидъ, или Свѣповидъ, или Свѣпо-
вичъ богъ Солнца, либо войны, имѣлъ храмъ
въ Ахронѣ Славенскомъ городѣ, къ се-
тели и ризалися Ругянами. Каждой годъ
Ругяне какъ мужи, шкъ и жевы приносили
въ храмъ подати по пенязю; кумиръ былъ
огромн и величины е; въ нѣ изъ дерева
четырсхъ лицахъ на подобіе фноря, и со
всѣхъ сторонъ образъ его видѣть было
можно; не имѣлъ борды и былъ съ за-
витыми кудрами по обыкновенію Славянъ
Ругянскихъ въ длинной одеждѣ даже до
ногъ, держалъ въ правой рукѣ рогъ изъ
металла. Оной рогъ исполнялъ брадаш и
священникъ виномъ съ великими и шара-
швенными обрядами и шкъ оспывалъ до
утра. По утру по умаленію или неумале-
нїю вина гад шайствовавъ, будещъ ли, или
нѣтъ предбудущїи годъ изобиленъ. Сой же
идолъ лѣвою рукою подперлася и имѣлъ на
бедрѣ великой и украшенной мечъ, и въ
споронѣ оной руки лежали узда и седло
его коня; кумиръ стоялъ середѣ каплицы
находящейся по срединѣ храма, завѣстной

я чаю, не спыдишся восходя на небо, что усмащриваешъ здѣсь превосходящихъ себя въ красощъ? А свѣп-носещъ Фебъ не премѣнно оспанавливаешъ своихъ коней, когда проиѣлкаешъ мимо сего мѣсна, и оснавляешъ его съ прискорбиоспѣю, однимъ словомъ: скажише миѣ, съ смер-

К 2

со веѣхъ смерщъ краснымъ и богато убранымъ звѣшма: одинъ только жрецъ наспуливши годъ въ день праздника одна въ капашу удерживая дыханіе; когда хотѣлъ отдохнуть, то выѣгалъ и дворямъ капашы и выставля голову дышалъ, дабы не оскоржить божество дыханіемъ смерщнымъ. Сему идолу посвященъ былъ бѣлом конь, у коего изъ гривы и изъ хвоста не позволяя съ ни единаго выдернуть волоса, ниже сѣсть на него, кромѣ жреца: ибо народъ вѣрилъ что свѣтовидъ на немъ вѣдилъ для пораженія ихъ неприятелей во время войны; во увѣреніе чего прдлагалось ѣ стойлѣ что когда оставляли его вычищеннаго и привязаннаго, то находили часомъ по утру вспотѣшаго и змараннаго, какъ будто кто на немъ вѣдилъ ночью въ дальній путь. Отъ путешествія его предвѣщали счастливой и худой конещъ своихъ рашей; а для окончанія гадашаешва выпыкали стоймъ передъ храмомъ шестъ коней въ зедю по два въ рядъ одно подлѣ другаго въ равномъ распояннн и ко всякой двойнѣ привязывали одно к сп е попе, егъ такъ высоко, какъ можно коню безъ

довѣ и оныхъ угощать по ихъ сознанію; и ежели ты имѣешь намѣреніе препроводить здѣсь свой вѣкъ, то можешь пользоваться всѣми этими красавицами, онѣ будутъ всѣ во власни швоей Чшождѣ. касаея до нашей государыни, она повелѣваетъ нами, а мы ея подданные; сколько она насъ выше сапомъ, сколько и красота ея превосходитъ нашей; ты не можешь вообразить ея прелесней, и всякой увидѣвъ ее захочетъ лучше лишиться жизни, нежели расстаться съ нею, для чего и ты увидѣвъ ее не можешь; она не показывается никому въ свѣтѣ: однакожъ мы опасаемся, чшобъ и одно воображеніе о ея красотѣ не вспревозмогло твоихъ мыслей и не родило бы въ сердцѣ швоемъ непобѣдимой любви. Но свирѣпоснѣ такая болѣе въ ней для того, что она имѣетъ у себя любовника, которому посвятила жизнь свою и сердце на вѣки, и желаетъ лучше умереть, какъ учинитъ ему малѣйшую невѣрность: но ты ешьли только желаешь, то можешь здѣсь найти довольно красавицъ, которымъ не менѣе принесешь тебѣ забаву.

К 3

всякой день новыя благооклонности оубъ
 перемѣняющихся красавицѣ. Восхищался
 роскошами, услаждалъ зрѣніе свое раз-
 ными великолѣбными сего замка; и шакѣ
 не осмѣвалось ему ничего ниго думать,
 какѣ шолько, что оубъ во всемѣ свѣтѣ
 не можешѣ найши увеселенія лучшаго и
 дешойнѣйшаго; укрывающаяся владѣ-
 тельница сего замка подавала ему со-
 мнѣніе и надежду; любовь его къ ней
 услаивалась, и какѣ некадѣ оубъ неиз-
 вѣстнаго, но не осмѣлялѣ ни одного
 мѣсна, чтобѣ не увѣдаешѣ все въ ономѣ
 общошешельно; и сего ради не хотѣлѣ
 выѣхашѣ изѣ онаго мѣсна до шѣхѣ порѣ,
 покамѣшѣ не увѣдаешѣ имя госпожи его.
 Нькогда по ушру принесли къ нему слу-
 жишели весьма богашое плашье, кошо-
 рое походило больше на царскую одеж-
 ду; пошомѣ предшали по обыкновенію
 идѣи красавицы одѣшныя въ бѣлое плашье,
 и казалисѣ гошоващимисѣ къ великому
 шированію. Чудясѣ оному Силославѣ,
 спрашнвалѣ у нихѣ, не шоржешиво ли
 какое будешѣ у нихѣ сего дня въ замкѣ?
 Такѣ, государь, ошвѣшешивовали оубъ,
 сегодншній день будешѣ у насѣ празд-
 шешиво, кошорое ошправляемѣ мы по

скончаніи каждаго года , и на которое прїѣзжаешѣ обыкновенно и наша государыня , и дѣлаешѣ намѣ честь , кушая съ нами за однимѣ столомѣ ; сколькожѣ и ты будешь счастливъ , что получишь участіе въ нашей радости и будешь видѣть лице нашей государыни , на которое ни одинѣ еще смертной не удостоился взглянуть , да и видѣть его было не можно. Силославѣ услышавѣ сіе пришелѣ въ неописанное восхищеніе , и поспѣшавѣ убрать себя всѣмѣ шѣмѣ , что тщеславіе и любовь представили его глазамѣ прелеснѣйшимѣ. Вдавшись въ великую роскошь и нѣжностъ не мужескиво уже сіяло на его одеждѣ и не укрѣпленное силою богатырскиво , походилѣ онѣ болѣе на Парцисса , любовавшагося собственною красоюю.

Наконецѣ когда онѣ увидѣлѣ , что къ наряду его болѣе уже ничего не недоставало , пошелѣ въ чертоги угошовленные для празднишва. Оныя всѣ наполнены были прекрасными женами , и всякая изѣ нихѣ усугубляла красоту свою приспойнымѣ убраншивомѣ. Когда вошелѣ къ нимѣ Силославѣ , шо всѣ сдѣлали ему поздравленіе , подобно какѣ

любимцу царскому. Вскорѣ потомъ вошла и государыня, коя взглянувъ на Силослава быспро вскричала: Ахъ Силославъ! и упала въ руки послѣдующихъ ей женщинъ. Удивленный Силославъ не зная, чпо иное начашь, бросился было ей помогать; но вдругъ спалъ пораженъ удивленіемъ, радостію и восхищеніемъ, едва было и самъ не упалъ безъ чувствъ; потомъ пришедъ въ прежнія силы, бросился передъ упавшею въ обморокъ на колѣни. О боги! пронутые нашими несчастіями, возопилъ онъ: Такъ ужъ вы переслали насъ разлучать? Прекрасная Прелѣпа! тебя ли я вижу? Твою ли руку лобызаютъ уста мои? Такъ ешо ты! ты самая та, копорую я спраншвуя по всѣмъ землямъ искалъ, и шеперь вижу, чпо милосердые боги умилоспивились надъ нами и возвратили мнѣ тебя, а тебѣ вѣрнаго по гробъ Силослава. При названіи Силослава Прелѣпа ошкрыла глаза свои, и увидя его споящаго передъ собою, кинулась къ нему въ объятія. Ахъ Силославъ! вскричала она, копорому богу должна я благодарить за свиданіе пвое со мною! Великая Лада! ты мнѣ его воз-

вращила, а я уже себя и увидѣть не надѣялась, любезный мой Силославъ! Сколькожъ я вамъ обязана: всещедрые боги! вы ошдали мнѣ то, чего иныи для меня драгоцѣннѣе на свѣшѣ.

Наконецъ по многимъ разговорамъ и лобызнѣямъ пошли они къ шолу, которой ихъ уже давно ожидалъ. Сколько можно вообразишь великолѣпїя и изобилїя, шо еще не могло сравнишься съ десятию часшю; сколько-шо былъ сей пиръ великолѣненъ. Послѣ онаго увѣдомила его Прелѣпа, о своемъ исхищенїи, о пребыванїи ея у духа, и какъ она ошѣшого освободилась. Я всегда сѣшновала, говорила она, о пошерянїи себя, и ни одной минушы во всю мою у него бышность не была спокойною. Духъ прилагалъ всѣ старанїя ушѣпнншь меня; онъ выдумывалъ разныя и невоображаемыя забавы, однако они увеселишь не могли меня ни мало, и служили еще къ большей мнѣ прискорбношши. Онъ думалъ получишь ошѣ меня увеселенїе, однако получалъ вмѣсно шогу одну досаду. И какъ онъ не видѣлъ ошѣ меня ни малѣйшей къ себѣ благосклонношши,

и холодность моя всегда его огорчала, но началъ презиратьъ меня: любовь его обратилась ко мнѣ въ холодность; онѣ уже не искалъ бышь вмѣстѣ со мною, а спарался всегда меня удаляться, и попомѣ когда любовь въ немѣ со всѣмѣ уже истребилась, но приказалъ перенести меня въ сей замокъ, гдѣ надѣялся истребить себя у меня изъ памяти и послѣ получишь мое сердце, но только этого никогда онѣ отъ меня не получишь. И такъ уже другой годъ нахожусь я въ этомѣ мѣстѣ. Прибывъ сюда, спаралась я всѣми силами сыскаить себя; но не смѣла на всѣ мои спаранія не могла о себѣ ничего и услышать, онѣ чего спенала я повсеминутно, но спеперь благополучіе мое меня находить, и любовь моя ожидаетъ только одного увеличанія. Ославимъ этошъ замокъ, возлюбленный мой Силославъ! и взявъ нѣсколько вѣрныхъ монахъ подданныхъ поѣдемъ въ швое опечесшво. Ахъ! государыня, вскричалъ тогда въ восторгѣ Силославъ, когдабъ только учинили боги это со мною благополучіе, сколько я имѣ былъ за сіе одолженъ! Щасштіе сіе починаю я шоль высокимъ и завид-

лымъ , что сбышя его и надѣяшся по-
чши не смѣю. Будь несомнѣнно о немъ
обнадеженъ, ошвѣпствовала ему любов-
ница : не ужели шы думаешь , что я
предъ шобою лицемѣрю ? Могу ли я ешо
думашь , государыня! перехватилъ вос-
хищенный Силославъ : я шебѣ споль-
ко же , какъ и самимъ богамъ , вѣрю.

Разговаривая іпакимъ образомъ, не
примѣшно выходили они изъ покоевъ и
подвигались къ саду , а прельщенный
Силославъ ни мало шого не видѣлъ ;
сполько шо любовь насѣ ослѣпляетъ !
наконецъ пришли они въ оной. Тогда
Прелѣпа ласкаяся къ Силославу раскры-
ла плашье на его груди , и увидя на
немъ повѣшенной золошой досканецъ ,
спрашивала у него , чтобы это іпакое
на немъ было ? Ешо волшебной іпализ-
манъ, ошвѣпствовалъ Силославъ : когда
я поѣхалъ изъ моего опечеснва, шобѣ
искашь шебя по всему свѣшу, шогда ро-
дипель мой подарилъ мнѣ его, обнаде-
живая пришомъ , что доколѣ ойъ на
мнѣ будешъ , шо никакой маизлѣйшій
духъ не можешъ осмѣлишся погубишь
меня сѣонымъ. Ешо очень чудно , ош-

вѣпшествовала Прелѣпа, я еще отъ роду эдакой рѣдкости не видывала; какъ бы я хошѣла и у себя эпакой же имѣшь! Силославъ при семъ словѣ гораздо смутился: желаніе любовницы своей хошѣлось ему пошчасъ исполнишь, но ошцовъ приказъ запрещалъ ему оное. Я бы тебѣ съ охопюю его подарилъ, говорилъ онъ своей любовницѣ, по родитель мой, опдавая мнѣ сей залогъ своей любви, заклиналъ меня никому его не опдавать, уеѣряя, что сколь скоро я его лишусь, по потеряю пошъ часъ и живошъ мой. Изрядно ошвѣпшествовала Прелѣпа, я его у себя уже не прошу, шолько скинь его и дай мнѣ разсмопръшь. Въ сей прозбѣ Силославъ не смѣлъ ей пропивишся, хошя ошцовъ приказъ касался и до сего.

И такъ подумавъ нѣсколько скинулъ его и опдалъ Прелѣпѣ. Едва успѣлъ онъ ей его опдать, какъ красавица онъ него исчезла, и на мѣсто се увидѣлъ онъ передъ собою ужаснаго Исполна, кошорой спремился разсѣчь его саблею. Силославъ запрепешалъ, и познавъ свое преступленіе гошовился уже къ смерти, какъ вдругъ превращаясь въ сокола увидѣлъ

себя парящаго въ воздухѣ. Въ одно мгновеніе ока, исчезли всѣ зданія, сады и прелесни, кошорые его населяли, а вмѣсто онаго увидѣлъ онъ подъ собою волнующееся море, коего сердишые и сѣдые валы мчались въ черную и кипящую пучину. Чшо со мною сшалося, разсуждалъ онъ самъ въ себѣ? чшо за приключеніе, куда дѣвзлась онѣмен. Прелѣпа, и какой злой духъ превращалъ все сіе селеніе въ сію бездну водѣ? О боги! никакъ это шотѣ прокляпой духъ, копорой ее и прежде похишилъ. Онъ никакъ узнавъ наше соединеніе позавидовалъ нашему благополучію и ошнжалъ ее оплшь у меня: но онъ не доволенъ былъ симъ и кошѣлъ меня еще умерпвишь, и конечнобъ по сдѣлалъ, есплблбъ я не превращился въ пшцу. Но коножѣ меня въ оную превращилъ? никакъ онъ самъ, чшобѣ сдѣлалъ жизнь мою горешнѣе и самыя смерши. А свирѣпый духъ! шы всему моему несчастію причина; но не надѣйся, чшобѣ сплалъ сносишь шоль поносную жизнь. Сіе свирѣпое море прекранишѣ всѣ мои напасни. Выговора сіе, усшремилася въ пучину, чшобѣ въ ней пошонишь и жизнь свою и несчастіе.

Но когда уже находился онъ опѣ
оныя не болѣе какъ на пясть сажень ,
по вдругъ изъ свирѣпаго моря сдѣла-
лось огромное строеніе , кошораго влещ-
шѣль ойѣ въ середину. Это была больш-
шая горница, сдѣланная изъ чернаго мар-
мора , коея всѣ стѣны исписаны были
Гороглифическими письменами. Въ углу
оной храмины стоялъ на золотомъ под-
ножии изъ слоновой кости исшуканъ
Чернобога, которой почиался власши-
шелемъ надъ всѣми духами волшебница-
ми ; предъ онымъ кумиромъ стоялъ жер-
швенникъ изъ бѣлаго мрамора съ золо-
тою на немъ жаровнею и углями ; по
серединѣ оной стоялъ столъ, на кошо-
помъ лежало премножество волшебныхъ
преполсаній и знаковъ. Другія же украше-
нія комнаты сошевшисшвовали прочимъ.

Спуская нѣсколько времени налетѣ-
ло множество разныхъ видовъ птицъ ,
кошорыя принудили сокола вылетѣть
въ другой покой ; изъ коего могъ онъ
смотрѣть на дѣйсшвіе ихъ свободно, ко-
шерое начала птица, имѣющая видъ ор-
ла. Она подошедъ къ Чернобогову жер-
швеннику, и распрощраня свои крылья

въ знакъ своего повиненія , допрону-
лась головою до жершвенника въ по-
мѣсто , на которомъ сшояли неизвѣст-
ныя волшебныя писмена, отъ чего вдругъ
приняла образъ человѣческой ; попомъ
пришедъ къ сшолу сняла съ онаго свое
препоясаніе и надѣла на себя , и также
приняла жезлъ , коимъ все въ свѣтѣ
управляла. Другія волшебницы подра-
жая оной такимъ же образомъ получи-
ли видъ людей. Между оными находи-
лась и та волшебница , которую онъ
освободилъ изъ - подъ камня.

Когда волшебницы приняли наспо-
ящій свой образъ , тогда всякаа при-
нявъ свое мѣсто ожидала отъ главной
волшебницы повелѣнія. Оная сѣвши на
своемъ прешолѣ , кошорой весь былъ
изъ чистаго золота , и по мѣстамъ у-
крашеиъ дорогими камнями и услаиъ
багряницею , сдѣлала знакъ Преврангъ ,
чшобъ она къ ней подошла. Когда оная
къ ней подшупила , тогда волшебница
говорила ей слѣдующее: Превраша! чего
ны отъ меня желая , побудила меня при-
бышь сюда изъ далечайшихъ странъ , и
также все сіе собраніе. Великая пове-
лишльница нешобъдимыхъ духовъ! прос-

ти мое дерзновеніе, что я осмѣлилась на нѣсколько разрушить покой швой и швоихъ подчиненныхъ. Призванію шебя и всего сего собранія вина естъ слѣдующая: Широшлвый и неспокойный духъ Влегонъ, не повиная швоей власпи и всечасно лелая по свѣшу, приключася швоимъ подданнымъ досады и людемъ напасши; оный не укрощимый духъ шдеишиа шеперь потубиши любимго мною смершнаго, извѣснаго шебѣ Силослава. Ето оболсна онъ очи, предшавилъ на свирѣпомъ морѣ прелеснаго вида домъ, гдѣ нѣсколько времени его угощая; пришелъ на концѣ къ нему, прѣявъ образъ похищенной Прелѣпы, въ коемъ видѣ оболсшивъ его, выманилъ у него роковой его шализмаиъ, копорой дѣлалъ его безопаснымъ ошъ смерти, и пошомъ хопѣлъ лишипя въ шомъ свирѣпомъ морѣ жизни; чшобы и дѣйсшвилельно сдѣлалъ, ешльлибъ я его не преврапила въ сокола и не спасла его шѣмъ онъ хипрыхъ его сѣшей: чего ради, государыня, сей домъ совѣша, по заклинанію моему, на сѣ мѣсто принесѣвъ, и вы всѣ собраны: я прошу, чшобы позволено было предшашъ въ

Часть I.

Л

еіе собраніе Силославу, при которомъ я окончаю мою прозбу. Ты увидишь, царица духовъ, что онъ милосердию швоей доспонитъ.

Волшебница на прозбу ея согласилась. Тогда Преврата вышедъ къ Силославу взяла его и внесла передъ судище. Воишъ, государыня, сей гонимый Влегономъ смершный! воишъ чѣмъ я его принуждена была спасти, и прошу теперь, чтообъ и ты приняла его подъ свое покровишельство. Тогда волшебница махнувъ своимъ жезломъ на Силослава, сказала: будь шѣмъ, чѣмъ ты былъ прежде. Вдругъ всѣ перья слеснѣли и Силославъ принялъ прѣжній свой образъ; послѣ чего увидѣлъ онъ; что на престолѣ сидѣла дряхлая и сѣдая старуха, у которой шряслась голова, и все шѣло было въ движеніи онѣ глубокой снаросни; исподнее плашье было на ней бѣлое, опущенное багрянцею, а сверху покрывала черная снапча; съ правого плеча подъ лѣвую руку лежалъ голубой зодіакъ съ золошыми небесными знаками на подобіе перевязи; на головѣ была долгая черная съ городками шапка, по шпорамъ оной придѣланы

были два крыла отъ большихъ рыбъ; на верху споялъ знакъ Сапурновъ; въ лѣвой рукѣ держала маленькой земной шаръ, а въ правой жезлъ волшебной; подлѣ ея по сторонамъ стояли по старшенству другія волшебницы въ разныхъ и чудныхъ одеждахъ, но всѣ съ волшебными препоясаніями и жезлами. Тогда Силославъ, получившій прежній свой видъ, благодарилъ главную волшебницу нанчувствительнѣйшимъ образомъ за ея къ нему покровительство; а Превраща поблагодаря оную подобнымъ образомъ, говорила такъ: Сей смертной, кошорому шеперь сама ты хочешь быть покровительницею, съ швоего позволенія произведенъ сиоль сильнымъ и храбрымъ на свѣшъ. Угождая его спрашти оживошворила я исшуканъ Спанитаровъ, чшобъ могъ онъ увѣдомишь Силослава о своей дочери. Въ шо время Крѣпоспанъ любимецъ его опкрылъ шу чашу, въ кошорой заключенъ былъ Ноннешъ, тогда князь духовъ произвелъ всѣ шѣ спрахи, о коихъ я шебя уже увѣдомила, и коихъ я усшрашася не могла шущъ спояшь и принуждена была сокрыпсья, въ ономъ случаѣ погибъ бы и Силославъ.

Д а

еспѣлибѣ не успѣла я, ухватиши съ головы моей околдованное перо, вошкнущи въ шлемъ ему. Онаго силою освободилъ онѣ Ноннеша изъ заключенія, и чрезъ него нашелъ способъ вышши изъ того города; послѣ чего пришелъ онѣ, въ то владѣнїе, въ которомъ весь мужескій полъ истребленъ былъ Влегономъ. Силославъ изгналъ его изъ онаго силою своей руки, и шѣмъ Влегона озлобилъ несласанно, чего ради Влегонѣ, желая ему ошмстити, выдумалъ для погубленія его шу хишроспѣ, о которой я тебѣ уже увѣдомила. Бѣ ономъ мѣспѣ лишилъ онѣ его пера, даннаго мною Силославу, и роксваго его шализмана; чего ради я прошу тебѣ, великая обладашпельница невидимыхъ, призванъ сюда Влегона, чшобѣ онѣ здѣсь при всемъ собранїи заклася не имѣть впредѣ на Силослава злобы и не гнанъ его болѣе, и чшобѣ при томъ возвратилъ ему перо и шализманѣ. Такой степени духи, примолвила она, каковѣ Влегонѣ, должны повиновашься намѣ, а не восшавашъ прошивъ насѣ.

Но въ сіе время господинѣ Морфей ухваня насѣ расшасилъ всѣхъ по спешамѣ.

ГЛАВА XVII.

ВЕЧЕРЬ 7.

Продолженіе повѣсти Силославовой.

Повелительница духовъ выслушавъ Преврашину прозбу, махнула по воздуху нѣсколько разъ своимъ жезломъ, и послѣ того выговорила сіи слова: дерзкой духъ! по данной мнѣ власти оиѣ великаго Чернобога и оиѣ князя всѣхъ духовъ, заклинаю тебя, чшобъ ты явился сюда въ сіе мгновеніе въ шакомъ видѣ, въ копоромъ ты, прельщя юнаго Силослава, намѣрился погубишь, и чшобъ ты принесъ сюда его шадизманъ, шлемъ, и прочее его вооруженіе. Едва она успѣла окончатъ свое заклинаніе, какъ ошворилась дверь и Влегонъ явился во образѣ Прелѣпы, неся съ собою все истребуемое оиѣ него; и какъ только увидѣлъ главную волшебницу, то запрепешадъ и палъ предъ нею на колѣни. Силославъ увидѣвъ его обомлѣлъ оиѣ удивленя, и не зналъ, вѣришь ли ему глазамъ своимъ; слышалъ оиѣ, чшо эшо Влегонъ, только повѣришь

этому еще не смѣлъ, опасаясь, чшобъ не назвалаъ любовницы своей злымъ духомъ. Въ шо время главная волшебница обо-ропясь къ Влегону, и кинувъ на него сердитой взоръ, дерзновенной! вскричала ему, ославъ сей непринадлежащій тебѣ образъ и прѣими швой гнусной видѣ. Какъ скоро волшебница сіе выговорила, Прелѣ-па исчезла, и вмѣсто ея явился ужасной Исполинъ кривой, горбашой и хромоно-гой, съ рогами и козлиною бородою, съ змѣинымъ хвостомъ и съ лошадиными ногами, будучи припомъ весь покрыпъ свиною щетиною, а на головѣ вмѣсто волосовъ имѣлъ вѣющихя и свистя-щихъ змей.

Тогда начальная волшебница указы-вая на Чернобоговъ испуканъ, симъ по-велипелемъ духовъ, говорила она, заклин-аю тебя безпокойный и непокорливый духъ, и всѣмъ адомъ, кошорато шрепещу и я, чшобъ ты предалъ вѣчному забве-нїю злобу швою на Силослава, и не ос-мѣливался ему ни мало вредить, еснѣ-ли не хочешь подвергнушья всѣмъ ад-скимъ испязанїямъ, и потомъ преобра-зишья въ ничто. Великая повелитель-ница духовъ! отвѣшшвовалъ шрепещу-

щій Влегонѣ : весь адъ знаетъ, сколько я волю твою почитаю, и все, что тебѣ ни угодно, съ охотою исполнить готовѣ. Исчезнижъ съ глазъ моихъ, вскричала волшебница. Тогда Влегонѣ исчезъ, а начальница обращаясь къ Превратѣ говорила : я все исполнила, что тебѣ ни хотѣлось, и съ словомъ, симъ исчезла, за нею и все собраніе.

Удивленный Силославъ едва вѣрилъ тому, что въ глазахъ его произошло, и обращаясь къ Превратѣ, которая съ нимъ одна осталась : какъ это Влегонѣ былъ, а не Прелѣпа, могущая волшебница ! Да, ошвыпвовала она, и погубилъ бы тебя, ешьли бы я хоть чуть не ускорила тебя избавишь; но теперь тебѣ опасаться болѣе нечего, ты слышалъ самъ, что главная волшебница приказывала Влегону; повелѣнія ея преступишь онъ не смѣетъ, хотябъ еще во сто разъ сильнѣе былъ. Ну, просни любезный Силославъ, намъ должно теперь разсѣяться, и домъ сей не можетъ здѣсь болѣе получаса пребыть, и я также должна слѣдовать туда, куда зоветъ меня должностъ моя; спунай ищи своей возлюбленной. Ешьли будешь наблюда

должность Ироя, получить все. Больше тебе сказать не смѣю, прощай! Съ симъ словомъ она исчезла, домъ пропалъ, а онъ оспался на берегу морскомъ, усыпанномъ камнями, въ копорые ярыя волны ударяя, производили страшной шумъ.

Еслилибъ не былъ онъ Славянинъ, то конечно опчтался бы при случаѣ семъ жизни, и умеръ бы онъ ужаса на семъ пустомъ берегу, причемъ окружающіе оной дремучіе лѣса, неприспупныя и ужасныя пещеры усугубляли его страхъ. Свирѣпыя звѣри рыскали безъ боязни повсюду; и хотя онъ ихъ и не опасался, однакожь не имѣлъ онъ онъ ихъ никакого увеселенія. Причемъ возшала ужасная буря, свирѣпыя вихри дѣлали яряся по горамъ, ломали деревья, а иныя вырывали съ корнями, онъ чего дѣлался превеликой шрескъ; шемныя и угрюмыя шучи наводили мракъ шемнѣйшей ночи и проливали шресильной дождь; молнія, громъ и градъ привели Силослава въ ужасъ. Хотя хрзбросшь его была велика, но въ разсужденіи природы онъ былъ ничшо иное, какъ ея созданіе. И такъ началъ онъ искать убѣжища, но

безпрестанной блескъ молніи зашмѣвалъ
почти его зрѣніе, — часное сплѣщеніе
деревъ прекращали его пушъ; наконецъ
укрылся онъ подъ ихъ вѣтвями и смалъ
нѣсколько безопасенъ онъ суровоси по-
годы.

Когда усмирѣли вѣтры и буря на-
чала утихашъ, тогда багряная Зимцер-
ла взшла уже на небо, а сѣяющій Свѣтъ ю-
видъ слѣдуя за нею согрѣвалъ землю. Въ
то время проснувшись Силославъ про-
гуливался по лѣсу, и услышалъ идущаго
человѣка, которой воспѣвалъ пѣснь, сдѣ-
ланную въ честь Перуну. Человѣкъ сей
имѣлъ на себѣ покойное и не Свѣтское
плашье, и приномъ казался больше
роскошнымъ, нежели посшникомъ. Я ра-
дуюсь, говорилъ онъ, увидя Силослава,
что нахожу здѣсь человѣка, а радость
бы моя была еще большею, еслибы
ты былъ чужестранецъ. Такое привѣт-
ствіе весьма удивило Силослава. Я мо-
женъ эпимъ несчастливъ, что нону на
себѣ дейсшвенельно шакое имя, онвѣ-
чалъ онъ. Никакъ, а я шѣмъ шолько ща-
сливъ, онвѣшеспвовалъ незнакомой, и
прошу шебя послѣдовашъ за мною. По-
томъ пришли они въ просширанное под-

земное жилище, которое освѣщено было хрустальными лампадами. Уборы и порядокъ онаго показывали мѣсто сіе обитаніемъ разумнаго и добродѣтельнаго человека, Видѣ мужа того казался кропкимъ и добродѣтельнымъ. По приходѣ въ пещеру приказалъ онъ тотчасъ служителью своему перемѣнить на Силославѣ плащъ, которое вымочено было дождемъ. Тотчасъ подали ему изрядную и покойную одежду. По многихъ привѣщаніяхъ со обѣихъ сторонѣ, и когда уже они довольно опознались, тогда Силославъ спрашивалъ его учинивымъ образомъ о причинѣ его уединенія. Я охотно расказалъ шебѣ оное соглашаюсь, оповѣспивовалъ ему старикъ : изъ повѣспи моей ны познаешь, что несчастіе на того спремился свирѣлѣ, кшо на высшей предѣ прочими степенми, и думаешь о себѣ, что онѣ счастливые всѣхъ смертныхъ; я могу наввапья испиннымъ примѣромъ сего льсшиваго щасія и игралицемъ его непосшоянства. Все я видѣлъ на свѣтѣ, все пересмотрѣлъ, и былъ всему подверженъ. Онѣ самаго моего рожденія былъ я прежде несчастливъ, попомъ

въ ономъ посредствѣнѣ , посемъ благополученѣ и преблаженѣ , а на концѣ наи несчастливѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ , а шеперь благополученѣ. Сло-славъ весьма удивился шоль чудесному обращенію судьбы его , и просилъ его неперпѣливымъ образомъ разсказашъ свои приключенія. Сѣ охотою , ошвѣн-сипвовалъ сшарикѣ , я шепбя увѣдомлю о всѣхъ со мною происшеспвїяхъ ошѣ рожденія моего до сего часа ; пѣшомъ нѣсколькo цсдумавѣ , началъ онѣ шакимъ образомъ :

Я называюсь Славурошѣ , родился въ городѣ ; называемомъ Русѣ , и произо-шелъ на свѣшѣ онѣ людей бѣдныхъ и немѣвшихъ почши пропитанія ; по ро-жденіи моемъ машъ моя ондала меня на воспитаніе въ домъ къ нѣкоторой боярынѣ , потому что содержашъ ей меня было нечѣмъ. Госпожа сїя не меньше была скупа , сколько и зла : имѣшъ человѣка она желала , а кор-мишъ его не хѣшѣла ; и шакъ живя у нее , не сшолько я ѣлъ , сколько былъ бшшѣ ; и когда я плакалъ и просилъ пищи , шогда она меня била немилосер-до , желая сдѣлать во мнѣ привычку ,

чтобъ я въ три дни бѣлъ однажды. Въ такомъ прѣлжномъ упражненіи препроводилъ я восемь лѣтъ, и онѣ шоль изряднаго воспитанія поперялъ было образъ человѣческій, и начали было уже называть меня шѣнью; наконецъ добродѣтельная моя воспитательница пре-спавилась, и я изслѣдилъ послѣ нее продолжительную болѣзнь, которая въ изнемогломъ моемъ шѣлѣ привела было и душу въ изнеможеніе. Домомъ ея овладѣлъ брашъ ея родной, гражданинъ добродѣтельной и посшоянной; причемъ оный зная злой нравъ своей сесшры, первое имѣлъ шпараніе, чтобъ осмошрѣшь всѣхъ ея служшелей, между кошорыми и я находился. Видѣ мой ему понравился, онѣ приказалъ имѣшь за мною смощрѣніе, и ошдалъ меня для излече-нія къ одному врачу. По счасшю моему сей врачъ не выдумывалъ шогда никакого лекаршва, и не испышывалъ его надо мною, онѣ чего я поскорѣ вылечился; и когда собралъ уже всѣ пошеряшныя мои силы, шогда хозяинъ мой взялъ меня онѣ него. Послѣ чего нашедъ во мнѣ склонность къ наукамъ, послалъ въ Консшаншннополь учишься

из собственномъ своемъ иждивеніи. Я сполнѣ ему на каждой годѣ по цѣлому серебряному паланшу. На пятомъ году моего въ наукахъ упражненія получилъ извѣстіе, что благодѣтель мой скончался. Тогда-то будучи я безъ всякаго призрѣнія и на чужой еще сторонѣ, сдѣлался прямо бѣднымъ и несчастнымъ человекомъ. Все, что я ни выучилъ, зашихло бы во мнѣ опчаяніе, если бы учитель мой не обнадежилъ меня своимъ покровительствомъ. Сей Грекъ былъ весьма достойной человекъ и жилъ очень роскошно. Все его упражненіе соснотало въ извѣдываніи природы и въ узнаніи сокровенныхъ ея шанспивъ, чему научалъ и меня. Я узналъ отъ него философію, математикку и испорію, и совершенно говорилъ Греческимъ языкомъ. Тогда учитель мой выключилъ меня изъ числа учениковъ, сдѣлалъ по себѣ наследникомъ всего его имѣнія, и съ эшихъ поръ содержалъ меня, какъ роднаго своего сына. И шакъ я, какъ будто бы предвидя мою судьбину, началъ щеголять, и носилъ шакія плашья, въ какия одѣвались въ городѣ очень мало

Нареченной мой отецъ вмѣсто того ,
 чшобъ запрещашь, радовался глядя на
 меня, и случалось часно, что когда я
 одѣвался, тогда онъ самъ мнѣ прислу-
 живалъ, любуясь на мое щегольство. Не
 злобивой мой нравъ и нѣсколько сшарані-
 емъ его просвѣщенной разумъ вкоренили
 въ него ко мнѣ любовь; онъ почипалъ
 меня, какъ роднаго своего сына и имѣлъ
 ко мнѣ прямо родипельскую любовь.

Но несчастіе мое не долго мнѣ
 позволило милосшію его пользоваться.
 Благодѣшель мой пресшавился на
 шрепшемъ году послѣ перваго моего
 милосшивца ; и хощя я наслѣдилъ все
 его имѣніе , но ни мало шому не ра-
 довался. Я сожалѣлъ объ немъ, шакъ
 какъ о родномъ моемъ опцѣ. Лишеніе
 его мучило меня несказанно, и сколько
 я ни сшарался развеселишь себя, шоль-
 ко никакъ не могъ ; онъ не выходилъ
 никогда изъ памяши моей , милосши
 его глубоко были начершаны на моемъ
 сердцѣ ; однимъ словомъ ; я шолько о
 немъ грушилъ , чшо весь городъ цвѣт-
 спенъ шѣлъ о шомъ , и сколько прія-
 шѣли мои ни сшарались меня развесе-
 лить и сколько ни изыскивали способовъ

къ моему утѣшенію, только ничто не могло утѣшить моей горести.

Во время сей моей печали объявлено было въ городѣ, что на другой день будетъ казнь многимъ несчастнымъ полоненикамъ. Горесть моя не позволяла мнѣ итти на такое плачевное позорище; но не знаю, какая-то тайная сила принудила меня туда слѣдовать, и такъ пошелъ я на другой день на добное мѣсто, на коемъ производилась казнь; и едва туда пришелъ, то вдругъ глаза мои и сердце поразились ужаснѣйшимъ видѣніемъ. О боги! и теперь еще безъ слезъ вспомнить не могу, между несчастными узниками увидѣлъ я моего отца, ожидающаго себя лютаго окончанія жизни. Всецѣдые боги! для чего вы тогда не извлекли и моей души? Проси мнѣ, храбрый незнакомецъ, что слезы, кающіяся неволею изъ очей моихъ, прерывающія мое повѣствованіе; потомъ оберши глаза продолжалъ онъ слѣдующимъ порядкомъ: Едва я его въ такомъ состояніи увидѣлъ, кровь моя замерзла, и холодной потъ, вышупя на мое шло, лишилъ меня употребленія чувствъ; я

упалъ безъ памяти, и друзья мои вмѣстѣ со мною, увидя оное, старались мнѣ помогати и привести меня въ прежнее чувство. Какъ скоро я очунулся, то первое мое старание было, чтобъ бросишя избавляшя моего отца, но уже было поздно, лютые звѣри расперзали шѣло его на части. Увидя оное, поднялъ я ужасной крикъ, клялъ судьбу виновницу моего несчастія, проклиналъ осудившихъ его на казнь, и воплемъ моимъ обратилъ на себя глаза всего народа. Пріятели мои, желая меня спасти отъ большого беспорядка, силою увлекли меня въ мой домъ. По изліянн и многихъ слезъ и по долгомъ шерзаніи просилъ я одного изъ моихъ друзей, чтобъ постарался онъ достати мнѣ списокъ всѣхъ расперзанныхъ въ томъ день невольниковъ: онъ мнѣ скоро оный принесъ, и я нашелъ, что всѣ они исполнены были въ морское сраженіе, въ числѣ кошорыхъ и отецъ мой былъ. По привезеніи ихъ въ Констанцинополъ приказалъ Кесарь всѣхъ шѣхъ погубити, кошорые не примутъ оружія противу Славянъ его неприятелей. Отецъ мой будучи вернымъ сыномъ ошечесива, по-

желалъ лучше лишиться жизни, нежели поднятъ оружіе противу своихъ однородцовъ ; и шакъ умеръ съ прочими послѣдовавшими въ шомъ ему. Тогда-то оштанки крѣпости моей исчезли : совѣшны друзей моихъ не подкрѣпляли бо-лѣе моего духа ; я вдался въ неописанную гореснть и дошелъ до опчаянїя ; опдалъ все мое имѣнїе бѣднымъ людямъ, и пошомъ хонѣлъ удалиться въ пустыню. Предпрїанїе мое желалъ я расположить порядочно; чего ради съ вѣрнымъ моимъ прїанелемъ, на котораго дружесшво я надѣялся, завсегда хаживалъ изъ города не въ весьма опдаленную роцу, въ коей прохаживаясь совѣшовалъ, или располагалъ мое намѣренїе.

Иногда возвращаяся изъ оной, услышалъ я, что кличушъ меня моимъ именемъ, я оглянувшись назадъ, увидѣлъ почтеннаго вида шаруху, которая покланяясь мнѣ низко сказала слѣдующее: ме пошавъ пожалуй въ дерзповенїе, что я помѣшала шебъ ишши шы хоня меня и не знаешь, шолько я шебъ всегда была прїанельница, которая желала шебъ завсегда хорошаго; я ме давно извѣстналась о швомъ несчастїи и намѣ-

Часть I.

М

реніи: опчаяніе швое произвело во мнѣ сожалѣніе , и я не могла преминушь , чшобѣ не сообщить объ ономѣ брапу моему , о которомѣ увѣрю тебя , чшо онѣ человекѣ довольно знающій мѣрскія суеты и случающіяся вѣ жизни переменны: онѣ будучи человекѣ мягкаго сердца, пронулся швоимѣ несчастіемѣ , и просилѣ меня тебя сѣ нимѣ познакомилѣ . Я вѣдая , что шы людей добродѣшельныхѣ и свѣдущихѣ почишаешь и любишь , обѣщала ему оное; и шакѣ прошу тебя не оставишь моей просьбы и удовольствовашѣ желаніе моего брата . Я зналъ дѣйствительнѣ , чшо никакой человекѣ переменишь судьбы моей не вѣ силахѣ , и возвратишь моего отца и двухѣ благодѣтелей никакой совѣшѣ не вѣ соешояиіи ; однако подумавѣ , чшо можешѣ онѣ дасѣ мнѣ наставленіе , какимѣ образомѣ продолжати мнѣ оставшую мою жизнь , поблагодарилѣ ей за ея обо мнѣ шпараніе , и просилѣ , чшобѣ она представила меня своему брату . Очень хорошо , ошвѣпствовала она : завпра при окончаніи дня на ешомѣ же мѣстѣ увидише вы человекѣ , которой проводишѣ васѣ вѣ мой домѣ ; и когда вы изѣ совѣшошѣ его прѣобрѣнете свое .

благополучіе , тогда судьба ваша перемѣнится и вкоренитъ въ васъ благодарность къ той , которая была причиною вашего счастія ; потомъ она разсталась съ нами.

Осшавшись одинъ съ моимъ другомъ , разсуждалъ я , чшобъ было ешо шакое , и наконецъ подумалъ , что ешо какой нибудь обманъ , и такъ хопѣлъ ешо дѣло оставишь ; но мнѣнія моего друга принудили меня шо извѣданы и посмотришь хвалената шого мужа ; припомъ же говорилъ онъ мнѣ , что еспь много шакихъ людей , которые берутъ участіе въ несчастіи другихъ , и болѣзнуя о нихъ онъ чистата сердца стараются отвращать оное двоякими способами , и шѣмъ заслуживающъ на семъ свѣтѣ будущее блаженство ; а какъ ешакими людьми Греція славилася издревле , шо я больше не сумѣвался , чшобъ шопъ , копорой ищепъ моего знакомства , не пекся о моемъ благополучіи ; и шакъ опредѣлилъ съ нимъ познакомиться.

Между шѣмъ госпожа полночь гораздо принахмурилась , и дѣлала намъ шѣмъ внакъ , чшобъ мы ложились спать ; и шакъ побрели мы къ своимъ постелямъ.

ГЛАВА XVIII. — 18.

ВЕЧЕРЬ 8 8. VIII.

Продолженіе Славуроновыхъ
приключеній.

На другой день, когда уклонялося къ западу солнце, и ночь уже гсповилась взойши на небеса, тогда оставивъ я въ домъ моему моему другу, пошелъ одинъ на назначенное мнѣ мѣсто; на ономъ дождался уже меня человекъ; онъ спросилъ меня о моемъ имени, и узнавъ кно я, просилъ учтиво за собою следовать. Вскорѣ дошли мы до одного великолѣпнаго дому, которой сшоялъ въ предградіи. Сіи дома обыкновенно называются въ Греціи домами увеселенія. Какъ только мы взошли на крыльцо, то встрѣшила меня та же женщина, которая на казубѣ со мною говорила и звала къ своему брату. Сдѣлавъ мнѣ небольшое привѣщаніе, провела меня черезъ нѣсколько покосовъ въ большую горницу, которая освѣщена была лампадами: они удерживали лучи находящагося въ нихъ огня, и чрезъ то прома-

водили слабой свѣтъ, при коемъ образъ человѣческой не совсѣмъ разсмотрѣнь было можно; а для чего такъ было сдѣлано, оное шы узнаешь въ окончаніи моей повѣсти. Когда я съ нею сѣлъ, по приказала она служишело доложитъ обо мнѣ своему брату; и такъ во ожиданіи его препровождала со мною время во взаимныхъ привѣтствіяхъ.

Вскорѣ попомъ вошелъ къ намъ и братъ ея: видъ его показался мнѣ важнымъ и величественнымъ; голова его покрыта была пухлячешкою шерстяною шапкою, кошорая закрывала лобъ его по самыя брови, а сѣдая и долгая борода закрывала и другую половину его лица; долгое и безпорядочно сшитое плашье представляло его презришелемъ пухляго украшенія тѣла. Какъ скоро я его увидѣлъ, то топчасъ сдѣлалъ ему низкій поклонъ, и препоручалъ себя въ его милосію при прозьбѣ моей пріятельницы. Препорученіе мое принялъ онъ весьма благосклонно, и предсказывалъ мнѣ свои услуги, кошорыя его добродѣшель показать мнѣ опредѣлила. Оознаванье наше было скорое, и мы топчасъ начали весель разговоры дружешкіе, изъ

коихъ я увидѣлъ, что онъ былъ чело-
вѣкъ преразумной и пресвѣдущей; по-
томъ склоня рѣчь свою ко мнѣ, гово-
рилъ мнѣ слѣдующее: Я стараюсь всегда
быть увѣдомленъ о шѣхъ людяхъ, ко-
торые подвержены ударамъ превращаго
счастія, и будучи въ горести, не нахо-
дящъ ни въ чемъ ошрады, кромѣ ошча-
нїя, а я въ такомъ случаѣ не могу
ихъ оставить безъ ушѣшенїя.

Сеспра моя увѣдомила меня о шво-
емъ соспоянїи; ты лишился двухъ бла-
годѣшелей и ошца, кошорыхъ ты всѣхъ
равно почиталъ. Что ты печалишься
объ ихъ кончинѣ, ешо похвальнo, и ты
шѣмъ показываешь чувствительную къ
нимъ благодарносшь; но когда сожалѣнїе
о нихъ производишь въ тебѣ ошчаянїе,
ешо знакъ малодушїя. Всякое несчастїе
должны мы сноеншь великодушно, и че-
ловѣкъ для шого принимаешъ свое бышїе,
чтобъ испытать ему всѣ коловращенїо-
спи сего свѣта: ибо всякое въ ономъ
несчастїе чѣмъ оно свирѣще, шѣмъ боль-
ше олучишь челоѣку въ исправленїю,
и смиряя его угошовляешъ ему будущее
блаженшво. Мы шогда, когда не быва-
емъ довольны, возсылаемъ на небо жа-

добу, негодуемъ на опредѣленіе и сѣшумъ о недолгомъ нашемъ безпокойствѣ; проклинаемъ нашу жизнь и безразсудно ропщемъ на Создателя, не предвидя или не разумѣя, что Онъ все на пользу нашу сирощѣ. Премилосердное и справедливое сущесиво захочетъ ли для такой бѣдной швари, каковы мы, бытъ когда нибудь свирѣлымъ? Гнѣвъ его не можешь умѣстишь во всей вселенной, есѣли мы раздражимъ его милосердіе нашими несповсѣдами: но и тогда Вседержитель нашъ оппустишь намъ грѣхи наши, а не исребитъ насъ до конца. И такъ приписуя наши несчастія, въ кощорыа мы упадемъ сами собою, Божему произволению, или думаемъ, что оно насъ наказываетъ, погрѣшаемъ противъ его, и въ заблужденіи нашемъ не видимъ своего малоумія. Мы всегда спремимся къ счастью, и просимъ Бога, чтобы Онъ сдѣлалъ насъ его участниками въ нашей жизни; но есѣли спросишь хотя одного, что есѣ счастье, и въ чемъ онъ его заключаешь, и чего просишь; то тогда и онъ кроется, что онъ и самъ не знаетъ, чего, дѣлаешь. На семъ свѣтѣ нѣтъ ничего для насъ по-

лезнаго, кромѣ добродѣтели и премудрости; но врожденное стремленіе имѣемъ мы къ снисканію благополучія съ начала нашей жизни, и всякую минушу ищемъ онаго; только оно покажется намъ въ будущей жизни, а не здѣсь, да и тому, кпо онаго достиженья явишся. Начало нашего бышя спремилшя всякой часъ къ окончанію, а конецъ сей есмь благополучіе, для котораго раждаемся мы всѣ. Добродѣтельной и боголюбивой человекъ достигаешь онаго скорѣе, нежели шонѣ, кошорой ведешь жизнь свою въ порокахъ и ошягчаешь неисповѣднвомъ природу.

Ты шеперь спнуешь, что лишился своего счастья, кошорато ты истинно не имѣлъ и имѣшь никогда не можешь, потому что нѣшь ево на семъ свѣшѣ. Люди дають имя сіе богашшву, и шѣмъ погрѣшають сами прошивъ себя: ибо получивъ оное получають съ нимъ всякое безпокойство; другіе именують онымъ высокія шепени, а наипаче прешполъ: но сколько великіе господа прешперпѣвають печали, о томъ уже всѣ извѣшны. Мудрѣйше дають сіе имя мудролюбію и спокойствію души; но сіе спокойствіе ничпо иное, какъ преддвѣ-

рѣ къ счастію, а прамого благополучія ни одинъ смершшой не только получишь, но и вообразишь не можешъ.

И шакъ не разумно сожалѣть о томъ, чего мы не имѣли; шакое самопроизвольное сшраданіе не будешъ согласованъ съ мудростію, и ешакое сѣшование можешъ названъся безразсуднымъ. Осшашки нашего великодушія исчезающъ припоминаніями несчастныхъ случаевъ, и приводящъ наконецъ къ ошчаяніе: чего ради всѣми силами надлежищъ сшаранъся ошваживанъ себя искащъ душевнаго спокойсшва, ибо одно оно только можешъ сдѣланъ насъ нѣскольго совершенными. Ты сѣшущъ шеперь о потерянн швоего ошца и двухъ благодѣшелей, оплакивашъ ихъ кончину и сожалѣешъ объ нихъ; но миѣ кажешся, шы ихъ шѣмъ оживишь не можешъ; и шакъ надобно радованъся, что они ошшавили всѣ суешы сего свѣша и наслаждающъ сладкимъ упокоеніемъ въ блаженныхъ Иллисейскихъ поляхъ. Не ушшо шы желаешъ, чтообъ они приняли опять здѣшнее бышіе для шого, чтообъ шерзались столько же, сколько шерзались они въ прошедшей швоей жизни? Ешо ли знакъ

твоей къ нимъ любви? Повѣрь мнѣ, что хочябъ ты и звалъ ихъ оншуда и могъ ихъ оянь оживитъ, но они сами не захочяшъ этого; и такъ слѣдственно, что сипенаніемъ своимъ ты ихъ только оскорбляешь. Пожалуй оснавь мужнюю свою печаль, и сшарайся лучше употребитъ оснашки своего вѣка на снисканіе добродѣтели и на покровишельство бѣдныхъ людей; прибѣгай чаще моливами къ Творцу вселенныя, проси его о низпосланіи тебѣ способъ къ полученію чеснцыхъ нравовъ, любви къ добродѣтели, конми ищися пріобрѣсти путь къ блаженной кончѣ.

Въ такихъ и подобныхъ симъ разговорахъ прошла у насъ съ нимъ цѣлая ночь, и первое сіе свиданіе уменьшило нѣсколько моей горесни; попомъ всякой вечеръ постѣцадъ я сего добродѣтельнаго и разумнаго мужа, и всякой часъ получалъ новыя облегченія совѣщаніями его въ моей печали; и наконецъ не въ весьма долгое время искоренилъ онъ совсѣмъ мою печаль. Я слушалъ его насшавленія съ великимъ прилѣжаніемъ и пріятностію, и начерпывалъ ихъ въ моемъ сердцѣ; частое мое съ нимъ обхожденіе

нему въ прїязнь совсѣмъ другаго роду.

Сей вечеръ разспался я съ нимъ не такъ какъ обыкновенно. Собесѣдникъ мой примѣтя, можеиъ бышъ, во мнѣ смущеніе, вспалъ не окончавъ разговора и пошелъ поспѣшно въ свою комнату, а я оспался разсуждать еще въ пущемъ смященїи. Однакожъ не долго еъ ономъ находился: знакомица моя пришла тогда ко мнѣ и извиняла своего брата, чпо онъ не возвратился ко мнѣ, чему причиною, сказывала, заспигшее его важное дѣло; попомъ завела со мною разговоръ, копораго хошя начало было постороннее, однако конецъ клонился къ тому, чпобъ вывѣдашь изъ меня, не былъ ли я въ кого влюбленъ, и иѣшъ ли теперь у меня любовницы. Чшо не бывало у меня оныя, шо говорилъ я ей правду; а на чшо было шакое сдѣлано предложенїе, шого еще тогда поснигнушь я не могъ. Поговора она со мною совсѣмъ о другомъ, пожелала мнѣ спокойной ночи и просшилась до другаго свиданїя.

На другой день съ превеличайшею нетерпѣливоспїю желалъ я увидѣшь моего насшавника: минушы казались мнѣ безъ него часами; но и онъ не менѣе

скрышь мое смятеніе, тотчасъ принялъ
 я на себя спокойной видъ. Прежде я не
 иначе думалъ объ немъ, какъ о пустыни-
 никъ, и не старался примѣчать того,
 что не входило совсѣмъ въ мою мысль;
 а тогда началъ я разсмаивать сво
 руки, которыя, какъ помню, прежде
 онъ онъ меня скрывалъ; а я, не имѣя
 ни малаго подозрѣнія, совсѣмъ о томъ
 не догадывался. По счастію моему сдѣ-
 лалъ онъ тогда, разговаривая такое
 движеніе, что открылъ свою правую
 руку, на которую тотчасъ любопыш-
 ные глаза мои устремились. Рука сія
 показалась мнѣ непрелеснѣйшею ру-
 кою женскою, и я увидя оную зашрепе-
 шалъ, не зная самъ онъ чего; и какъ
 любопытство мое уже не упускало ни-
 чего, тогда и голосъ его показался мнѣ
 нѣжнымъ, хотя пустыинникъ и старался
 произносить его съ нѣкоторымъ напря-
 женіемъ, чтобъ тѣмъ онъ походилъ на
 мужеской. Сколько ни слабо было сіяніе
 онъ лампадъ, однако глаза мои примѣ-
 щили между бѣлыми бровями и сѣдою
 бородою такую нѣжность и красоту
 лица, которыя совсѣмъ перемѣнили мои
 мысли и обратили дружество мое къ

ма мое молчаніе. Тебѣ непремѣнно должно показаться удивительнымъ мое превращеніе: я еному вѣрю, и въ томъ соглашаюсь; но когда ты услышишь причины, побудившія меня къ оному, то конечно переслазешь тогда ему удивляться; и вошъ причина, побудившая меня къ сему чудному превращенію. По славѣ швоихъ изрядныхъ качествъ и добродѣтелей узнала я о себѣ уже давно, и имѣла къ достоинствамъ швоимъ всегда почтеніе; пошомъ увѣдомилась о всѣхъ швоихъ общошественствахъ, что ты Славянинъ и здѣсь иностранецъ; что ты лишился двухъ благодѣтелей, и наконецъ своего родителя; что ты впалъ ошъ того въ пресильную печаль; что возненавидя свѣтъ и непосшоянное его счастье, пришелъ въ такое странное опчаяніе, что хотѣлъ въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, оставя чаловѣческое обхожденіе, удалиться въ уединеніе, и уже принялъ къ шому мѣры.

Тогда я побуждаема будучи челошкколюбіемъ и славою швоихъ достоинствъ, захопѣла вывести себя изъ швоего заблужденія; но разсуждая о способахъ къ шому, не находила ихъ, пошому что

ежели бы я стала тебя увѣщевать въ такомъ образѣ, въ какомъ шеперь нахожусь, по неперемѣннобѣ ны меня не послушалъ; а что больше всего, побѣ могла я впаснь чрезъ сіе въ оковы злословія, да и ны бы самъ не иначе оно счелъ, какъ прижиткомъ или моего неразумія, либо шщеславія, или же знакомъ моей къ тебѣ любви, кошоря хотя сама по себѣ ни мало не подвержена порицанію; но злословцы дали бы ей неперемѣнно имя беззаконія. И шакъ видя себя съ сей шпороны неспособною подати тебѣ помощь, прибѣгнула я къ сей хитросни изъ одного сожалѣнія къ человеку, чшобѣ прекращаясь въ пущыинника и человека, живущаго подѣ закономъ шпорогія добродѣтели, спознашь съ шобою, и ошвлечъ тебѣ ошѣ швоего шпращнаго намѣренія, доказавъ тебѣ заблужденія смятенныхъ швоихъ мыслей. Намѣреніе мое мнѣ удалось; и шакъ я шеперь довольна, исполнила должноснь, шакъ чшобѣ заслужишь ошѣ тебѣ имя пріятельницы, кошою хочу я бышь тебѣ ошѣ шпереняго сердца.

Предшавъ себѣ, продолжадѣ Славу-ромъ обращаю къ Силославу, каково

тогда было мое удивленіе по выслушаніи ея рѣчей. Я почти не вѣрилъ самъ себѣ, что все то слышалъ, и на нее смотрѣлъ; я не могъ себѣ вообразить, чтобъ женщина въ ея лѣтны могла вмѣщать въ себѣ такую добродѣтель и разумъ для спасенія ближняго своего ошъ опасности; напоследокъ оправясь ошъ моего смясенія благодарилъ ей начувшвишельнѣйшимъ образомъ, прося се и впередъ продолжать ко мнѣ свою благосклонность, за которую обѣщалъ ей во вѣкъ оснанъся преданнѣйшимъ ея слугою.

Но я уже не одну чувствовалъ къ ней тогда благосклонность: прелестнь ея лица, добродѣтель и разумъ лешая въ удивленныхъ моихъ мысляхъ, производили въ сердцѣ моемъ неугасимый пламень; и я уже не шотъ былъ больше Славуронъ, кошорой стремился бѣжашъ въ пустыню. Все мое сердце и мысли прилѣпился къ прекрасной моей правоучишельницѣ: разлученіе минушное съ нею казалось мнѣ ужаснымъ гробомъ и зборищемъ всѣхъ опасностей; и шакъ опредѣлялъ себя спарашъся узнать ея обо мнѣ мысли, и вывѣдашъ, не любовь

Часть I.

И

ли была причиною спаранія ея объ удержаніи меня въ свѣтѣ.

Предпріявѣ сіе намѣреніе вникалъ я во всѣ ея рѣчи; но прошиву желанія моего находилъ въ нихъ неизъяснимую скромность. Наконецъ доведя разговоръ до ея сосноянія, просилъ ее, чшобъ она удостоила меня объявленіемъ обстоятельствъ, касающихся до ея жизни. Прозьба моя безъ ошговорокъ была довольствована. Я, говоряла она, уроженница города Аѳинъ: ошецъ мой имѣлъ шамъ санъ священника Палладина. Нѣкогда пришелъ въ домъ нашъ иноспранецъ, подъ зидомъ, чшобъ просишь отца моего принесшь Аѳинъ обѣщанную имъ жершву; но въ самомъ дѣлѣ желаніе его было увидѣшь меня и свесшь съ ошцемъ моимъ знакомшво, чшобъ чрезъ шо получишь свободной входъ въ нашъ домъ. Онъ былъ жишель здѣшняго города, и начальникъ Легіона; въ Аѳинахъ былъ онъ шогда для нѣкошораго дѣла по повелѣнію здѣшняго Кесаря: онъ меля по праздникамъ видывалъ въ Минервиномъ храмѣ и влюбился въ меня. И такимъ образомъ сседни попомъ съ родишелемъ моимъ хорошее знакомшво,

зачалъ за меня свататься. Отецъ мой зная его доспосишество и добродѣшель, безъ всякихъ ошговорокъ на шо согласился. Свадьба наша была сыграна благополучно, и по нѣсколькихъ послѣ оныхъ дняхъ ошправля мужъ мой положенное на него ошбъ Кесаря дѣло, возвратился въ свое ошечество; на послѣдокъ по полугодномъ со мною сожити, будучи въ походѣ противъ варваровъ, убишъ на сраженіи; и шакъ я оспалась вдовою и наслѣдницею всего его имѣнія, пошому что другихъ кромѣ меня наслѣдниковъ у него не было. Вошъ вся моя ишорія, примолвила она мнѣ, и я уже мѣсяца сѣ два вдовою.

По окончаніи своей повѣсти разговаривала она со мною о вещахъ пошороннихъ; а я напрошивъ того будучи мучимъ любовію, не думалъ уже болѣе ни о чемъ кромѣ моей сшрасши; покушался штысячу разъ ошкрышь ее моей побѣдишельницею, но робость и сшыдъ и важной ея видѣ всегда меня удерживали ошбъ исполненія онаго. По крайней мѣрѣ сшарался я ошкрышь оную околичностями, и оными же взаимнымъ образомъ и ошбъ нее получалъ. Такимъ успѣхомъ

хншроспи моей будучи ободренъ, хотѣлъ было ей настоящее сдѣлать ошкрытіе; но наснуписьная глубокая полночьномѣпала моему благополучію. Обладательница моя не давъ мнѣ докончить начатыхъ мною словъ, всшала посиѣнно со снаула, и пожелавъ мнѣ доброй ночи, осшавила меня въ пущемъ прежняго смяшеніи; послѣ чего и я пошелъ домой кленя несчастливую мою учась, сдѣлавшую меня на всегда игралицемъ счастья,

А я въ ешо время пересталъ повѣснговать мои рассказы, по шому что первой часъ ночи объявилъ намъ, что по Ипнову указу не должно было болѣе не дремлючи сидѣть; и шакъ пошелъ я къ своей постелѣ,

ГЛАВА XIX.

ВЕЧЕРЬ 9.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Пришедши домой, продолжалъ Славуронъ, бросился я въ постелю; но

не для вкушенія сладкаго сна, а чтобъ опдаться волѣ моихъ мыслей, копорыя всеминутно накладывали на меня крѣпчайшія любви оковы. Наконецъ по долгомъ размыслени покрылъ меня Морфей своими крыльями; и едва я заснулъ, какъ прелестный призракъ представилъ передъ меня обожаемую мною красавицу. Сердце мое наполнялося восхищеніемъ, я бросился къ ея ногамъ и гововидся изъяснить все мое чувство, какъ вдругъ вскружившійся вихрь похишилъ ее изъ глазъ моихъ. Я заричалъ, и въ самое шо время вошелъ ко мнѣ мой служитель и докладывалъ мнѣ, что незнакомой человекѣ желаніе со мною видѣться. Я его приказалъ впустить; служитель мой его кликнулъ, и незнакомой подалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержанія, кошорое я еще и до сихъ поръ помню:

„Что я шебя любила Славуронъ, онде
 „доказали всѣ шебѣ мои посшупки; но
 „я видѣла, ешьли шолько не обманывалася, что и шы ко мнѣ шо же чув-
 „вшвуешь. Я было опредѣлила скоро
 „уже увѣнчашъ нашу сшраснь, и дока-
 „зала бы шебѣ, что я спою швою.

И 3.

„бышь: я не Авинянка и не жрецова
 „дочь, какъ себя вчера увѣряла, а зиа-
 „шнаго въ здѣшнемъ городѣ господина;
 „но жесшокіе случаи вопрошивились
 „моему желанію. Просни Славуроибъ! я
 „ѣду, судьба лишаешъ меня шьего при-
 „сушешвія и влечешъ въ неизвѣстную
 „миѣ дорогу; но есишли шы меня пря-
 „мо любишь, по будешъ искашь меня
 „и на краю свѣша; Просни! и помни
 „по, что я шебя люблю.

Ахъ! вскричалъ я тогда, ужасной
 громъ не можешъ сильнѣе поразить,
 сколько я былъ пораженъ жесшокимъ
 симъ извѣстіемъ. Теченіе крови моей
 осшановилось, грудь моя спиралася вздо-
 жами, лице обливалось слезами, и я не
 инакимъ споялъ, какъ приговореннымъ
 на казнь. Въ шакомъ плачевномъ буду-
 чи сосшояніи едва черезъ часъ моѣ со-
 бранъ расшоченныя мои мысли, и обо-
 рошвившись къ писмоноосу спрашивалъ
 его, ошкуда онъ ешо письмо получилъ,
 и кшо ему его далъ? Я, ошвѣщешво-
 валъ онъ, имѣлъ нужду бышь сего дня
 рано въ предмѣстїи города; я когда
 исправя оную возвращался въ городъ,
 тогда поравнилась со мною дорожная

кареши, изъ коей закричали возницѣ, чшобѣ онѣ останоуился, а послѣ и меня приклинали къ карешѣ; въ оной сидѣли двѣ женщины, одна изъ нихъ въ самомѣ цвѣшѣ молодосши; а другая уже въ довольныхъ лѣшахѣ, кошорая спрашивала меня, знаю ли я шебѣ? Я ей ошвѣщсшвовалѣ, что хошя шебѣ никогда не бывалѣ знакомѣ, шолько по славъѣ имени шшого о шебѣ извѣсшенѣ. Тогда старая женщина говорила мнѣ, что шы ея племянникѣ, и просила меня ошданы шебѣ это письмо и извинишы ес, что она безъ прощенія сѣ шобою разсшаенся, по шому что ешого ей сдѣланы не можно; да и подлинно не лза ей было никакѣ изъ карешы ошлучишыся, продолжалѣ рѣчь свою незнакомецѣ, по шому что окружали оную шесшь вооруженныхъ конниковѣ, кошорые и меня на силу допусшили къ карешѣ, и сѣ великой прозьбой и слезами старой женщины ошпусшили меня сѣ письмомѣ къ шебѣ. Вошѣ вся моя исшсршя, примолвилѣ письмошсецѣ, и поклонясь пошелѣ онѣ меня.

Я оспался неподвиженѣ, разумѣ мой меня оспавилѣ и разсужденія мои

опѣ меня удалились, лишиться живота въ то время починалъ я небеснымъ даромъ; но мнѣ уже и предсказывалось, что смерть моя ко мнѣ приближается и возносишь оспрую свою косу, чтобы сѣчь меня и свергнушь въ мрачное Пиево жилище. На послѣдокъ вышелъ я изъ моего заблужденія, но чтобы опдаться въ жесточайшую печаль; потомъ въ опчаяніи моемъ предпріялъ я ѣхать и искать ее по всему свѣту. Приказалъ пошчасъ осѣдлать себѣ коня, и не разсуждая ни о пригошовленіи къ пупи, ни о снабдѣваніи себя нужнымъ, сѣлъ и поѣхалъ не зная самъ куда. Смясеніе мое повсюду за мною слѣдовало, и не оставило бы меня долго, есшьлибѣ щумъ, сдѣлавшійся подлѣ меня, не разогналъ его. Я поднялъ глаза и увидѣлъ себя окруженнымъ вооруженными людьми, кони не медля ни мало схватили меня съ моей лошади, посадили въ пригошовленную коляску, завязали въ ней мѣ глаза, и потомъ повезли меня; причемъ запрещали кричать и рваться, есшьли не хочешь бышь умерщвленъ. Сколько жизнь моя была ни несносна, однакожъ не хотѣлъ я лишиться ее

отъ рукъ моихъ похитителей; и такъ къхалъ ни мало имъ не проши-
вась.

Попомъ привезли меня въ шемни-
цу, копорая показала мнѣ ужаснѣе и
самой смерти, и шуиъ заключили. Я
препроводилъ всю ночь въ великомъ
ужасѣ, и не зналъ что мнѣ начашъ въ
моей помощи. По ушру вошелъ ко мнѣ
начальникъ спражи шемничной и объ-
явилъ, что приказано содержать меня
шуиъ наиспрожайшимъ образомъ. Я
спрашивалъ его, въ чемъ я просунил-
ся, и за что долженъ шерпѣшь такое
казаніе? Но онъ мнѣ на то ошвѣш.
сшвовалъ незнаніемъ, прибавляя къ шо-
му, что онъ шолько шо вѣдѣиъ, что
я обвиненъ, и что казнь совершилась
надо мною черезъ шри дни. Сказавъ сіе
вышелъ онъ воиъ я ошавлялъ меня у-
шонашъ въ моемъ ошчаянн. Тогда го-
ресшь моя оиъ часу прибавлялася, и
незвѣсшная судьбина шерзала мое серд-
це наилошѣйшимъ образомъ. Я ошдался
совсѣмъ сшвѣдающей меня шоскъ, и по-
ложилъ шеробко лишиться шревожной мо-
ей жизни, нежели ожидать на свѣшѣ
по всякой часъ новаго сшраданія.

Мало спусня попомбъ услышалъ я стукъ у дверей моей шемницы, я оглянулся къ нимъ, ожидая кпо войдешъ; но какой ужасъ поразилъ мое сердце, когда узналъ я въ вошедшей ко мнѣ женщицѣ Веспону, наперсницу моей любезной! Я почини помертвѣлъ, и не зналъ что подумашъ: она была окружена сшражею; печальное ея лице не предвѣщало мнѣ ничего добраго; въ смященіи моемъ не могъ я ничего ей выговорить. Наконецъ она поглядѣвъ на меня глазами избясняющими ошчаяніе и сшрахъ: увы! возопила попомбъ, несчастной Славуронъ! шакъ и шебя никакъ судьба на шо же осудила, на что и невинную Филомену. Какъ! перервалъ я скоропосѣбно ея слова, не уже ли и Филомена содержишя въ сихъ ужасныхъ мѣсахъ? Ишъ, продолжала Веспона; она уже въ царспвѣ мершвыхъ. При сихъ словахъ разумъ меня ошавилъ, и я уже не помнилъ, гдѣ я находился, жеспоккой обморокъ лишилъ меня всѣхъ чувствъ.

Спусня нѣсколько времени я очуспвовался, раскрылъ упомяленные мои адаза и увидѣлъ Веспону и сшражу ея

спрашающихся мнѣ помочь. Оставивше
вашъ шрудъ, говорилъ я имъ ослаб-
шимъ голосомъ, смерть въ семъ случаѣ
для меня не ужаса, я ее почишаю не-
беснымъ даромъ. Увы! на что мнѣ
жизнь лишенному Филомены? Она одна
ее удерживала; а теперь болѣе она
ни къ чему не служилъ, какъ только
къ шерзанію моего сѣрдца и къ преда-
нію шѣла моего на казнь несправеднаго
суда. При сихъ словахъ слабость моя
опяшь ко мнѣ возвратилась, и я при-
шелъ въ прежнее безпамятство; но по-
печеніе Весшонно скоро меня опяшь
опъ шого избавило. Успокойся, говори-
ла оца мнѣ, теперь не время шевъ ош-
чаяваться, а надобно шшараться о изба-
вленіи себя опъ грозящей смерти; по-
шомъ она дала знанъ шшражѣ, чтошбъ
она удалилась, что она и учинила.

Тогда Весшона уменьшая свой го-
лосъ говорила мнѣ шакъ: ешшльбъ я
не спрашала о швоей жизни, почи-
шая шевъ за высокя шшон досшоннш-
ва, и не боялась бы шакже и себя по-
губишь; шакъ на что бы мнѣ и при-
ходишь сюда о шомъ шевъ увѣдомишь;
но прежде всего хочу шевъ увѣдомишь

о несчастіи нашемъ. Ты ужъ вѣдаешь, что Филомена не Аѳинянка, а дочь знатнаго Вельможи сего города; но несчастіе не переснаенѣ за людьми гнашься и при великихъ ихъ санахъ. Онецѣ швоей любовницы имѣлъ у себя давнишняго непріятеля, которой завсегда старался его погубить. Оное ему шрешьяго дни и удалось: онѣ оклеветалѣ прошивника своего Кестрю, у котораго онѣ вѣ великой милосши. И шакѣ вчерашняго дня приказано надѣ нимѣ свершить казнь и умершвить ядомѣ его дочь и всѣхъ домашнихъ; а шебя взяли подѣ караулѣ, какѣ ихъ сообщника: ибо злодѣй нашѣ ищениѣ всѣхъ шѣхъ погубить, которые хощѣ чунѣ ему покажутся подозрительны. Я бы и сама уже давно была вѣ царствѣ Плушиновомѣ, еснѣ либѣ не удержалѣ жизни моей до сихъ порѣ случай; о которомѣ я шебя шенерь же увѣдомляю.

Когда вчера насѣ повезли на казнь, тогда кѣ окружающему насѣ караулу прискакалѣ человекѣ, которой пошепшавѣ нѣчто начальнику нашей спраши опять уѣхалѣ. Начальникѣ не медля ни мало всѣлѣ мнѣ вышши изѣ каре-

ты, и посадя меня въ другую, кошорую велѣлъ тотчасъ сыскать, приказалъ меня везти въ сіи шемницы, въ конхѣ я до вечера находилася никого не видя. Подъ вечерѣ пришелъ ко мнѣ объявленной начальникъ спражи, и приказалъ мнѣ изъ шемницы за собою слѣдовать. Выведши меня на дворѣ, приказалъ подвезти карешу, въ кошорую сѣвши со мною приказалъ ѣхать въ назначенное имъ мѣсто.

Такимъ образомъ прѣехали мы въ городъ и остановились передъ самымъ великолѣпнымъ домомъ. Провожашой мой провелъ меня въ оной черезъ пошатенную лѣвницу, и введши въ пошатенную комнату оставилъ меня одну. Мало спустя пошомъ вошла ко мнѣ дѣвица, кошорая по виду и плашью своему показала мнѣ дочерью знатнаго господина, въ чемъ я и не обманулась. Я поклонилась ей очень низко, и положила ошъ нес ожиданъ прерванія молчанію. На поклонѣ мой ошвѣщивовала она мнѣ своимъ; попомъ сѣвши въ крессла приказала и мнѣ сѣсть. Я ошговоривалась, о днако она меня принудила; по-

шомъ помолчавъ нѣсколько начала она шакъ:

Посшупокъ мой покажешя, можешъ бышь, шебъ сираннымъ, и кшо не любилъ, шовиъ сочи шъ его безразсуднымъ и испощребнымъ, а знающій сильную руку Ершову найдешъ его конечно извиненія досшойнымъ. Я шебъ признаюся, люблю и любовь причиною шво его освобожденія ошъ смерти. Знай, я дочь шего, кшо причиною несчасшя вашего дому: мой ошецъ погубилъ шво его господина, дочь его и всѣхъ сродниковъ и служителей, въ кошоромъ числѣ и шы была бы; ешълибъ я шебя не избавила.

Услышавъ сѣе бросилась я къ ея ногамъ и благодарилъ ее за великодушное ко мнѣ покровительство, а она поднявъ меня продолжала шакъ: Да, Веснона, шы шеперь мнѣ обязана своею жизнью, а я шебъ буду своей, ешъли шы пособишь моему предиряшю: слушай, я люблю Славурона, и полюбила его съ шѣхъ самыхъ поръ, когда покойная швоя госпожа начала его любить. Я знала, чшо и ошъ ее любилъ; и шакъ не надѣясь шогда искоренишь изъ сердца

ца его такой страсти, коя одною смертною изгоняешься, старалась и свою къ нему скрывать и умбръять; но шеперь смерть Филоменина воздвигла се из высочайшую спешень надежды, и ласкаюсь, что помощію швоею могу пользоваться его нбжною любовію, кошоую онб ощущалъ къ моей совмѣстницѣ, и кою шеперь пишашъ ему къ ней бесполезно и поздно.

Окончавъ свою рѣчь она замолчала и ожидала онб меня онвѣща; а я не знала, что ей сказашъ, нечаянное ея онкрытіе смушило меня несказанно; наконецъ, боясь се прогнѣвашъ долгимъ молчаніемъ, онвѣщенствовала ей шакъ: милость швоя, государыня, оказанная мнѣ въ спасеніи моей жизни, столь для меня велика, что я не перешану во весь мой вѣкъ се чувствовашъ и молишь Боговб, чтобъ они наградили шебя за нее шмокрашно. Что же касаешся до Славурона, то я хощя охотно желаю шебѣ услужить, но не знаю, какъ сіе дѣло начашъ: первое шо, что я въ заключеніи, и не могу его сыскашъ - - - Ишнѣ, перехватила она, шы его можешъ завтра же

найши: ибо онъ по приказу моего родителя взявъ и посаженъ въ ту же шемницу, въ конпорой и ны находи- лась; ны можешь къ нему завтра пой- ши и объявишь, что я его люблю, и что спасеніе жизни его зависнѣ онѣ сошвѣшсшвованія его на мою любовь; впрочемъ ни ны, ни онѣ безъ сего не останешь живы. Сказавъ сіе, она ушла и оставила меня въ ужасѣ, же- сшочайшемъ прежняго.

Пошомъ вскорѣ послѣ сего при- шелъ ко мнѣ начальникъ спражи, и онѣзвѣ меня опашь бѣ сію шемницу, подшверждая мнѣ слова госпожи своей; а сего дня по приказанію приведена я къ шебѣ, чшобѣ извѣснншь шебя обо всемъ шомѣ, и получишь на шо онѣ шебя онѣннѣ. Окончавъ свою рѣчь Бесшона замолчала и ожидада онѣ ме- ня онаго.

Предсшавъ ны себѣ, примолвилъ Славуронъ, какво шогда было мое смущеніе? Мысли мои и шакъ уже были усшрашены шемницею, а смерть любезной моей незнакомки почши ли- шила меня разума; но принужденіе ошдашь мое сердце другой, коея ошецѣ

лишилъ меня всего того, что льстило мнѣ на свѣтѣ, показалось опверсшимъ адомъ. Я пришелъ въ ужасное бѣшенство, проклиналъ причинителя общаго нашего несчастія, оплакивалъ смерть мою возлюбленной; негодовалъ на ея совмѣстницу и выговаривалъ съ укоризною Веснонѣ за неврѣность ея къ своей госпожѣ, и за подлую робость къ смерти; пошомъ пригошовлялся великодушно умереть. Веснона съ своей стороны предлагала все способы меня утѣшить и склонить на свое шребованіе, не осмѣивала ни ласкашельсшва, ни слезъ, ни вздоховъ, которыми бы ей шронуть меня было возможно; но ни чѣмъ не могла поколебать меня, и шакъ ушла, угрожая мнѣ скорою смертію. Я осмался одинъ и призывалъ смерть, что бы она меня сама сразила, и лишила бы шѣмъ спыда умереть подъ рукою палача:

Однако въ самое ешо время сонъ штолкнулъ меня въ запылокъ шакъ исправно, что началъ я дремашь; и шакъ сомкнувъ многоглаголивья мои ушна, оставилъ повѣспвоанія мои до другаго дня.

Часть I.

0

ГЛАВА XX.

ВЕЧЕРЬ 10.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

На другой день, когда я лежалъ на моей постели, и исполнялъ голову мою спранными воображеніями о предстоящей моей кончинѣ, отворилась дверь моей шемницы и множесвомъ огней освѣнилось ужасное мое жилище; пономъ вошли чешыре революника одѣшныя въ великолѣпное платье, кошорое несли чешыре золотыя подсвѣшника со множесвомъ свѣчъ; за ними слѣдовали нѣсколько другихъ, кошорые несли пребогатныя золотыя ковры, и оными шончасъ устлали по въ бѣдшвеннаго моего жилища; пономъ принесли покойныя сѣдалища покрышыя бархатомъ, а за ними слѣдовали еще нѣсколько и несли серебряную жаровню, кошорая благоухала разными аромашами, и услышали все оное вездѣ по надлежъцему.

Все ешо прѣугошовленіе показало мнѣ воображеніемъ, кошорое сонъ при-

чиняеиъ намъ въ своихъ обѣщаняхъ. Я думалъ, что это одно только привидѣнiе. Въ сихъ пребывая мысляхъ и не избавясь еще совсѣмъ отъ моего смущенiя, вдругъ увидѣлъ я новое позорище предъставившееся моимъ глазамъ. Прекрасная и великолѣпно одѣтая дѣвица вошла ко мнѣ, въ сопровожденiи нѣсколькихъ женщинъ, увидя меня сдѣлала мнѣ учинивое привѣщанiе и сѣла пономъ въ пригошвленныя кресла; а я съ моей спороны, желая ей отивѣщивованъ, наклонился и упалъ безъ чувствъ на землю. Я не знаю, что отъ со мною тогда дѣлалъ; но когда я очувствовался, то увидѣлъ, что пришедшая госпожа, Веспона и невольники упражнялись въ шомъ чтообъ подашь мнѣ помощь. Увы! государыня моя, возопилъ я вславши помогающей мнѣ госпожѣ, щещенно ны испощеваеиъ попеченiя свои, подавая мнѣ не нужную помощь для спасенiя живота моего. Я не хочу жить болѣе на свѣтѣ: отъ для меня несносенъ и ужасенъ, когда лишился я въ немъ того, что мнѣ болѣе жизни моей дѣшило... По семъ я замолчалъ и пошупилъ глаза мои въ землю извясняющiе глубокое мое сокрушенiе.

Я почитаю свою печаль справедливою, говорила мнѣ нѣсколько помолчавши незнакома гсспожа, она показывалась свое доброе сердце и благодарносшь къ шой, кошорая себя любила спросишо; но шенерь не имѣешь шы нужды вдаваться въ нее сноль много. Досшонешва свои сыскали шебѣ другую обожашельницу, кошорая не уснулаешъ Филоменѣ ни внупренними, ни внѣшними качесшвами. Это я, продолжала, она нѣсколько покраснѣвшись и дѣлая видѣ и голосѣ гораздо нѣжнѣе прежняго; я, кошорая съ усердіемъ хочешъ заснупишь ее мѣшо, сдѣлаешъ тебя владѣшелемъ моего сердца, имѣнїя и досшонешва. Ты уже знаешъ, что я знашнаго ошца дочь, и могу сдѣлаешъ все, что шолько ни захочу, и думаю, что шы мою благосклонносшь не пренебрежешъ, когда найдешъ во мнѣ высочайшее швое счастье; пошомѣ она замолчала и ожидала съ жаждуцими глазами моего виѣнїя.

Я не хочу шебѣ извяснїашъ, продолжалъ Славуронѣ, какими чувствїями наполнялось шогда шревожущееся мое сердце; ошчаяше, кончина моей возлю-

бленной, досадное открытіе, мщеніе за смерть моей любовницы и мое заключеніе разрывали оное на части и воздвигали чувствво мое на всякоѹ бѣдшво. Въ семъ будучи огорченн взглянулъ я на нее весьма презрительно, и сказалъ ей съ гордымъ видомъ, что прелестнн ея не шокмо не въ состояніи привеснн меня въ восхищеніе, но ниже выгнашн нѣз сердца моего огорченіе, а на прощнвъ шого усугубля; а въ мнѣ желаніе скорѣе умерешн, и щѣмъ забавнншнся онѣ зрѣннн гнусныхъ убійцѣ моей любовницы. Но семъ бросился я въ мою постелю и болѣе ничего не ошвѣщшвовалъ на всѣ ихъ ласкашельствн и просьбы. И шакъ окончавъ она безплодно свое предпріятіе, пошла онѣ меня съ великимъ гнѣвомъ, грозя мнѣ скорою смершю и мучншельною казню. Весшона осмавщнся со мною, снгралась еще меня уговарнвшн; но наконецъ ушла болѣе посрамленною, нежели первая. Спусннн нѣсколько времени увидѣлъ я Весшону опншн со мною вмѣстѣ: она бросилась предо мною на колѣнн и проснла меня еще о шомъ со слезамн. Когда шны шнолько швердѣ въ своей

любви, говорила она мнѣ проливая свои слезы, но по крайней мѣрѣ избавь меня невинную отъ мученія; прошу тебя хоть для этого сошлѣщенствованъ на любовь новой швоей благодѣшельницы. Завира конечно намъ умеренъ назначено. Ославъ въ семъ необходимомъ случаѣ на время непоколебимую швою въносилъ къ Филоменѣ; избавь меня отъ смерти: извинилъ поступокъ сей всѣ люди я самая швоя совѣсть. Услышавъ имя моея возлюбленной, сердце мое окаменѣло, прогнало сожалѣнне о Весноцѣ и вложило въ меня безсрашнне высунушнне изъ сего свѣта.

Насунувшную ночь препроводилъ я всю въ превеличайшемъ безнокойшннн; смущенныя мои мысли и безпрешанно шерзашущееся сердце ни на одну минушу не имѣли шндохновенія. Я опишавалъ себя къ смерти, но природное чувствованнне весляло въ меня ужасъ и шрешешаннне; впрочемъ не думалъ я искашнне избавленія измѣною моея возлюбленной. Ужасная и плачевная для меня ночь сцимала уже свой покровъ, и смертопосный день показывалъ свое лице; все покоилось къ своей опрадѣ, однѣ

только мое спраждуемое сердце наполнялось большимъ мученіемъ. На что я ни глядѣлъ, куда ни обращался и что ни воображалъ при близкой моей кончинѣ, мнѣ все казалось мило. Мимондущіе люди, конорыхъ могъ изъ шемницы видѣшь, казались мнѣ родными, и я всякаго облобызалъ мысленно; на конецъ и спрашная моя шемница сдѣлалась мнѣ милымъ обшаніемъ. Я оплакивалъ и то, что долженъ разсшанься шенерь съ нею. Когда я былъ наполненъ такими воображеніями, ошворилась дверь моей шемницы и вошли ко мнѣ ненадобная моя благодѣшельница и прошивная взору моему измѣница Весшона; увидѣвъ ихъ пришелъ я безпамятство и упалъ ошъ превеликаго смашенія на землю. Что онѣ мнѣ говорили и какъ спарались ошань склоняшь меня, шого уже я не чувшвовалъ: онѣ были шунъ ошнь долго, и на конецъ такъ какъ и прежде, безъ всякаго успѣха ошавили меня. Возвративъ ошань слабыя мои чувшва и спусшя малое время, увидѣлъ я передъ собою начальника шемничной спражи, конорый говорилъ мнѣ сквозь слезы, шпобъ я го-

пови́лся къ моей смерти, и что уже часъ шопѣ насупаеиѣ. Услышавъ эио запряслись и подогнулись мои ноги, кровь во мнѣ оспановилась, блѣднось покрыва лице мое; я хошѣлъ говоришь, однако языкъ мой не поворошился. И шакъ возвѣсшишель моей кончины положи́лъ меня безчувственнаго на носшелою.

Пошомѣ, когда я пришелъ нѣсколькo вѣ себя, предсшавъ мнѣ жрецѣ и повелѣлъ, чшобы я сдѣлалъ послѣднее покаише Богу; чшо я не медля и исполнилъ; и когда насшало опредѣленное время, принесли мнѣ бѣлую одежду, вѣ которой обыкновенно водилц осужденныхъ на казнь, и вѣ нее меня одѣли. Когда уже я былъ совѣтѣмъ гошовѣ, шогда Весшона прибѣжавши ко мнѣ, упала къ моимъ ногамъ и просила меня со слезами, чшобы я согласился на ихъ предсшавленше, и чшобы я оспался жишь еще на свѣишѣ; и еще вѣ самое шожее время принесѣ невольникѣ мнѣ письмо оиѣ шовой моей благодѣшельницы. Я взялъ его шрепещущими руками, и сколько ни слабѣ былъ вѣ моемъ рассушдениѣ, однако прочишалъ

его: оно было слѣдующаго содержанія, а и теперь еще его помню. Когда уже души не жалѣешь себя, то по крайней мѣрѣ, прошу тебя, пожалѣй эту невзвѣстную, которая теперь шарахается своею смертію. Я чувствую мучение въ моемъ сердцѣ, и можетъ быть сама умру вмѣстѣ съ тобою. Прочитавъ его взглянулъ я на начальника шенницы и сказалъ ему ошчаяннымъ голосомъ: Ну! - - - уже ли время вести меня на казнь? При семъ словѣ приказавъ онъ воинамъ окружить меня; и шакъ повели изъ шенницы, и выведши изъ оной посадили въ укороченную карету, и закрывши всею шекла повезли въ неизвѣстную мнѣ дорогу.

Наконецъ оставъ очень долго остановился карета, расшворили у оной двери и просили меня съ великимъ подобостраштемъ, чинобы я изъ нее вышелъ. Какъ только я вышелъ, начальникъ спражи и другой подобной ему господниъ взяли меня подъ руки и повели на великолѣнное крыльцо. Ты меня извинишь, примолвилъ Славуронъ, что я смѣненно еще буду тебѣ рассказывать, по тому что я въ то время

почти самъ себя не чувствовалъ. Накрывающіе сиюло множество господъ и вслрвщали меня какъ большого и надобнаго человека ; пономъ сдѣлавъ мнѣ съ нѣкошорымъ подобоспращеніемъ дружеское привѣщеніе повели въ покои , конорые убраны были весьма великолѣпно, и у конорыхъ все двери расворены были наверхъ. Когда я черезъ оныя шелъ провожда мѣ вслрвщеними мени господами , вевольники передо мною открывали сиювщія по сиюронамъ жаровни, конорыя благоухали разными аромашами ; впереди увидѣвъ я пребольшую залу и сшолъ накрышой на множество особъ весьма великолѣной, какъ надобно бы бышь Царскому браку. Перешедъ все покои, какъ шолько я перешунидъ черезъ пороги въ украшенную разными и рѣдкими сокровищами шое залу , шо вдругъ огромная музыка. - - -

При семъ словѣ я заненулся; сокъ дернулъ меня за языкъ и зжалъ мои губы. Тушъ надобно рассказывать хорошенько, а мнѣ захопѣлось спать ; и шакъ оставилъ я описаніе сшого великолѣпія до другаго чечера.

Иной можетъ быть нешерпѣливой
охотникъ слушать скаски вознегодуетъ
на ено, что повѣсть перервана на
шаконѣ мѣстѣ. Расказчикъ говоритъ,
что сонъ шому виною; а сонъ глаго-
летъ, сочинитель шому причина;
а сочинитель высокою своею осо-
бою невольнѣ предлагашъ, что раска-
щикъ виновашъ. Однако не въ прехъ не въ
этихъ конторое нибудь да правда; впро-
чемъ сочинитель окончавъ первую часть
задохнѣвъ нѣсколько успокоившя, чпобъ
приняшя ему за вторую съ свѣжими
мыслями.

ТОЛЬКО ВЪ ЭТОЙ ЧАСТИ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ ,

ИЛИ -

СЛАВЕНСКІЯ
СКАЗКИ.

ЧАСТЬ II.

изданіе третіе съ поправленіемъ.

МОСКВА.

Въ типографіи Пономарева,

1789.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ГЛАВА I.

ВЕЧЕРЪ II.

*Продолженіе Славуроновыхъ при-
ключеній.*

Я остановился на словѣ музыка...
перервала мое испуленіе; мы-
сли мои начали касаться насцо-
вѣющему пуши; окаменевное сер-
дце начало смягчаться; и нѣкоторое по-
бужденіе приводило его въ радость; пред-

Часть II.

А

шесшвующая глазамъ моимъ смерть
 скрылась ошъ моего взора . Въ семъ ве-
 ликолѣпномъ залѣ собраніе было не-
 большое, и показалось мнѣ прѣшельскою
 бесѣдою; всякой подходилъ и поздравлялъ
 меня съ полученіемъ ошъ Кесаря милос-
 ши, чему я весьма удивлялся, и не зналъ,
 чшо ошвѣчанъ на ихъ привѣщенія . По-
 шомъ , когда уже всеъ поздравили, началь-
 никъ шемничной сиражи просилъ , чшо-
 бы я за нимъ послѣдовалъ . Мы пришли
 въ богашоубранную спальню , гдѣ изгошов-
 лено было для меня множешво велико-
 лѣпнаго плашья; ошъ сирашивалъ , кошо-
 рое я хочу шеперь надѣнъ , они всеъ къ
 моимъ услугамъ . Преше всего просилъ я
 его разсказанъ мое превращеніе, кошо-
 рое въ явѣ смущало мои мысли . Государь
 мой ! ошвѣчалъ ошъ мнѣ , шы скоро все
 узнаешъ ; первой министръ шеперь въ
 швоемъ домѣ , кошо-рой уведомилъ шебя
 обо всемъ . Услышавъ ошъ него, чшо это
 мой домъ, не зналъ я, чшо ему ошвѣчанъ .
 Приключеніе это зашворило мои усна ,
 и я положилъ молчанъ до времени; уди-
 вленіе разсѣявало мой разумъ , и мнѣ
 предшвлялось , чшо безпокойной сошъ
 тревожилъ мою природу .

Сняли съ меня шо плащье , въ ко-
ромъ долженъ былъ я появиться въ Плу-
тоново владѣнїе, и нарядили въ богашое,
кошорое предзнаменовало, что жизнь моя
опяшь возвращается. Когда же изумленїе
начало опешупать онѣ меня понемногу ,
шогда нѣсколько ободрясь, вышелъ я опяшь
въ залу ; въ оной приняли меня еще съ
большимъ почтенїемъ, и сѣли мы всѣ за
столъ. Минисиръ сѣдѣлъ начальной осо-
бою, а я по правую у него руку . Прочїе
сѣдѣли по должностнѣамъ. Всѣхъ, сколько
шунѣ ни было, сердца и лица наполне-
ны были радоснїю ; очень мало продол-
жался между нами молчанїе. Минисиръ
началъ мнѣ говорить такимъ образомъ,
что слушали и всѣ: Приишель мой Славу-
ронъ ! желаю, чтообъ шы не счелъ слова
мое деснїю обыкновенною всѣмъ при-
дворнымъ людямъ, кошорыхъ увѣренїя
не согласуются съ сердцемъ ; мое при-
знанїе истинно и ненорочно , я хочу
объяснить о тебѣ мое мнѣнїе ; знаю
опяшь и шо , что хвалишь персонально ,
знакъ посмѣянїя или нечувствительна
язвинельной десни ; но шо должно бышь
изъ уснѣ развращааго человека ; а мое
сердце и языкъ къ шому не обывли.

Безпримѣрная швоя добродѣпель и по-
сипупки, о кошорыхъ извѣсненъ я и
весь городъ, шолкое произвели во мнѣ
почтеніе, что я починаю себя шудоб-
нымъ сдѣлашь шевъ за нихъ воздаяніе.
Я здѣсь первой минисиръ и сенапоръ;
слѣдшвенно должностъ моя увѣдом-
ляшься о разумныхъ и добродѣпельныхъ
людяхъ, предшашельсшвовашъ о нихъ
Кесарю, и возводилъ на приличную имъ
шшенень. Я сдѣлалъ шю и съ шобою;
шолько не знаю, не покажешель шевъ
ше ненадобнымъ. Ты здѣсь чужесира-
нецъ; кошя мы и живемъ шеперь въ
несогласіи со Славянами, одичко съ
шобою посшупилъ мы не намѣрены шакъ,
какъ съ невольникомъ, въ доказашель-
сшво чего предшазвалю я ешо: Онъ вы-
нялъ изъ кармана бумагу, подалъ ее
своему секретарю, и приказалъ ему
чинашъ. Ешо былъ имяной указъ слѣ-
дующаго содержанія:

„ Милосшїю и произволентемъ бо-
„ говъ, мы, Кесарь, обладашель Грещи-
„ ею, и повелашель многія окрешшныя
„ земли и неисчешныхъ оспрововъ, усмо-
„ шря ошмѣнную и безпорочную жизнь

„ иноплеменника Славурока , жалуемъ
 „ въ наши шѣлохраниишии Сопникомъ.
 „ Царское слово ненарушимо , и пребу-
 „ дейшъ вѣчно достоинъ и почтенъ Сла-
 „ вурошъ ошъ моихъ подданныхъ. По-
 „ велѣваю Кесарь Ал.

Какъ скоро окончалъ Секретарь ,
 Министръ взялъ у него указъ , и опдалъ
 мнѣ ; пошомъ всѣ начала мѣся поздрав-
 ляшь ; и шущъ я узналъ дѣйствитель-
 но , что жизнь моя перемѣнилась. На-
 полнившись великою радостію , бросилъ
 ся я къ ногамъ сенатора и благодарилъ
 его , сколько восхищенныя мысли поз-
 водили моему языку. Пошомъ началось
 пированіе , котораго я здѣсь обѣясняшь
 не буду ; возьми въ примѣръ веселыхъ
 и нѣсколько упившихся людей , но лю-
 дей благородныхъ и пріятелей , шо они
 будущъ примѣромъ и чей бесѣдѣ. Во все
 ещо время слушалъ я новыя ошъ минис-
 тра обѣщанія. Когда же настало время
 уснокоинишь , шогда сенаторъ и всѣ съ
 нимъ бывшше изъ дому моего уѣхали , и
 я ошадся въ ономъ съ моими служиве-
 лями , которые мнѣ опредѣлены были
 не знаю ошъ кого , и служили мнѣ съ
 великимъ усердіемъ.

Когда я былъ при смерти, то и тогда не выходила изъ памяти моеѣ Филомена. Проснувшись по утру, разсуждалъ я о сенаторѣ, и очень много погрѣшилъ моимъ мнѣніемъ пропавъ его добродѣтели; я думалъ, что онъ щонъ, которой истребилъ отца ея, и по прозвѣ своей дочери сдѣлалъ меня счастливымъ. Когда я разсуждалъ о семъ, то прислалъ министръ за мною, чтобы я поѣхалъ съ нимъ во дворецъ. Одѣвшись очень поспѣшно, пошелъ къ нему, и поѣхали мы въ царской домъ. Кесарь принялъ меня весьма благосклонно и поздравилъ самъ въ новомъ моемъ чинѣ. Приглашенъ я былъ къ столу Кесареву, и въ немногихъ особахъ обѣдалъ съ нимъ вмѣстѣ. Во время нашего обѣда Государь не говорилъ ни съ кѣмъ больше, какъ со мною; я ему поправился сколько много, что приказалъ онъ мнѣ жить во дворцѣ. Очень въ короткое время сдѣлался я у него въ великой милости, и получилъ высокую степень. Когда Государь наименовалъ меня своимъ другомъ, тогда я сдѣланъ былъ военачальникомъ, и имѣлъ сколько счастья въ семъ случаѣ, что любимцы

государевы, копорые были прежде меня и послѣ, не имѣли такого успѣха. Впрочемъ при всемъ моемъ благополучи, сердце мое не находило прямого увеселенія, сшрадая о кончинѣ моей любовницы. Въ одно время, желая о шомъ дѣйствитель-но выспросить, позвалъ я секретаря моего въ кабинетъ, и шребовалъ онъ него чшобы онъ разсказалъ мнѣ сверженіе любимца царскаго перваго министра; но онъ отвѣчалъ мнѣ: Государь! сколько я помнишь могу, и сколько слышалъ и знаю всѣхъ министровъ, шовъ Конспан-тинополъ шакое приключенія не быва-ло. Такъ ешо неправда, вскричалъ я съ восхищеніемъ? министры всѣ здравст-вующи, и ни съ однимъ никакого несчас-шя не было? Справедливо, отвѣчалъ мнѣ секретарь. Тушъ мысли мои со-всѣмъ перемѣнились и ошчаянная любовь встрѣшилась съ великою надеждою. Съ шпихъ поръ я сшалъ больше задумчивъ, безпокоенъ; ничшо уже не могло увесе-лить меня, и я сшарался бышь всегда уединеннымъ. Нѣкогда прохаживаясь въ придворномъ саду, встрѣшился я съ однимъ человекомъ, кошорой подалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержанія:

А 4

„ Несчастливая Филомена благополучно
„ пому Славурону желаетъ здравія.

„ Я нахожусь теперь въ семь горо-
„ дѣ , и просила бы тебя , чтобы ты
„ меня посетилъ , ежели еще осязаетъ
„ швоей ко мнѣ любви шебѣ оное доз-
„ воленіе ; но бѣдное мое состояніе и
„ порочная жизнь принуждаютъ меня ,
„ чтобы я смыдилась моего нещасли-
„ вца. Проси изъ вѣки.

Какъ скоро я взглянулъ въ письмо,
и увидѣлъ имя Филомены , бросился
облобызать подавшаго письма , равно
какъ будто бы ту , которая его пи-
сала. Прочитавъ его послѣднюю , просилъ
я съ нешерпѣніемъ служить , чтобы
онъ проводилъ меня къ ней. Служившій
извинялся передо мною , и представялъ,
что мнѣ въ шонѣ домъ войти не мож-
но безъ поврежденія моей чести ; ибо ,
говорилъ онъ , живецъ она въ вольномъ
домѣ. Я всюду слѣдую моему спросу ,
и ничего не боюсь , говорилъ я ему :
проводи меня.

Ночь уже была въ полной силѣ , и
такъ началъ я дремать , какъ и всѣ
покойные граждане , и перескалъ раз-
сказывашь.

ГЛАВА II.

ВЕЧЕРЬ 12.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Привелъ онъ меня въ самое бѣдное и послѣднее жилище, которое опредѣлено было для сраму и безчестія. Какъ только я вошелъ въ него, то кровь моя замерзла; бѣдность и нечестіе моея любовницы предспавилась мнѣ во всей своей славѣ. Пономѣ сѣдѣ я въ размысленіи, и приказалъ привести ее къ себѣ; но посланной объявилъ, что она показашься мнѣ не хочешъ, причиною чему стыдъ ея и раскаяніе: однако по долгомъ сопрошивденіи вошла она ко мнѣ. Премилосердые боги! въ какомъ состояніи я ее увидѣлъ? плашье ея состояло изъ шершанатаго и худаго рубища. вмѣсто шота, чшобъ мнѣ обрадовашься, облился я слезами, и сколько возможно, оплакивалъ ея состояніе; пономѣ освободясь нѣсколько оиѣ великой моея горести, началъ увѣрять ее неиспреленною мсею любовію. Бѣдность швоя продолжалась,

говорила я ей, по этому часу; естля еще осмались въ тебѣ хоня малые знаки ко мнѣ горячности, но забудь ее, и будь со мною вмѣстѣ благополучна; османы это жилище и перейди въ другое, которое я тебѣ назначу. Ты несчастлива шѣмъ, что жила въ такомъ соотношеніи; а я еще болѣе себя несчастливѣ, что имѣю злополучной случай видѣшь тебя въ ономъ. Никакъ, говорила она, я недостойна того; я не для того желала тебя видѣшь, чтобы ты вознамѣрился переменить мое соотношеніе; жизнь моя порочна, и исправленія швои шеперь уже негодяща, а желала я видѣшь тебя для того, чтобы предшаваясь въ такомъ нешшовомъ соотношеніи, омерзѣшь предъ шобою и испребишь слабые осмашки швоей ко мнѣ любви. Ты не шрайся исправлять меня; я опредѣлила себя безчестію, что можешь и тебѣ приключиться то же. Я все забываю, говорила я ей, и желаю видѣшь тебя со мною. Я никакъ на то не соглашусь, и не шрайся, сказала она.

Ты повѣришь не можешь Силославъ, сколько шшондо мнѣ уговоришь ее. На-

конецъ я сказалъ , что все презираю , и желаю бытъ съ нею вмѣстѣ. Выслушавъ сѣе , бросилась она лобызаять меня , и въ великомъ восхищеніи говорила : теперь терзніе и сомнѣніе мое кончилось , возлюбленной Славуронъ ! я сколько досшойна бытъ нивою , сколько тыми мнѣ вѣренъ. Я приношу тебѣ въ даръ сердце наполненное непорочносцію ; я вѣрна тебѣ и ничто не можетъ притесни меня на другія мысли. Не сожалѣй о моей бѣдности ; я сколько богата , что можно только вообразить , а не имѣть. Я въ семь домѣ не за тѣмъ , чтобъ подражать въ немъ живущимъ , а предпріяла еще испытать себя ; ты вѣренъ мнѣ , того я и желаю. Боги для меня милосивы , и я получаю тебѣ такого , котораго осмивала на время для извѣдованія : однако я расскажу обо всемъ просиранно у себя въ домѣ ; подожди нѣсколько меня ; я переодѣнусь въ свое и приличное роду моему платье. Пономъ она осмивила меня , и скорѣ пришла одѣшою великолѣпно ; и шакъ сѣди мы въ карещу , и приѣхали на дворъ перваго того министра , котораго спараніемъ и милосцію получилъ я сѣе до-

сипонство. Вотъ домъ моего отца, говорила она мнѣ, когда мы вѣзжали въ ворота. Сколько я этому дивился, мнѣ важнѣе и безъ описанія всякому вообразишь возможно. Пономъ вошли мы на крыльцо и въ покой; въ то время хозяйна не было дома, а встрѣтила насъ ея родная сестра и Веспина. Сестра ея была ша дѣвица, которая приходила ко мнѣ въ шемницу искашь моей склонности. Непонятное приключеніе! я желалъ съ нешерпѣливостію о семъ уведомиться; однако просили меня, чибобъ я нѣсколько пошерпѣлъ, а пономъ желаніе мое будешъ удовольствовано. Ожидая ихъ родншеля, препроводили мы время во взаимныхъ привѣщенствіяхъ, и сіе свиданіе сколько приключило мнѣ радости, что я починалъ благополучіе мое безпримѣрнымъ; восхищеніе и надежда овладѣли моимъ сердцемъ, и наполнили желаніемъ.

Когда насталъ вечеръ и время подходило уже къ ужину, тогда объявили намъ, что хозяйнѣ съ Государемъ дожидается насъ въ своихъ покояхъ; мы не жедля пошли всѣ шре къ нему. Какъ

скоро вошли въ эту комнату, гдѣ они находились, но Кесарь взглянувъ на меня съ великимъ воспоргомъ, говорилъ мнѣ: другъ мой Славуронъ! себя я вижу въ семь домъ; конечно благополучной эпошъ день хочешъ увеличашъ твою добродѣпель. Скажи мнѣ, сколько ты теперь веселъ? Благополучіе твое совершается; я зналъ всю вашу шайну, и починаю те нѣкошорымъ провидѣніемъ боговъ, тебя счастливымъ, а Филомену благополучною; ты долженъ теперь оспавишь все твоей безпокойшею; прямое счастье тебя находишь; будь веселъ и раздѣли радость твою со мною. Послѣ сихъ словъ благодарилъ я его ошъ всей моей искренности. Пошомъ пошли мы за столъ, за которымъ ужинали все пріятель, все друзья, и шакъ какъ будто бы родились изъ одной утробы. Я никогда не видывалъ столько веселымъ Госудра, какъ въ это время; онъ, какъ мнѣ казалось, забавлялся и шѣмъ, чшобы въ другое время могло привесити его нагиѣвъ, чего однако шунъ не было. Въ половинѣ нашей ужины, или къ оканчанію оной, говорилъ онъ мнѣ: Славуронъ! мнѣ кажется, ты не имѣешь при-

чины сомнѣваться въ моей къ тебѣ искренности ; я тебѣ другъ , но другъ еще такой , которой , не смотря на свой высшей санъ , починаюсь меньшимъ передъ тобою ; я нищу никакой дружбы , много разъ спарался доказать тебѣ мою признанъ , но не имѣлъ еще такого случая , которой бы открылъ тебѣ мое сердце ; непереносимое приключеніе довольно и предовольно къ тому. Пошомъ , оборонясь къ Неону (такъ назывался первой миниспръ) и къ Филоменѣ , съ позволенія вашего , говорилъ онъ имъ , начну я сказывать приключенія ваши и мои. Неонъ вснавъ со слула , говорилъ великій Государь ! ежели ты принимаешь на себя эношъ шрудъ , то мы не только что на се согласаемся , но и съ превеликою радостію слушаешь будемъ. Мой другъ Славуронъ ! оборонясь ко мнѣ продолжалъ Государь , ни одинъ человекъ врожденныхъ въ насъ спрасшей удержанъ не можешь , и долженъ имъ слѣдовать ; я люблю Филомену , и можешь бышь равно какъ и ты ея плѣнился : но судьба и са сердце прошиваешь моему желанію. Я прилагаю всѣ спаранія , какія только предшавила глазамъ моимъ спрасшая любовь ; но

но всё они были безъ успѣха. Чѣмъ больше я старался склонять ее, тѣмъ больше чувствовала она ко мнѣ ошвращеніе. Признаюсь, что я сколько былъ слабъ въ моей старости, что ни въ одну минушу не могъ успокоиться; старое мое сердце не позволяло никогда имѣть мыслямъ моимъ другаго воображенія, какъ только обинала въ нихъ Филомена. Наконецъ по долгомъ мученіи, и когда уже начало разсужденіе колебанъ мою любовь, тогда предпріялъ я извѣститься ошъ Филомены, кому она опдала свое сердце. Она мнѣ объявила, что обладаенъ имъ чужезстранецъ Славуронъ. Въ то время безразсудная любовь совѣтовала мнѣ величаться моимъ саномъ; я предсказывалъ ей, что я Государь, а ты человекъ бѣдной: но послѣ увидѣлъ, что въ старости этой пышное имя Царь сколькоже велико, сколько и просной гражданинъ. Она не скрывала уже ошъ меня ничего, и уведомила меня, что происходило у васъ въ увеселишельномъ домѣ, какъ она воздержала себя ошъ своего ошчаянія, какимъ образомъ съ шобою разсталась, и что уже ты находишься теперь въ шемницѣ. Съ

сихъ поръ сдѣлаался я участникомъ вашей тайны, и предпріялъ осудить тебя на смерть, чтобы шѣмъ поколебать швою вѣрность къ Филоменѣ, и послѣ получиши ея сердце. Въ сей для тебя крайности просилъ я ея сестру, чтобы она искушала тебя. Все было произведено въ дѣйствио, и шло изряднымъ порядкомъ, но въ прочемъ не имѣло никакого успѣха. Ты ошвѣчалъ съ презрѣниемъ на любовь новой швоей благодѣтельницы, клялся вѣрностью къ Филоменѣ, не смотря на то, что объявляли тебѣ, что она уже мертва; ты хотѣлъ принести ей и въ царство мертвыхъ вѣрное сердце, шелъ безъ робости на смерть, и еще желалъ скорѣе, нежели тебѣ назначено было. Все это мучило меня несказанно; самолюбіе мое и санъ мой совѣщовали мнѣ умершвить тебя тайно; я признаюсь въ моей слабости: но воля боговъ и врожденное во мнѣ сожалѣніе преодолѣли такое варварство. Потребно мнѣ было укрѣпляться, чтобы не опорочить себя; началъ наполняться я великодушіемъ; хотя и былъ къ тому неудобенъ. Силы меня покидали: однако казался я бодръ и спо-

конецъ , и нынѣ столько превозмогъ себя , что желаю совокупить васъ бракомъ , чѣмъ докажу Славуронъ , что я шебъ другъ. Несиъ на это согласенъ , и мы уже съ нимъ условились.

Послѣ сихъ словъ я и Филомена бросилась къ ногамъ Кесаря и Неона , благодарил ихъ , ожидая своего благополучія. Въ одинъ часъ все было распложено , и назначенъ день , въ которой предстанемъ намъ въ храмъ. Всѣ наконецъ разѣхались , а я выпросилъ позволеніе какъ у Государя , такъ и у Неона , османись еще нѣсколько шумѣ , чтобъ болѣе насладишься мнѣ онѣ Филомены желаннымъ извѣстіемъ : шакже и она не меньшее имѣла желаніе уведомить меня обо всемъ. И шакъ когда османись мы двое , шо говорила она мнѣ слѣдующее : Теперь я столько въ шебъ увѣрена , что увѣриться болѣе не можно , и съ охотою отдаюсь во власть швою ; мнѣ казалось весьма страшно повѣрить себя мушннѣ , видая , сколько нѣкошорые изъ васъ вѣтренны и непосоянны. Они предпринимаютъ все очень скоро , но еще скорѣе того отстаютъ онѣ своего предпріятія , а ты не изъ

Часть II

Б

шого числа, я шебѣ вѣрю. При первомъ свиданіи предпріяла я извѣданыя вѣренія ли шы. И шакѣ выдумала эни хипросы, сказаныя шебѣ другимъ именемъ, и послѣ объявиль несчастію моему ошцу подѣ прямымъ моимъ именемъ чшобѣ вѣрояныѣ шебѣ показало. Послѣ, когда уже шы былѣ вѣ шемниці осужденѣ на смершь, и не колебался в швоей вѣрности, тогда я шоржесшвовала надѣ всеми, конорымъ мушныи измѣняющѣ. Послѣ шого прозьбою моею родишель мой принялъ о шебѣ швараныя, и возвелѣ шебя на высокую шнепени Тушѣ еще шпрасшное мое сердце шом не вѣрило. Я думала, чшо шакѣ великое дошшонисшво и богашисшво можеш испребишь меня изѣ швоей памани, шакѣ предпріяла я приняшь на себя не прилично имя и бѣдноє плашьє, и шѣм шебя извѣданыя, не возгордишя ли шы передо мною. Однако милосштію боговѣ и больше шнисходительной Афродисшы все по моему желанію сдѣлалось. Ну шеперь уже довольно мы говорили о прошедшей нашей жизни, шшанемѣ помышляшь о будущемъ. И шакѣ разсуждали мы о наступающей нашей жизни прилично шпрасшнымъ любовникамъ, разше

давали ее по нашему желанію , или лучше , играли веселыми воображеніями , и наконецъ разошались.

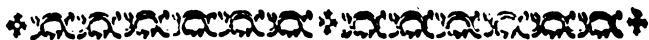
Ночіи и Государь какъ возможно спѣшили, чинящъ сочешанье насъ бракомъ, и для того всякой день были съ нами вмѣстѣ , и дѣлали приугошвленіе ; наконецъ насталъ шестой день , и мы пошли (*) въ храмъ съ великою и шоржесивенною церемонією. Свадьба наша не меньше была царской. Сколько радовался Государь , но вдвое еще его подданные ; ибо имѣлъ я счастье , получа великое достоинство, поправившись народу. Когда окончилась брачные обряды , по первосвященникъ Вечерній въ присутствіи всего народа прорекъ мнѣ созволеніе боговъ , что въ день моего брака зачнешя у меня сынъ. Услышавъ сіе , упалъ я на землю передъ богинею , благодарилъ ее и просилъ оиѣ сокрушеннаго сердца , чинящъ послѣ шакъ, великаго моего благополучія не прешрѣшь бы мнѣ какой бѣды. Сердце мое мнѣ предвѣщало,

Б 2

(*) Славенской идолопоклоннической законъ позволялъ имъ входить въ чужіе храмы , и приносить всякую жертву , лишь бы потѣху имѣлъ приличную жерпѣ должность.

однако радоснѣ заимѣвала его предвѣщаніе. По окончаніи всего въ брачныхъ одеждахъ и въ вѣнкахъ повели насъ въ царскіе покои, гдѣ все шоржесиво совершалось. Оно продолжалось не менѣе, какъ цѣлой мѣсяцъ, въ которое время не только цно дворъ праздновалъ, но и весь городъ находился въ неописанномъ увеселеніи; а въ какомъ я былъ восторгѣ, шо и въ самое время извѣстнѣе бы мнѣ его было не возможно. Всѣ мои несчастія кончались въ одну минуту; а ихъ позабылъ, и наполнился всѣмъ шѣмъ, цно можно вообразить изряднаго. Фидомена, божественное мнѣ имя, я теперь безъ сердечнаго движенія вспомнить его не могу, привѣтствіями и ласканіями сродными шѣжному женскому полу, умножала безпредѣльную мою къ себѣ любовь. Столько благополучіе мое было велико, цно когда размышлялъ я о немъ одинъ, шо казалось оно мнѣ спрашнымъ; и послѣ уже узналъ дѣйствительно, цно кшо чрезвычайно благополученъ, шошъ скоро пошомъ бываешъ и чрезвычайно несчастливъ.

Тунъ я переспалъ рассказывать за шѣмъ, цно мнѣ спашъ захопѣлось.

ГЛАВА III.

ВЕЧЕРЬ 13.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Время шло очень скоро, и я почти совсемъ не видалъ, какъ кончилось время Филомены. Родился мнѣ сынъ, коимъ былъ плодомъ безпримѣрной нашей любви, божескаго снисхожденія и началомъ моего несчастія. При семъ словѣ Славуронъ вздохнулъ съ великою прискорбною, и со слезами началъ продолжаніе свои приключенія. Филомена любила его чрезвычайно, и для того не хотѣла ондаши въ руки нянькамъ, и предпріяла воздонши своею грудью, никогда не спускала его съ рукъ, и клала съ собой на одной постелѣ. Моженъ быши опредѣлено было судьбою, чшобъ начиналося мое несчастіе. Нѣкогда поущру, когда она проснулась, шо не нашла подлѣ себя своего сына, и послѣ, какъ увѣдомилась оно всехъ домашнихъ, чшо они не вѣдаюнъ о немъ, тогда на-

Б 3

чала она неушѣнно рыдаться. Вопль ея услышалъ я въ моихъ покровъ, кошко-рой тошчасъ вспревожилъ душу мою и сердце; я съ неперѣливоснїю посѣ-шилъ къ ней, и какъ обо всемъ увѣдо-мился, шо пришелъ въ несказанное оч-чаянїе, необыкновенной и печальной ша-кой случай вспревожилъ мою природу. Скоро узналъ объ эномъ Государь и весь дворъ; жена моя должна была подверг-нуться духовному суду за шо, что ус-спала младенца. Жрецы опредѣлили ей при ноци въ Плушоновомъ храмъ, что-бы шѣмъ умилосердивши боговъ и полу-чинши прощенїе себѣ, а младенцу избав-ленїе ошѣ муки. Довольное время въ ожиданїи сего исполненїя (*) позволило роднншя еще у меня дочери на мѣсно пошерянаго сына. Рожденїе ея нѣсколь-ко уменьшило моей печали, однако сму-щенїе меня не осшавляло; пребышь Фи-доменъ одной цѣлые три ноци въ ужас-номъ Плушоновомъ храмъ, казалось мнѣ для женщины было невозможно. Након-

(*) Въ то время было узаконенїе у Грековъ, что женщина послѣ бремени не прежде очи-щалась, какъ черезъ три года, и не входила прежде въ храмъ.

нещѣ пришло то время и насталъ назначенный день ; долженъ я ѿ ; ль спарашься и исполнишь ее безспрашемя , и шакъ цѣлой день не выходилъ изъ ся покоя , и укрѣплялъ сколько мнѣ возможно было. Уже приближился и вечеръ ; первосвященникъ и два жреца посѣщали мой домъ , и повели Филомену въ храмъ Плутоновъ ; учредя надъ нею все обряды , велѣли вышши мнѣ войъ , и сами вышли , заперли двери , у которыхъ поснавлена была ошъ меня спража ; всю ночь не ходила я въ великомъ безпокойствѣ ; домашняя жертва у меня не угасала , я пречалъ охранителей домовъ и нашего здравя , чшобъ не приключилось чего набудь спрашнаго съ Филоменою. Насталу могъ я дождаться ушра , и когда се увидѣлъ несмущенною , шо несказанно обрадовался. Я же л а л ѣ нешерѣбливо знань , не случилось ли ей какого нибудь восбраженя. Она мнѣ начала сказывать шакъ : вчера, когда настало время ишши мнѣ въ храмъ , шо я забылъ все швои поснавленя очень много онасадалась. Первосвященникъ поснавилъ меня передъ завѣшенною капащею , и окружилъ на полу мѣломъ , пощомъ прочи-

Б 4.

шавъ принадлежаша къ шому молнивы,
 ославилъ меня; и вышли вы всѣ вонъ.
 Напалъ на меня превеликой ужасъ, и я
 думала, что невозможно мнѣ будещъ
 перенести его чрезъ цѣлую ночь. Мнѣ
 казалось, что весь храмъ въ движеніи,
 и все спарасеня меня усиранишь, одна-
 ко мало по малу ужасъ мой началъ у-
 меньшанься, но въ самую полночь при-
 шелъ онъ на высшую сценень. Завѣсы
 каплицы шончасъ поднялися къ верху,
 и я увидѣла снозящаго подлѣ Плутона
 другаго бога, котораго имени я не знаю.
 Онъ былъ въ долгомъ бѣдомъ платьѣ
 смѣшеннымъ съ розовымъ, на головѣ
 его былъ вѣнокъ изъ разныхъ и рѣдкихъ
 цвѣшовъ; онъ примѣшилъ, что я испу-
 жалась, и для шого говорилъ мнѣ нѣж-
 нымъ и тихимъ голосомъ: прекрасная
 изъ всѣхъ смершныхъ Филомена! красо-
 на швоя принудила меня, ославилъ ве-
 личество и неописанное небесное вели-
 колѣпіе, сойши на землю, и пребыши
 нѣсколько вѣсей бѣдной моей каплицѣ
 единственнo шолько для насыщенія мо-
 его взора несказанными швоими прелес-
 шями; шы видишь передъ собою Плуто-
 на присуществующаго на небеси и во адѣ

бога. Я шомъ , конорому ты должн
ощвѣчашъ за швоего сына ; онъ былъ въ
моемъ владѣнн , но съ шѣхъ поръ , ког-
да обратилъ я глаза мои на прекрасной
швой образъ , шо оцосланъ онъ въ Зе-
весово владѣнне въ поля Елисейскія ; ты
не должна просишь о прощенн шакого
бога , конорой самъ просишь шобъ о
швомъ снисхожденн (о всею моею сла-
вою почну я себя несчастнымъ , когда
не буду имѣть участн въ швомъ сер-
дцѣ. Пошомъ приблизнся ко мнѣ , и
говорилъ все шо , что можешъ спраши-
ной и разумной любовникъ , ласкалъ
меня и цѣловалъ мои руки. Тренишь ,
прекрасная , говорилъ онъ мнѣ , и почув-
ствуй въ сердцѣ швомъ хоща мадуо ко
мнѣ прѣзнь : я безмернешъ ; но красона
швоя унишожая се доснощешво , сдѣ-
лала меня спрашнмымъ. Всею ночь пре-
проводилъ онъ въ шакнхъ привѣщеннѣ-
хъ ; наконецъ когда увидѣлъ , что на-
чало уже разсвѣшашъ , шо укорядъ онъ
Аврору , какъ богиню господешвуюоу
надъ началомъ дня , для чего превра-
щаешъ она его удовольствне , не полу-
чивъ еще ни малѣйшаго начала пред-
прѣшню ; ибо не видѣлъ онъ онъ меня

никакой себѣ ласки, и не прежде меня османилъ, какъ ты пришелъ ко храму, и началъ отпирашь двери. Услышавъ шумъ, вскочилъ онъ поспѣшно, поцѣловалъ у меня руку, и ушелъ въ капищу, кою которой завѣсы немедленно опустились.

Почтѣмъ спрашивала она у меня, что ты думаешь о такомъ привидѣннн? Мнѣ кажется, что это былъ не богъ, а какой нибудь злой духъ, кою которой изъ обыкновенной къ намъ ненависти старался искушить меня. Всконечно, отвѣчалъ я ей, и ты всеми силами должна стараться уверѣлать себя; погибель твоя пошлетъ послѣдуешь, ежели ты вознамѣришься съ нимъ разговаривать. Много уже случалось, какъ ты, я думаю, и сама слышала, что женщины, преслушающія въ семъ случаѣ жреческія повелѣнія лишились жизни.

Начала другая ночь; я проводилъ ее въ храмѣ, и очнулся такъ, какъ и въ прошедшей. Признаюсь, что некое привидѣніе смущало меня очень, и для того ранѣе вчерашняго поспѣшилъ въ храмъ. Тунъ уведомился я онъ все, что

Плушонъ показался ей уже безъ бороды въ щегольскомъ и обыкновенномъ плащѣ, и что онъ сколько былъ дерзосенъ, что она насилу могла онъ него избавишься. Приключеніе это вспривожило меня, и я не хотѣлъ имѣть соперникомъ ни самаго главнаго греческаго Бога Діа, не только Плушона. Греки заговѣ свой наблюдающъ очень крѣпко, и что ежелибы жена моя не пошла щеголю ночью въ храмъ, но непременно съжали бы ее жрецы, въ чемъ уже и государь не воленъ; и шакъ избѣжать онъ того никомъ образомъ было не возможно. Я пошелъ къ первосвященнику, чтобъ онъ выи ему шакое приключеніе, хотя Плушонъ и накрѣпко заказалъ Филоменѣ, чтобъ никому о томъ не сказывашъ, однако первосвященника не могъ я увидѣть. Сказано, что онъ чрезъ полгода поввишся людямъ, а въ то время буденъ производивъ нѣкошорыя шаншешвенныя жершвы для испрошенія милосши онъ боговъ народу. Предпріялъ я будущую ночь бышь въ храмъ, а какъ бы это сдѣлашь, но этого я не зналъ, и для того послалъ за жрецомъ, кошората надѣедеи сказашъ къ тому деньгами, въ чемъ и не обманулся;

за нѣкоторое число обѣщавъ оуби мнѣ сдѣлать сію услугу. Послѣ вечерней молитвы проведу я себя, говорилъ оуби мнѣ, въ назначенное мѣсто, и шамъ поспавлю. Когда же настало время, шо увидомилъ я оуби зномѣ Филомену, и жрецъ меня ошвелъ на назначенное мѣсто. Когда храмъ заперли, шо я не выходилъ къ Филоменѣ, и дожидался полуночи. Во время оной появился богъ въ капицѣ; оуби подошедъ къ Филоменѣ склонилъ ее ласкою. Но послѣ, когда увидѣавъ, что она не согласнается, хотѣавъ принудить ее силою. Я не могъ шого снести, и въ ошчаяннн моемъ дерзнулъ прошить бога, предирѣавъ лучше лишиться жизни, нежели чтооуби сдѣлалось въ глазахъ моихъ шакое мнѣ безчестіе. Какъ шолько я подбѣжалъ къ нему, обнаживъ мою саблю и однимъ замахомъ перенесъ пополамъ влюбленнаго бога, обѣавъ меня страхъ, и я не шолько что не могъ укрѣплять Филомену, но едва и самъ не преселлся шогда въ царство мершвыхъ. Я боялся божескаго мщенія, и размышляавъ самъ въ себя, возможно ли, чтооуби могъ я умершвить безсмершнаго. Въ семъ страхѣ

и размышленіи прошла уже вся ночь; по утру вошедъ въ храмъ, жрецы увидѣли оной обгренъ кровію, и меня сношащаго вмѣстѣ съ Филоменою, удивились такому случаю, и понынѣ побѣждали увѣдомишь первосвященника. Они его искали очень долго, однако шо было напрасно; я его нашелъ скорѣе всѣхъ, для шего чшо онъ лежалъ подлѣ моихъ ногъ; и наконецъ какъ узнали это всѣ, сдѣлалась при дворѣ и въ городѣ несказанная тревога; ни гдѣ ни очемъ больше не говорили, какъ судили первосвященника и меня; иной старался оправданыи меня, а другіе прошевъ боли обвиняли, и не прежде умолкло дурное эпохо, какъ духовной и гражданской судъ опредѣлили первосвященнику и мнѣ наказаніе. Прозьбы и воля государева шому не помогли, чшо было мнѣ назначено, и такъ въ опредѣленной день при собраніи народа на публичной площади провозглашашель чиналъ наше опредѣленіе, кошорое было слѣдующаго содержанія:

„ Первоначальные жрецы, государь,
„ Сенашъ и народъ двухъ шпешней вы-

„ саушавъ дѣло, бывшаго недоспойнаго
 „ первосвященника и Славурона, опредѣ-
 „ лемъ перваго ожечь и прахъ его раз-
 „ сѣавъ по вѣщру зашо, чшо онъ влю-
 „ бивъ еѣ Филомену, и не имѣя способа
 „ къ ошквернѣю своей сиротѣи, прика-
 „ залъ укрѣснъ у Славурона младенца.
 „ Во время сиротнѣя ея во храмъ принялъ
 „ на себя образъ Плутона, обрилъ боро-
 „ ду, и хощѣлъ получить ея склонноснъ
 „ ласкою, а насонѣвъ и силою. Вшораго,
 „ какъ шноплеменника, за оскверненіе
 „ кровію божескаго храма, выславъ воиѣ
 „ изъ Греціи, не учиня ему никакого о-
 „ злобленія, наблюдая долгъ сиротно-
 „ прѣимства; а шу Славуронову рабу,
 „ которая украла у Филомены младенца,
 „ и онѣла его шносиротцамъ прѣбхав-
 „ шимъ сюди на корабль, уморннъ вѣ
 „ пенельной хранинѣ (*), чшо и под-
 „ шверждаемъ.

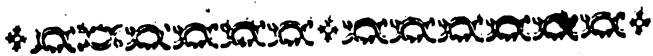
По прочтеніи сего сожгли шѣло
 первосвященниково, и повели шакже ра-

(*) Храмина сія наполнена была пѣломъ, и
 когда впускали шудя осуденнаго, шо
 поднимали великую пыль мѣхами, которые
 проведенны были подъ спѣною, онѣ чшо
 онѣ задохнувшись умѣралъ.

бу мою на смерть, а мнѣ положено было сроку мѣсяцѣ, и по окончаніи онаго, чинобы не быши мнѣ въ Греціи. Я не сожалѣлъ, что осаждало Константинполь, но болѣзновалъ о томъ, что долженъ разсѣяться съ Государемъ, коимъ мной много жаловалъ; однако снѣ перемѣнилъ мое болѣзнованіе въ печаль другого рода. Въ шестой срокъ, въ коншорой я собирался въ свое отечество, онѣ преснавилася. Послѣ его смерти дворѣ совѣмъ перемѣнился, и не для чего было мнѣ шунѣ осажаться, хотябъ меня и удерживали. Венушалъ послѣ его на преснолѣ сынѣ его родной, коимъ даго мнѣ рѣдко и видѣши случалось за часнымъ отсушеснвѣемъ изъ города; и шакъ сожалѣлъ я шолько о Государѣ, а изъ Греціи съ великою радостію ѣхалъ. Просннвшисъ съ Неомъ, когда уже было все готово, онсправилася мы въ муш; въ онѣмъ находилася не меньше мѣсяца. Филомена оснавивъ свое отечество, нѣсколько объ онѣмъ шосковала, однако моими разговорами и всякою новостію вспрѣчающеюся ея глазамъ испребляла помалу свою печаль. Наконецъ прибыла мы въ Русь; съ недѣлю вре-

мни старался я ссыскивать мою родню, конорыхъ всехъ находилъ бѣдными, исправлялъ ихъ состоянїе, старался познакомиться съ другими, препоручалъ себя въ ихъ милость, и конорыхъ принималъ самъ, и швѣмъ старался заслужить славу моему имени. Хотя я и долженъ былъ поѣхать ко двору, однако безъ позволенія сдѣлавъ шого не хотѣлъ; а получивъ оное, немедленно началъ собираться, и выбравъ удобной къ шому день поѣхалъ.

Одѣлако сошъ сжималъ уже мои губы и приказалъ отправиться на постелю.

ГЛАВА IV.

ВЕЧЕРЬ 14.

Продолженіе Славуриновыхъ приключеній.

Государь Руской принялъ меня такъ, какъ военачальника, и разсмотрѣвъ препорученіе ошъ Конспаннинопольскаго

Осана оному, гдѣ и я иногда находился. Онѣ пришедши предѣ Государя, говорилѣ ему шакѣ: доволенѣ ли ны своимѣ со-
 ↳ сшоянїемѣ? ежели доволенѣ, но желаю шебѣ здравствовашь; а ежели еще чего нибудь шебѣ не доспаетѣ, шакѣ желаю шебѣ умереть скорѣе, для шого чшо зависливые люди сами шебѣ и другимѣ мучишени. Государь весьма удивился шакому привѣщенїю, и спрашивалѣ его, ошкуда онѣ и изѣ какого города. Городѣ проѣхалѣ я очень много, ошвѣчалѣ онѣ Государю, шолько вѣ которомѣ родился, знного не знаю; жилѣ вѣ шакомѣ, гдѣ очень мало земли, и вся о-
 кружена она водою; роспушѣ на ней деревья и живушѣ звѣри, гдѣ и я шакже жилѣ сѣ ними вмѣстѣ. Изкогда подѣѣхали кѣ этому мѣстну люди, и меня увезли сѣ собою. Судно шо, на которомѣ мы ѣхали, разбило, и послѣ я увидѣлѣ себя лежащаго на берегу, и шакѣ всшавши пошелѣ искапѣ шакихѣ же людей, какїе меня увезли сѣ острова. Былѣ во многихѣ городахѣ, однако не разумѣя шго, чшо шѣ люди говоряшѣ, не хотѣлѣ шамѣ оспашься: а здѣсь нашелѣ я шакихѣ, кошорыхѣ разумѣю, и для

шого не пойду уже никуда больше, и спану здѣсь жишь. Конечно поинь человекъ былъ изъ вашего города, продолжалъ онъ, которому опданъ я былъ на корабль подъ сморвнѣе, и которой выучилъ меня говорить, и всему шому, что я теперь знаю. Государь въ шъ онъ него большѣ уведомишься, однако не могъ, ибо онъ и самъ ничего не вѣдалъ больше. По приказу Князеву оставили его жишь во дворцѣ. Осанъ имѣлъ привычку днемъ спань, а ночью ходишь; бль не дожидаеть положеннаго между нами времени, и всегда когда ему захочешя.

Нѣкогда случилось ему войти въ Иеруновъ храмъ, и увидѣшь шамъ людей приносящихъ жершбу, къ кошорымъ онъ подошедъ спросилъ, что ешо такое они дѣлаюишь? и какъ уведомился обо всемъ, шо во всю мочь захохошалъ, и сказалъ имъ, что они глупы, что ондаюишь божескую честь нечувствительному болвану. Жрецы шончасъ вывели его изъ храма, и послѣ просили Государя, чтобы не впускаишь его ни въ какое капище. Государь, выключая сего, веселился его незнанѣмъ, и предпрѣялъ

я ее очень полюбилъ , а она мнѣ кажется лучше всѣхъ , сколько здѣсь ни есть женщинъ . Ею была моя дочь : такъ тебѣ она понравилась , спрашивалъ его Государь ? Очень , ошвѣчалъ Осанъ ; мнѣ еще ничего въ жизни моей прѣяппше ее не казалось . Потомъ говорилъ онъ дочери моей , позволь красавица поцѣловать себя . Это дурно , сказалъ ему Государь , нѣтъ людяхъ этого сдѣлать не можно . При людяхъ не можно , говорилъ онъ ; такъ пойдѣмъ красавица въ другую комнату , чинобъ люди не видали ; а это еще и дурнѣе того , сказалъ ему разсмѣявшись Государь . Какъ же это , вскричалъ съ великимъ негодованіемъ Осанъ ? когда дурно цѣловать при людяхъ , то это кажется дурнѣе , чинобъ сидѣть вмѣстѣ съ женщинами . Ею дѣлаешъ обыкновеніе , говорилъ Государь . Для чего же вы не сдѣлаешъ обыкновенія , чинобъ цѣловать при людяхъ женщинъ , ошвѣчалъ онъ ? Оно есть , сказалъ Государь , да надобно ему научиться . Осанъ , какъ скоро услышалъ , то неосиступно привязался къ Государю , чинобъ онъ научилъ его такому искусству .

Послѣ уже, когда Государь опкла-
 нялся всѣмъ, и долженствовали они
 ѣхать домой, тогда любовникъ ухва-
 тилъ дочь мою за руку, и просилъ Го-
 сударя, чѣмъ онъ освободилъ ее у себя;
 однако прозьба его была напрасна, и
 онъ хотя съ великимъ нехотѣніемъ, одна-
 ко долженъ былъ съ нею разстаться.
 Разнеслось по городу эхо, и всѣ жен-
 щины выхваляли разумъ и лицо Оса-
 во; всякая спаралась ему понравиться,
 но дочь моя къ моему несчастію зашво-
 рида всѣмъ имъ нушь въ добродѣтель-
 ное и непорочное Осаово сердце. Онъ
 очень часто приносилъ къ Государю,
 и просилъ его, чѣмъ онъ позволилъ
 видѣться ему съ моею дочерью; однако
 спрасниая любовь и пылкой его разумъ,
 предсавивъ обыкновеніе предъ его гла-
 за, дали ему знанье, что долженъ онъ
 произвешти намѣреніе свое тайно. Онъ
 сколько сдѣлался въ семъ случаѣ уменъ
 и свѣдуць, что ни Государь, ни я, ни
 же весь дворъ не могли примѣшнть,
 какимъ образомъ скрылъ оно свое желаніе,
 и показался намъ, какъ будтобы
 совсѣмъ не было въ сердцѣ его никакой
 спрасни. Часто ему о томъ шуня за-

говаривали, но только онъ извинялся
 шакъ, что ни самое малое подозрѣ-
 ніе не могло бытъ смѣшено съ его сло-
 вами. Я радовался, что избавился онъ
 шакого человѣка, кошорой казался мнѣ
 несноснымъ: но радость моя не долго
 продолжалась. Нѣкогда, очень поздно
 прохаживаясь въ моемъ саду, услышалъ
 шихое эхо въ бесѣдкѣ, къ кошорой я под-
 ходилъ. Подошедши къ ней осшорожно,
 началъ слушанъ разговоры, кошорыхъ
 хоня начала и не засналъ, однако ко-
 нецъ оныхъ показалъ мнѣ ясно, что
 дочь моя любовница Осанова. Они сидѣ-
 ли оба вмѣстѣ и изъяснялись другъ дру-
 гу. Овладелъ мною гнѣвъ, и я хонѣлъ
 очень строго разрушишь ихъ веселіе; но
 разсужденіе мое мнѣ воспрепятствовало,
 и принудило упощребишь осшорожнось.
 Однако въ будущую ночь опредѣлилъ я
 разрушишь ихъ веселіе; и такъ спарал-
 ся примѣчать, когда они придушъ въ
 свое сборище. Наконецъ, когда уже до-
 вольно смерклось, шогда я шпоя въ
 шемной аллеи, увидѣлъ Осана, что онъ
 вошелъ въ шу бесѣдку. Очень въ корош-
 кое время вошла шуда и дочь моя. Я
 вознамѣрился къ несчастію моему ли-

шипъ его жизни, и можетъ быть уже
 Боги нарочно сдѣлали меня свирѣпымъ,
 чинобъ оказавъ надо мною, сколько че-
 ловѣкъ можетъ быть злополученъ. Об-
 наживъ мою саблю, въ великой запыл-
 чивости вбѣжалъ шуда: но сколькожъ
 я удивился, когда ихъ не нашелъ; овла-
 дѣла мною пущая ярость, и я началъ
 искать, нѣтъ ли гдѣ помасеннаго ходу.
 Нашелъ его, о коншоромъ прежде не вѣ-
 далъ, немедленно шуда опустился. Они
 слышали и искали убѣжища, но они
 ярости моей укрыться не могли. Я по-
 разилъ Осана, и онъ при концѣ своей
 жизни выговорилъ въ опчаяніи сіи сло-
 ва: Проси маць моя Филомена, ко-
 торую я шолько одну знаю. Услышавъ
 имя Филомены, я вздрогнулъ; рука моя
 опустилась и выпала изъ нея сабля. Я
 спрашивалъ его о причинѣ; но онъ уже
 мнѣ ошвѣчавъ не могъ. Прежде, нежели
 принесли шуда огонь, Осанъ скончался.
 Раскаяніе мое и сердечное чувство ус-
 ширмили глаза мои на него; и я хотя
 и не думалъ, однако началъ находить
 въ немъ возлюбленнаго и пошердпаго
 моего сына. Немилосердые боги! можно
 ли еще больше наказавъ человѣка?

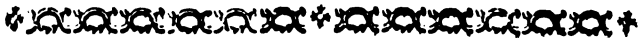
Дѣйствишельно я поразилъ того, котораго родилъ. На груди нашли у него досканецъ (*) съ именемъ матери его, и съ его собственнымъ. Въ семъ случаѣ сдѣлалась во мнѣ великая перемѣна; разумъ мой нѣсколько помѣшался, и приключился нѣкошорой вредъ моему здоровью. Сколько я ни великодушенъ былъ, однако овладѣла мною слабосиль. Съ сихъ поръ ошворилися пуши слезамъ изъ глазъ моихъ, и я не осушалъ уже оныхъ, подобно какъ женщина, всегда задумывался и шералъ наснолщій пушь мыслей. Несчастія мои слѣдовали другъ за другомъ по порядку, и чѣмъ далѣе, шѣмъ свирѣпѣе ожесночались на меня боги и случаи. Едва шолько я успѣлъ похоронить моего сына, объявили мнѣ, что дочь моя выбросилась въ окно, и находилась уже при смерти. Когда я услышалъ это, осшавили меня мои силы, и я не моѣ подвигнуться съ мѣсна; служилели мои принесли меня почти невчувствительнаго въ ея комнату. Та-

(*) Въ древнїя времена было такое обыкновенїе, что новорожденнымъ приѣщивали на шю маленькіе досканцы; на которыхъ означалось имя младенцова и его матери.

кого плачевнаго позорища еще во всю мою жизнь мнѣ видѣнь не случилось. Дочь моя лежала безчувственная на кровати; образъ ея не имѣлъ прежняго подобія; какъ лицо, такъ руки и груди изрѣзаны были всѣ стеклами; она не имѣла голоса, и едва испускала духъ. Но долгомъ времени моего изступленія пришедъ нѣсколько въ себя, бросился я подавши дочери моей ненадобную уже помощь, послалъ поспѣшъ за врачами; и когда ихъ привели, то обнадеживалъ, что одарю ихъ великими сокровищами, ежели возвратятъ жизнь моей дочери. Они приложили все свое стараніе и искусство, однако ничто уже не помогло. Ей опредѣлено было судьбою, чтобы она въ моему несчастію скончалась; а чтобы пуце еще возмутишь мои мысли и встревожитъ сердце, получила на время чувствъ, и начала со мною разговаривать. Я просилъ ее, чтобы она рассказала причину ея и моего несчастія. Слова ея показались мнѣ самымъ чуднымъ воображеніемъ, которое дѣлаешь помѣшательство нашихъ мыслей. Она рассказывала мнѣ все то за правду, что мечталось ей въ помѣшательствѣ

разума, и увѣряла, что дѣйствительно по сѣ нею случилось. Я не только чтобы вѣришь, но слушала спрашивался; и такъ начала она мнѣ рассказывать такимъ образомъ:

Однако повѣсивованіе ея услышите вы въ слѣдующій вечеръ,

ГЛАВА V.

ВЕЧЕРЬ 15.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Осанъ, любовникъ мой и братъ, никогда не выходишь изъ моей памяти; кончина его сдѣлала меня совсѣмъ неспособною жить на свѣтѣ. Сегодняшній вечеръ желала я ошдаться въ полную власнь моей печали; для того выслала всѣхъ моихъ прислужницъ, сѣла подлѣ того окна, которое прямо прощву гробницы Осановой, обилаась слезами, и прсканчала жизнь мою и мое печ-

снѣ, Очень въ короткое время увидѣла я Осапа; онъ подѣхалъ къ моему окошку, и звалъ меня съ собою. Не мѣняла ни мало, выбѣжала я къ нему на улицу, и поѣхала съ нимъ вмѣстѣ. Онъ меня везъ весьма по безпкойной дорогѣ. Наконецъ приѣхали мы въ лѣсъ, конспорой былъ сколько часовъ, что не было способу съвозъ его провханы; однако Осапъ не смощи на это, продолжалъ свой путь. Онъ ѣхалъ очень скоро, вѣшши и сучья хлещали меня по лицу; чувствовала я онъ оныхъ великую боль, и шакъ лицо мое онъ шого испорщилось. Приѣхали мы къ одному огромному и пресирашному храму, въ конспоромъ обинающъ усопнїя щѣни. Двери онаго храма были расщворены; по сторонамъ увидѣла прикованы на прешолсныхъ желѣзныхъ щѣняхъ два скелеша ужасной величины, въ бѣломъ и доломъ одѣянн. Когда мы подошли къ нимъ, но они всщали, шакъ какъ бы дѣдали намъ почщенїе. Хотя это были и одни кости, однако печаль написана была на ихъ лицахъ. Въ храмѣ семъ обинали шрахъ, ужасъ и шемноша; и я дрожала, когда вошла въ не-

го ; подлѣ дверей во храмѣ прикована была шѣнь къ снолбу, и какъ казалось, человекъ былъ явной знашней, злой и зависливой ; глаза его наполнены были кровію, кошорая изображала его ярошь ; онъ скрежещаль зубами и рвалъ на себѣ волосы. Наконецъ увидѣла я множество шѣней въ семъ храмѣ, иныя изъ нихъ ходили, другія сидѣли : но впрочемъ все имѣли печальные виды. Миѣ казалось, что самое это зданіе произносишь ужасной сношью онѣ глѣла въ немъ находящихя. Въ семъ храмѣ очень было много снолбовъ, и во всякомъ находилось по одной шѣни. Осамъ привелъ меня къ первому, сшворивъ двери, показавъ шѣнь духовной особы ; она сшояла подлѣ маленькаго снолика, на кошоромъ была съ огнемъ жаровня ; правая рука шой духовной особы лежала въ оной на огнѣ, и онѣ сшоя плакала сшолько горько, что миѣ еще не случалось видѣть шоликой печали. Въ другомъ снолбѣ сшояла жрица, у кошорой въ обѣихъ грудяхъ находилось по книжалу, и она сшолько же была при- скорбна, какъ и первой, и очень много видѣла я какъ подобныхъ снмъ наказа-

ній, шакъ и разныхъ образовъ снтрапныхъ и неизбяснимельныхъ. Накопецъ перешли мы эшонъ ужасной храмъ, и выступили въ прѣяпную и прекрасную долину; въ ней цвѣшны, испочники и всѣ украшенія превосходили искусство человеческихъ рукъ; на всякой шропинкѣ и во всякомъ мѣснѣ находились блестящѣ жершвенники, на кошорыхъ горѣлъ неугасаемый огонь. По серединѣ сей долины шлоялъ храмъ советъмъ первому не подобенъ, и сдѣланъ былъ изъ блисшашельнаго мещалла. Я почши смошрѣшь не могла на него, и казалось, какъ будно бы онъ горѣлъ разнаго цвѣша огнями. Я понуждала Осана, чшобы скорѣе достигнуть намъ до шого великолѣшя. На паперши храма по шпоронамъ дверей шлояли двѣ кровати покрывшя черными покрывалами, на одной лежала прекрасная женщина; а на другой мушина, не усшупающѣй ни въ чемъ красонѣ прежнѣя. У женщины въ груди воззеиъ былъ книжалъ, а у мушины сабля. Псудовольсшвѣ ихъ и прискорбшсшъ написаны были и на мершвахъ ихъ лицахъ. Я осшановилась, и разсмашривала ихъ очень долго, и сѣ

превеликимъ сожалѣнiемъ ихъ османила. Бошли мы въ храмъ, копорато великолѣпiя и красоны обьяснiиъ я шебъ не въ силахъ. Все, что естъ рѣдкое и плѣняющее на свѣтѣ, соснавляло его украшенiе; оиъ не казался мнѣ, чтообъ сдѣланъ былъ человѣческими руками, а какое-нибудь великое божесно сооружало сiе непонянное зданiе. Подлѣ передней стѣны во храмѣ снзала богиня Лада на прешолѣ украшенномъ разными камнями и покрыпомъ багрянидею; передъ нею находился жершвенникъ; въ разсужденiи храма оиъ былъ умѣренъ, но въ разсужденiи его величеснва вся вседенная не удобна была его вмѣстннъ въ себя. Осанъ принебъ жершву Богинѣ, во время кошорой просилъ, чтообы она соединила сѣ нимъ меня. На что ошебчала богиня, что завшрешнiй день прошенiе его исполнишъ. И шакъ поблагодарнебъ мы оба ее, вышли изъ храма на другую сторону, и увидѣли не далеко весьма высокую и крушую гору, на кошорую есходила сѣ превеликимъ шрудомъ женщина; любопышеснво понудило меня пошнн шуда. Мы шакже сѣ превеликимъ шрудомъ взошли на гору.

и увидѣли, что женщина ша поливала изъ маленькаго ковчежца золоную сирѣлу, копорая вошкнуша была въ самую вершину горы. Такое видѣнїе показалося мнѣ удивительнымъ; я спросила ее, что она шакое дѣлаешъ. На что ошвѣчала облившись слезами: шы видѣла на паперши подлѣ храма двухъ молодыхъ юношей, изъ копорыхъ одна дочь моя родная. Я узнала любовь ихъ между собой, снаралась имъ препяшествованъ, и наконецъ разлучила, чего оба снести они не могли. Дочь моя лишила себя жизни; молодой пошъ юноша услыша о смерти своей любовницы, прекрашилъ шаже и свою жизнь. Богиня ошмцевая мнѣ ихъ смерть, приказала всякую зорю поливанъ сїю сирѣлю изъ находящагося подъ горою источникка; и когда произрашенїе эшошъ меналъ, тогда получу прощенїе, и шакъ пребываю я въ семъ шрудѣ шрешїй уже годъ.

Послѣ, когда мы сошли съ горы, шо увидѣла я, подлѣ одного ручейка спала неописанная красавица, подлѣ ея сидѣлъ молодой и прекрасной юноша мы подошедъ къ нимъ смощрѣли на нихъ

Красавица иа улыбалась во снѣ , и казалось , какъ будно бы она наслаждается шеперь самымъ лучшимъ веселѣемъ на свѣшѣ. Юноша шомъ былъ очень прискорбенъ , и старался ее разбудить. Мы находились иушѣ часа съ при ; ѳднако во все это время не могъ онъ разбудить ее. Я спросила у Осана этому причины. Красавица зна , говорилъ онъ , въ жизни своей весьма была безобразна; всѣ ее презирали и гнушались ея бесѣды. Ешомъ юноша въ жизни своей былъ прѣвеликой насмѣшникъ ; онъ обладалъ сердцемъ сей красавицы ; она его любила больше нежели саму себя ; но онъ всегда се презиралъ , смѣлся и ругался надъ нею чѣмъ однако не могъ онъ испребинъ въ ней къ себѣ любви. Она жаловалась на его свирѣшешво со слезами людямъ , но шо не помогло ; наконецъ прибѣгнула къ Богинѣ , и ее просила неощешуно. Великая Лада сжалившись надъ ея мученѣемъ , дала ей образъ сшоль прекрасной , какой шы шеперь видишь , и приказала возгордиться передъ симъ юношею , чшобъ шѣмъ наказашъ его. Онъ какъ скоро увидѣлъ ее прекрасною , почувспивовалъ къ ней вели-

Часть II

Г

кую любовь, и все прѣзрѣнїе обратилъ большую еще прїязнь; началъ ласкаться ея, просилъ ея снисхожденїя, и уловлялъ еще больше похищенное ея сердце. Красавица будучи снисходительна оубъ природы, забыла наслажденїе богиницы, и сдѣлалась ему покорною. Какъ скоро начала она показывать ему благосклонность, то богиня украсила ея жизнь, и приказала принести сюда, гдѣ усыпила ее естественнымъ сномъ, въ которомъ позволила наслаждаться всѣмъ шѣмъ, что можетъ природа приносить намъ прїятнаго. Юноша долженъ былъ спрѣдаться послѣ ея смерти цѣлые полгода; наконецъ богиня приказала также перенести и его сюда. Оубъ нашелъ ее спящею, и какъ шарженся ея разбудить, и пребываетъ въ семъ шрудѣ болѣе года.

Оубъ уведомилъ меня также и о другихъ шѣнїяхъ, которыхъ мы видѣли въ ужасномъ храмѣ; пошомъ, пошелъ къ своей гробницѣ, пришедши въ оную легъ, и приказалъ мнѣ закрыть себя. Я же, не желая съ нимъ разлучиться, хотѣла вмѣстѣ съ нимъ закрыть себя смертноноснымъ покровомъ, но не знаю, какое-

то забвеніе прекратило спиройное теченіе моихъ мыслей , и мнѣ показалось точно , какъ буднобы я уснула. Наконецъ открывъ мои глаза , увидѣла себя на семь мѣсѣвъ и шебя родитель мой. Ахъ ! я чувствую великую слабость , говорила она ; духъ мой занимается. Просни ! ... По сихъ словахъ начала она кончаться. Премилосердые боги ! я упалъ тогда въ обморокъ , и на сплу могъ чрезъ часъ прійти въ чувство. Получивъ оное , увидѣлъ осмылое шѣло моей дочери ; я уже не вѣржаю шебъ больше моего мученія , шы , легко понять можешъ , сколько я былъ прискорбенъ. По погребеніи ея шѣла домъ мой началъ разоряться ; постигли домашнихъ моихъ многія болѣзни , они умирали ; имѣніе мое со всѣхъ сторонъ грабили перрѣлали , я въ пущее приходилъ ощущаніе , и словомъ , разверзлась предо мною ужасная пропасть бѣдшвей : чшобъ пущее проявесни во мнѣ ощущаніе , то прѣхалъ въ городъ шотъ человекъ , которой училъ на кораблѣ моего сына ; онъ увѣрилъ меня дѣйствительно , что Осайъ былъ моего опродя , хоня я шо и прежде узналъ , пошому

что на грудномъ его досканцѣ найдено было имя Филомены и его собственное. Въ семъ случаѣ жизнь моя показалась мнѣ ненадобною, и я началъ искать способа лишиться оной, но только чтобы не опорочить моего имени. Во время это продолжалась у насъ война съ Тмушараканскимъ Государемъ; я началъ просить моего Князя, чтобы онъ позволилъ мнѣ идти на войну. Государь, не видя способа воздержать меня, далъ мнѣ позволеніе, и я смело отправился туда.

Въ самое первое сраженіе воевалъ я весьма отчаянно; къ счастью моихъ согражданъ, а къ моему неблагополучію, осадилъ я городъ Тмушараканъ. Военачальникъ шонъ, конторой былъ прежде меня въ воинствѣ, почувствовавъ за сею ко мнѣ великую заслугу. Онъ былъ согласенъ съ Тмушараканскимъ Государемъ, и хотѣлъ изменить своему обещанію; онъ писалъ ему въ Тмушараканъ письмо, чтобы шонъ Государь позволилъ ко мнѣ, такъ какъ къ изменнику, и это письмо получилъ военачальникъ, положилъ ко мнѣ осторожно въ карманъ. Я же не

зная совѣмъ такого подлога, скинулъ
 но плащъ, и надѣлъ по ушрѣ другое.
 Письмо это найдено воинами, и опосла-
 но къ Государю, и послѣ того еще два.
 Владѣтель нашъ началъ меня подозрѣ-
 вать, также и воинство, о чемъ я ни
 мало не вѣдалъ. Въ послѣдующее сраже-
 ніе насъуналъ я весьма храбро, и въ сей
 вначальнивоени перазилъ не вѣдая сына
 моего Государя. Усмошрѣвъ это войны,
 пришла въ великое замѣпанедьство, и
 бросилсь всѣ назадъ; я сшарался у-
 держивать ихъ, чшобъ шѣмъ не попе-
 рать всего воинства; но никто уже
 меня не слушалъ, починая измѣшникомъ.
 Городъ разшворили, и Тмушаракшцы
 порубили многихъ Русовъ. Наконецъ по
 усмиреніи всего обезоружили меня, и
 заключили въ самыя шлжкія оковы; и
 привезли въ городъ какъ злодѣя, по-
 садили въ шемницу, и приговорили къ
 мучишельной смерти.

Когда уже приближился конецъ мо-
 ей жизни, и по ушрѣ долженъ я былъ
 ишши на казнь, шю въ самую полночь
 опшворилась дверь у моей шемницы, и во-
 шелъ ко мнѣ прежде бывшій мой прѣя-

пелъ. Онѣ объявилъ мнѣ соизволеніе Государя, чпобѣ послѣдовалъ я за нимѣ. И такѣ привезши меня на сіе мѣсто, сказалъ, чпо онѣ подговорилъ спражу, конюрыхъ ны исперь видннѣ Силославѣ въ моихъ услугахъ, поселилъ меня здѣсь, и снабдилъ всѣмѣ шѣмѣ, чпо пошребно мнѣ къ моему жишью. Я пребываю здѣсь уже нишой годѣ, и всякіе полгода имѣю извѣстіе о городѣ онѣ моего прѣяшеля. Время уже шо приходишѣ, и я думаю, чпо онѣ скоро къ мнѣ прѣдеши. Такимѣ образомѣ кончилъ Славуронѣ свое похождение, конюрому Силославѣ очень много удивлялся, и благодарилъ его за его извѣстіе.

Вѣ эпошѣ вечерѣ больше уже я не сказывалъ.

ГЛАВА VI

БЕЧЕРЪ 16.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Послѣ сего препроводили они еще два дни въ ивкошорыхъ увѣдомленіяхъ другъ друга. Въ шрешій день прѣхалъ Славуроноевъ пріашель. Новоприѣзжій увѣдомилъ ихъ, что въ городѣ Русѣ весьма теперь дурныя обстоятельства, и что оной подверженъ великой опасности. Кочующій въ непроходимыхъ горахъ Валдайскихъ, говорилъ онъ, сильный богатырь Полканъ, просилъ у нашего Государя дочь себѣ въ супружество: но какъ Государь ему въ оной отказалъ, извиняясь шѣмъ, что уже она помолвлена, то объявилъ онъ войну; и теперь съ часу на часъ ожидающъ его пришедшія подъ городъ. Народъ находящійся въ ужасномъ страхѣ, Государь опасаясь опроверженія, и словомъ, всѣ въ великомъ безпорядкѣ. Силославъ хотя и не совсѣмъ увѣдомился объ обстоя-

педьствахъ Руса, однако пожелалъ
 намъ бышь непременно. Онъ предло-
 жилъ Славурону и его пріятелию, что
 намъренъ шуда ѣхати, кошорые снабди-
 ли его всемъ имъ, что принадлежишь
 къ дорогѣ, Прѣвзкій препоручилъ ему
 свой домъ въ городѣ, и отпустилъ съ
 нимъ своего раба. Силославъ просни-
 шись съ ними, отсправился въ пушь, и
 онъ половины дороги приказалъ возвра-
 тинись слугѣ къ своему господиу, бла-
 годарить его за одолженіе, а самъ про-
 должалъ свой пушь къ городу; ибо онъ
 намъренъ былъ ушаншь онъ Рускаго
 Государя какъ свое имя, такъ и породу;
 и такъ доснигъ онъ въ скоромъ време-
 ни до Руса.

Сей городъ сшоялъ на берегу озера
 Ильменя, при ушьяхъ рѣкъ Лованы и
 Палы, кошорое мѣсто нынѣ называеш-
 ся старая Русь. Онъ былъ весьма крѣ-
 покъ, и сооруженъ изъ дикаго камня: одну
 спорону окружало озеро, а еще другія
 двѣ обѣявленные рѣки. Силославъ уви-
 дѣлъ весьма спраншое зрѣлище; сшѣны
 сего города, высокія капища, и все
 возвышенныя зданія покрышы были
 черными покрывалами; пародное сшена-

яѣ услышалъ онѣ еще поприща за два. Онѣ подумалъ, что уже господснвуенѣ рнуѣ Полкаѣ, коной какѣ природою, такѣ и обыкновеніями съ людьми не согласенѣ; чего ради посѣщалъ въ городѣ. Вошедши въ ворота, увидѣлъ двухъ сиражей въ черномѣ плащѣ, коной снѣ плакали, и сколько онѣ ни видѣлъ въ городѣ, все были въ одной одеждѣ, и равно какѣ и перые снѣщали; улицы, дома и люди все были въ ираурѣ. Сиделъ неперѣланво желалъ вѣданы чрезвычайности такой прищу; и такѣ сирашивалъ онѣ у многихъ, однако ни онѣ одного не получилъ никакого онѣвѣна. Наконецъ видя, что извѣстннѣя ему никакимъ образомъ не возможно, началъ исканы себѣ приснѣщнща. Онѣ пришелъ къ одному жрецу, и просилъ его, коной его и принялъ; но и онѣ щого также о сѣвѣдомннѣя не могъ; и такѣ принужденѣ былъ смущанѣя снѣмъ невѣдннѣемъ до половины дня. Какѣ скоро ударило двенадцать часовъ, но на всехъ городскихъ банняхъ слышна снѣала городова музыка. Въ одну минушу городѣ перемѣнился изъ печальнаго въ свѣтлой

я шоржествующій ; люди показались на улицахъ въ богатыхъ одеждахъ и съ веселыми видами ; началось великое шоржештво ; вездѣ радостныя восклицанія ; повсюду разлилась веселость: ошроки и дѣвицы плясали въ короводахъ , шшзрые изъясляли надъ ними свое увеселеніе ; пошли вездѣ игры и смѣхи , и словошъ, городъ сей изъ ада превратился въ одну минушу въ поля Елисейскія. Силославъ удивился сему еще больше , нежели прежнему , и видя всѣхъ людей въ превеликой радости , также и своего жреца , надѣялся получить ошъ него извѣстіе , и такъ спрашивалъ его о причинѣ онаго. Жрецъ согласился на сіе охотно , и началъ ему рассказывать. Дочь нашего Государя очень прекрасна , и ошъ чрезмѣрной ея красоты произошло наше несчастіе ; помолвлена она за сына Повгородскаго Князя , кошорой шенерь здѣсь. Дѣло уже подходило совершѣнъ къ сочепанію ; но не знаемъ , ошъ кого провѣдалъ Полканъ о красотѣ нашей Государыни. Ошъ прислалъ къ намъ своего посла шребованъ ес себѣ въ жену. Князю нашему сдѣланъ было этого не возможно для шого , что уже она по-

молвлена, и еще для той причины, что
 человеку жить со зверем не возможно.
 И такъ получивъ онъ оказъ, объявилъ онъ
 намъ войну, кою выдержавъ мы
 никакого способа не имѣемъ. Новгород-
 ской дворъ данъ намъ помощи не въ
 силахъ по тому, что Новгородъ оса-
 женъ онъ разбойника называемаго Вол-
 хва; и такъ самъ защищать себя едва
 можемъ, а не только намъ помогать.
 Но ушу, что мы видѣли насъ въ не-
 чести, это знаменовало, что въ такое
 время долженъ буденъ разсѣяться Го-
 сударь съ своею дочерью, любовникъ,
 или лучше супругъ съ своею любовни-
 цею, а мы съ нашею государынею. Ибо
 Полканъ объявилъ, что во время воз-
 шествія Зимцерды разорилъ намъ го-
 родъ; а теперь, что мы видимъ насъ
 въ великой радости то во время это
 избавился Государь онъ руки своего сы-
 на Аскалона, кою хощетъ лишить
 его жизни. Чюжъ Государь намъ рече
 предпріять, спрашивалъ его Славъ,
 когда придетъ Полканъ подъ городъ?
 Оуданъ свою дочь, онъ вѣчалъ жрецъ;
 ибо другаго способа не находилъ онъ
 избавишься онъ такого сильного не-

пріяшеля. Силославъ предпріядъ побѣ-
диль Полкана , и написалъ къ государю
слѣдующее письмо :

„ Государь ! никто изъ твоихъ
„ подданныхъ желаетъ тебѣ благопо-
„ лучія , и проситъ , чтобы ты не ош-
„ давалъ свою дочь , а нашу Государы-
„ ню Полкану , когда подешуницъ
„ онъ подъ городъ , а побѣдишь его при-
„ нимаешь онъ это на себя ; и ты у-
„ видишь въ подѣ одного противника
„ изъ твоихъ подданныхъ столь много-
„ численному и свирѣпому воинству.

Нашелъ онъ способъ тайнымъ обра-
зомъ вручить его Сенашу ; Сенашъ объ-
явилъ Государю , коиморой почелъ его
сперва баснею , но наконецъ , разсуждая
очень долго , обнадежился симъ увѣрені-
емъ , и въ доказательство своей благо-
дарности разослалъ повсюду указы , что
исполнили обѣщаніе свое и онъ исполнилъ,
по онъ съ позволенія народа отдалъ
ему свое царское сокровище , и приномъ
просилъ его чтобы онъ объявился какъ
Государю , такъ и народу , чтобы они
видѣли своего благодѣтеля ; однако

Силославъ не хошѣлъ показаться. Очень въ короткое время покрылось поле подлѣ города Поужканами; всѣ жипели взошли на снѣжны, и смошрѣли съ великимъ ужасомъ на оныхъ. Они рыскали снопль быспро по полю, чшо пущенныя изо всей силы ими сшрѣлы догоняли и хвапали ихъ на лешу, подбѣгали къ городу, и смошрѣли на оной съ презрѣніемъ, починая игручкою овладѣшь онымъ. Государь почи лишился чувствѣ, увидѣвъ такихъ сшрашилицъ, и ждалъ непременно своей кончины; весь городъ ошчался и не имѣлъ надежды къ спасенію. Ешо было ушро. Силославъ увѣдомившись о семъ, началъ призывашь Преврану, какъ охранительницу его жизни, кошорая шончасъ ему предшала. Мѣгушца волшебница, говорилъ онъ ей! я знаю, чшо шобъ все возможно; подкрѣни во мнѣ мои силы, и позволь побѣдишь Цолкана. Я не имѣю оружія, и шакъ съ швоимъ повелѣніемъ ожидаю ошъ шебя онаго. Волшебница вывела его изъ дому, и привела въ шакое мѣсто, гдѣ не было никого людей, махнула по воздуху волшебнымъ прушикомъ; шончасъ подвели

ей два духа коня во всемъ богатырскомъ снаряждѣ , попомѣ принесли и Силославу одежду ; она велѣла ему перерядишься въ оную и сѣсть на коня , дала наставленіе , и сама скрылась. Силославъ какъ скоро появился на улицѣ во всемъ воинскомъ и сіяющемъ снаряждѣ , но увидѣвъ люди , бѣжали къ нему со всѣхъ сторонъ , и провожали съ радостными восклицаніями. Тотчасъ дали знать во дворцѣ , что ѣдутъ ихъ избавитель къ Государю , котораго видѣшь опочаившись не имѣли они никакой надежды. Услышавъ сіе Государь и опочаившая молодая Государыня , бросилась на крыльцо ; и съ нешерпѣніемъ ожидали его принесшья. Когда вѣхалъ Силославъ на царской дворѣ , но увидя Государь величественной его видѣ и красивое богатырское вооруженіе , исполнился великою надеждою , и ни мало не сомнѣвался , чшобы такой храброй полубогѣ не побѣдилъ его непріятель. Конь подъ Силославомъ былъ побѣдѣне нѣсколько обыкновенныхъ ; широкосишь его , сила , бодрость превосходили все , и не можно найши примѣра ; пламенные его ноздри устрашали всякаго , кто бы ни захо-

пѣлъ къ нему приближишься. Онѣ имѣлъ на себѣ одинакую кальчугу съ Силославомъ, кою она прикрывала его всего по самыя колѣни. Силославъ имѣлъ на себѣ шлемъ изъ самой чистой снѣлки, кою покрывала золоная рещенка; щипы и концы сдѣланы были удивительнымъ искусствомъ изъ чистой снѣлки. Когда подѣхалъ онѣ къ крыльцу, то ондалъ должную честь Государю, и говорилъ ему, что онѣ ѣдетъ сражаться за честь его и природную вольность княжны его дочери. Государь хотя и просилъ Силослава въ свои покои, однако онѣ съ извиненіемъ не пошелъ въ оныя, и поѣхалъ прямо изъ города на рашное поле. Государь немедленно шелъ въ Свѣшовидово капище, и приказалъ возжечь въ ономъ великую жершву, просилъ Бога войны, чтобъ рашь сія благополучно окончилась. Всѣ жрецы и народъ спояли предъ кумиромъ на колѣняхъ, и съ шеплымъ усердіемъ просили его защищенія; иѣкошорые изъ оныхъ починали Силослава Свѣшовидомъ, пошому что еще не видали такого смершнаго; и шакъ во время молишвы внищренно его благодарили за его милосердіе.

Княжна бросилась тотчасъ на городскую башню смопрѣшь прошивнаго ей сраженія ; она какъ скоро увидѣла Силослава то благодарнось къ оному преодолѣла много любовь ея къ Новгородском Князю , или лучше , почувствовавла он великую къ нему склоннось ; рвала се уже не о помѣ , чинобъ избавиенся ея онъ Подкана и соединиенся съ обрученнымъ женихомъ , а чино Силославъ подвергается такой опасности , и хочешъ лишитъ себя жизни для той , котору можешъ быти онъ и никогда не видѣтъ. Вошедъ на башню , ждала съ нестерпимосшю , какъ Силославъ покажене на равномъ полѣ.

Однако я пересталъ рассказывать для того , чино усмотрѣлъ полночь въ черной епанчѣ.

ГЛАВА VII.

ВЕЧЕРЬ 17.

Продолженіе Силославскихъ приключеній.

Когда расторили вѣрши , то къ пр великому ужасу гражданъ показав

Силославъ на равномъ полѣ. Увидѣвъ его Полканы, побѣждали многіе съ великимъ стремленіемъ, но не сражались съ нимъ, а смотрѣли на его вооруженіе. Очень въ скорое время обсыпали его со всѣхъ сторонъ; но Силославъ принявъ ихъ не шакъ какъ смотритель, а шакъ какъ непріятель. Тотчасъ закипѣла военная буря, и все равное поле пушло въ великое движеніе, и начало покрываться мертвыми тѣлами. Силославъ, обнаживъ свой мечъ, сверкалъ какъ молнія въ простираниомъ полѣ, находя вездѣ себя пушь сквозь множество осирѣвшихъ Полкановъ. Наконецъ, когда скрыла его густая пыль онъ глазъ Зинаиды, тогда упала она въ обморокъ, очнувшись его видѣніе, и нечувствительную понесли ее въ покой. Полканъ вооружась поднялся изъ своего спану. Силославъ вложя свой мечъ вооружился копьемъ. Очень скоро съ превеликою яростію сѣхались они другъ съ другомъ; первой ударъ былъ очень силенъ, шакъ что казалось будто бы зыблалась подъ ними земля. Полканъ упалъ на землю; Силославъ онѣхавъ онъ него на нѣсколько дождался, что-

Часть II.

Л

бы онъ всталъ ; ибо безсилнаго побѣдишь казалось ему безчестно. Поднявъ вооруженъ оянь , и съ превеликою яростию бросился на Силослава , копюрой воцѣпль ему копье въ самую грудь. Вдругъ сдѣлаался въ воздухъ превеликой ревъ ; ужасные вихри ленили въ ярости со всѣхъ сторонъ , и съ превеликимъ шумомъ ломали деревья , подняли великую пыль , и сдѣлали прекрасной день ужасною ночью. Въ одну минуцу всего убишаго воцѣпша поднялись шѣла навоздухъ , и ихъ стало не видно ; вскорѣ потомъ просіяло опять солнце , и вѣтры утихли. Силославъ оиъ сего приключенія пришелъ въ превеликой ужасъ , и поспѣналъ какъ возможно скорѣе въ городъ. Онъ уже былъ подлѣ самыхъ вѣроу , какъ вдругъ ужасная шуча сдѣлаалась надъ его головою , и первой громовой ударъ расшворилъ подъ и мѣ землю , и сдѣлаалъ ужасную прощашь , коперая пожрала шюа храбраго воцѣпа. Ошнчалось на время его пованше , и онъ увидѣлъ себя въ новомъ свѣтѣ и въ другой атмосферѣ.

Когда ошкрылъ глаза Силославъ , какъ бы послѣ крѣпкаго сна , шѣ уви-

дѣлѣ себя лежащаго подѣ деревомѣ и
 окруженнаго снрашнообразными и неви-
 данными живыми, кошорыхѣ какѣ
 на деревѣ, шаѣ и около его премножес-
 тво находилось. Они его беспокоили
 различными образами, и снрались у-
 снрашить. Такое необычайное позорннѣ
 и дѣйствительно представилось ему
 снрашнымѣ; онѣ вскочилѣ, и желалѣ
 быѣ ихѣ удалить; но чѣмѣ больше
 опешивалѣ, шѣмѣ больше оныхѣ ему
 встрѣчалось; они его ушѣсняли, шѣль-
 ко не дѣлали ему никакого вреда, онѣ че-
 го пришелѣ онѣ вѣ превеликое опчашнѣ,
 и не зналъ что ему начашѣ должно бы-
 ло. Вдругѣ увидѣлъ передѣ собою чело-
 вѣка, кошорой не сказавѣ ему ни слова,
 взялѣ за руку и повелѣ вѣ неизвѣстной
 пушѣ. Вскорѣ появились они вѣ такомѣ
 мѣстѣ; кошорое ежели описывашѣ, шѣ
 мало шанешѣ на это человеческой жиз-
 ни. Ограда зданнѣ, вѣ кошорое они во-
 шли, сколько была высока, шѣлько
 и великолѣпна; удивительное силеше-
 ннѣ и разныя изображеннѣ сдѣланныя
 всѣ какѣ будшобы изѣ одного яхонпа
 голубаго и прозрачнаго цвѣща, пред-
 ставляли его обншашнѣмѣ какого нибудѣ

первосташейнаго бога, а не чловѣка. Снопбы, ихъ подножія и изображенія изъ нихъ живошныхъ сдѣланы были изъ краснаго и шакже прозрачнаго камня. Когда вошелъ Силославъ съ проводникомъ въ разщворенныя вороша, шо благовоніе, краснаа деревьсѣвъ, порядокъ сшихій, умѣренное солнца сіяніе, цвѣсны и невообразительныя фоншаны привели его въ великое удивленіе. Онъ осшановился, и не смѣлъ ичши далѣе, спрашивалъ у провожанаго, кошорой однако ничего ему не ошвѣчалъ, и шолько принуждалъ ичши далѣе, кошорому Силославъ предпріялъ слѣдовашь. Венрѣчались съ ними пшцы ходящія по дорогамъ; онѣ имѣли на головахъ у себя вмѣсно хохловъ блещущія звѣзды, перья же были на нихъ огненныя. Чото цвѣпа, онѣ кошорыхъ пѣдали искры, онѣ чего земля пускала благовоніе, и наполняла воздухъ наипрѣишнѣйшимъ въ свѣшѣ аромашомъ; другіе, кошорые шолько же были прекрасны, лешали въ воздухъ, колебали оной крыльями, и дѣлали шѣмъ прѣишное прохладженіе. На деревьяхъ малаго рода, но великой прѣишности пшчки пѣли самъ. ж-

жвѣйшими голосами. Силославъ увидѣлъ въ пологихъ янтарныхъ берегахъ не весьма большой ринушой прудъ, копорой находился весь въ движеніи; на подобіе кипящей воды, на поверхности сей ринуши шюляли Тришоны, Персиды и Сирены, копорыя сосшавляли изъ себя хоръ; оной шюлько былъ прѣяшней слуху, что какъ скоро Силославъ его услышалъ, то ослабѣли его члены, и прѣяшней сошъ началъ закрывашъ его глаза. Проводникъ положилъ его на мягкую, или лучше на воздушную софу, гдѣ Силославъ опочивалъ весьма прѣяшно. Какъ скоро зашворилъ ошъ глаза, то мечшалось ему сіе :

Мимо шого мѣспа, гдѣ ошъ опочивалъ, проходила красавица со множешномъ дѣвицъ, не шюлько что неописанная, но и невообразимая; вела она за руку маленькаго и нагаго мальчика; подошдъ къ Силославу, и взглянушъ на него, усмѣхнулась съ самымъ прѣяшнымъ видомъ, и приказала мальчику сдѣлать шю, что ему приказано. Младенецъ вынулъ ширѣлку изъ калчана, копорой находился у него за плечами, положилъ на шениву, и ударилъ шупымъ концемъ

въ самую грудь Силославу, коюперой и во снѣ усмѣхнулся шкой прѣянной шумкѣ. Послѣ, спуспя иѣсколькo времени, когда они шли назадъ, шопѣ же младенецъ осирою и зодошою сирѣлкою уязвляѣ Силослава чувственшельно, копорой однако не проснулся. Красавица подошедъ къ нему его поцѣловала, и пошла прочь.

Силославъ никогда не выпускаѣ изъ мыслей своихъ Прелѣпы, проснувшись позабылъ о ней, вспалъ и пошелъ задумавшись исканшъ подобной шой, гошоря во снѣ ему мечталась; патннвшя его прѣянности изображены были въ глазахъ его; сшарал сшрасшъ усшупала мѣсно новой, и патала владычешнованшъ надъ дуццою его и сердцемъ. Онъ уже не удивлялся сверхъестественнымъ прелесшямъ шого мѣсна, въ копоромъ находился; сшрашная и непроходимая пущыня была бы ему прѣянице съ шою, копорая во снѣ показала. Патала ночь, копорая сшолькo была темна, сколько ясеѣ былъ день. Силославъ не вида нигдѣ никакого зданя, и не зная куда ишши, принужденъ былъ

оснавшись на томъ мѣстѣ, на коемъ онѣ находилась. Спустился очень мало времени все дерево неписаннаго сего сиди при корняхъ заторбался, и разноцвѣтной огонь поднимался онѣ часу выше даже до самыя вершины оныхъ; у сползающихъ по аллеямъ снѣжной оникрылись улы, которыя они въ рукахъ держали, и начало изъ нихъ выханы благовоитѣ; словомъ, вездѣ было освѣщено и вездѣ наполнено ароматами; все играло и все спаралось ушѣщаны Сидослава.

А меня спарался сонѣ клонитѣ, и шѣ пересналѣ я сказываны.

ГЛАВА VIII.

ВЕЧЕРЬ 18.

Продолженіе Сидославовыхъ приключеній.

Сидославъ сколько ни смущенъ былъ любовію, однако не преминулъ чинитѣ не осмолѣитѣ деревья, онѣ чего они горѣли и не перелѣвали; онѣ подо-

шедъ, началъ осматривать листы оныхъ, и увидѣлъ, что на каждомъ листочкѣ сидѣло по три огненныхъ червячка, оныхъ кошорыхъ свѣтилось шакъ, какъ будто бы оны свѣчки; потомъ продолжалъ оны пушь, хотя и не зналъ куда, и въ семъ упражненіи препроводилъ время даже до половины ночи. Наконецъ впереди увидѣлъ великолѣпное зданіе, и чѣмъ ближе къ нему подходилъ, тѣмъ красота и великолѣпіе его умножалось; стѣны сего зданія состоявали изъ кошорой неописанной родъ сомкнувшихся сполбовъ, кошорые точно походили на шѣ, изъ кошорыхъ на небѣ бывающіе явленіе; они передвигались съ мѣсяца на мѣсяцъ, и шѣмъ дѣлали, какъ будто бы все сіе зданіе находилось въ движеніи; между оными на голубой стѣнѣ блистали разные камни наподобіе яркихъ звѣздъ. Верхъ его, ежели предсказать сферу, сдѣланную изъ небесныхъ зонъ со всеми небесными знаками изъ самыхъ прозрачныхъ и разноцвѣтныхъ яхонтовъ, но это буденъ оны; на немъ еще сиялъ Солнце въ престолахъ, на кошоромъ лежало сердце, пылающее огнемъ, по сторонамъ коего сидѣли два

купилона играющіе между собою други-
ми сердцами. Огромное и превысокое
крыльцо, сдѣланное изъ полированного
и чистаго хрустала, которое все нахо-
дилось въ превеликомъ движеніи, для
того что по срединѣ оного подъ
хрусталемъ опускалась внизъ ршуня;
ошъ ея движенія и ошъ множестве
огней, ошъ прозрачности стекла, ка-
залось оно одушевленнымъ; по сторо-
намъ на каждой оной ршунени лежали
живые и пресиравые львы, которые
въ то время спали; и ежедѣль то
былъ не Сидослаѣвъ, то ошъ одного
ужаснаго ихъ дыханія должно было
пришши въ превеликой прешш. По-
бѣждаемый любовью Сидослаѣвъ прешу-
пилъ безъ робости въ сему великолѣп-
ному и ужасному зданію; ошъ шушилъ
на первую ршуненьку, не опасаясь снхъ
спрашлицѣвъ; и когда увидѣлъ, что
она неподвижна, тогда пошелъ ошъ въ
него, и хотя шелъ не весьма осшорож-
но не опасаясь львовѣвъ, однако ни одинъ
изъ нихъ не проснулся. У перваго нова
двери были расшворены; ошъ въ него
вошелъ, и увидѣлъ все рѣдко и патня-
ющее на свѣшъ великолѣпное украше-

нїе , порядокъ , чїстоту , и сверхъ , того освѣщенъ онѣ былъ премножесївомъ свѣчь и лампадъ , шолько не было шумѣ ни одного человѣка ; для чего Силославъ слѣдовалъ еще далѣе , и находилъ вездѣ расшворенныя двери . Прошедъ премножесїво великолѣпнѣ-убранихъ покосѣ , пришелъ онѣ къ залѣ , кошорая показала ему чрезвѣснѣснвенною ; снѣтнѣ чѣмъ освѣщены были , шого онѣ не моглъ разобранѣ , но шолько превелїчайшее было онѣ оныхъ блїсшанїе ; пола и пошолока вѣ семѣ залѣ онѣ не видѣлѣ , но вмѣстѣ оныхъ ясной и голубой небешной сводѣ ; кошорой украшало пресвѣтлѣе Солнце ; внїзу очень далекѣ земной шарѣ со вѣмн на немѣ обншанеламн , моря , горы , поля и долины , и словомѣ , все , чшо земля на себѣ имѣешѣ ; чего ради Силославъ не смѣлѣ переснунїши вѣ оную . Онѣ началъ разсужданѣ , когда нѣшѣ вѣ сей залѣ пошолока , и видны небеса ; шо должно , чшѣбѣ показались они мнѣ покрншые ночью , и украшало бы ихѣ не солнце , но блѣсннщїя звѣзды ; и шакѣ конечно еснѣ шумѣ чшо-нїбудѣ шакѣе , кошорого я проникнушѣ не могу . Разсуждая очень долго , увидѣлѣ ешома

и стулья сползли на воздухъ, шакъ какъ
будто бы на полу; онъ ошважился, и
пересчиталъ въ нее. Чшо его держало,
шого онъ не зналъ; однако шелъ по по-
лу, а это были написаны карпины,
кошорыхъ масшера шюль были искус-
ны, чшо водниа другихъ спрямленія
глазъ весьма собой далеко. Перешедъ Си-
дославъ залу, и шелъ въ покой; въ
ономъ шюляа кровань съ опущенными
завѣсами, кошорыѣ онъ поднялъ, и
увидѣлъ на ней весьма въ крѣпкомъ
онъ прекрасную женщину; чшобъ не по-
шревожншь се, опуенилъ ошорожно
опань завѣсы, и слѣдовалъ далѣе, гдѣ
находилъ еще нѣсколькo сонныхъ жен-
щинъ подобныхъ первой. Наконецъ на-
шелъ въ одномъ покоѣ кровань шакже
съ опущенными завѣсами; она была со-
всѣмъ первымъ неподобна; украшеніе
ея и видъ шюль навиная Сидослава,
чшо онъ не хонѣлъ вышши ошшуда
цѣлую ночь. Не посмощря еще, кино ле-
жншь на кровани, приближился онъ къ
ней; и какъ скоро ошшрылъ завѣсы,
шо рука его держа ошше онѣмѣла; шрас-
шное его сердце, казалось ему, какъ буд-
то бы съ прешеликимъ спрямленіемъ дви-

нулось съ мѣста ; онъ обомлѣлъ, и сно-
ялъ долго неподвиженъ. Тушъ опочивала
самая ша красавица , которая во снѣ
ему мечталась. Пришедъ нѣсколько въ
себя , говорилъ онъ мысленно : боги
властннтели надъ нами ! вамъ извѣстно,
кого я вижу , кто она и всѣ ея пре-
дѣли ; скажите мнѣ , еслили въ ней
что - нибудь смертное , что я проник-
нуть не могу , еслили тушъ какая-ни-
будь земная красота , или только одна
небесная покрываетъ ея лице. Онъ бы
еще и больше продолжалъ свое восхище-
ннѣ , но прѣлной сонъ началъ клонить
его голову ; и хотя Сидославъ и хотѣлъ
встать , какъ повелѣвала ему
благотрнщнноснѣ , однако усомленная
покойною дремоною его мысли принудили
его уснуть подлѣ кровати на креслахъ.

Проснувшись по утру , прежде всего
бросилъ онъ взоръ свой на кровать ;
однако уже никого на оной не увидѣлъ.
Тушъ пришелъ онъ въ превеликое ошча-
ннѣ , и укорялъ самъ свое неснорожноснѣ ,
негодннѣль на несннрпимое свое желаннѣ ,
и думалъ , что она только одна ош-
ннмаетъ у него надежду. Перобкое и ош-

важное геройство ! побою потерялъ я
 наипрелесннѣйшій для меня дѣдменъ ;
 побою величясь вошелъ я сюда ; онъ
 нивсей дерзости привелъ на гнѣвъ пре-
 красную изъ всѣхъ смертныхъ богиню.
 Когда же ны ввело меня въсю погибель,
 но непременно должно меня и освобо-
 дить изъ оной ; и шакъ вснавши пошелъ
 вой изъ сего зданія. Пришедши въ залу,
 увидѣлъ полъ и пополокъ , кошорые
 скрывались въ вечеру онъ его взора ;
 пришедъ на крыльцо , увидѣлъ онъ
 спранныхъ львовъ бодро сполющихъ ,
 кошорые какъ скоро его увидѣли , лег-
 ли , и головы приклонили въ знакъ по-
 винновенія. Крыльцо не находилось уже
 въ движеніи ; и шакъ Силославъ безъ
 робости сошелъ съ него , и слѣдовалъ
 своему желанію и водящимъ глазамъ
 своимъ.

А я послѣдовалъ дремотѣ и пошелъ
 на посшелю.

и-

ГЛАВА IX.

ВЕЧЕРЬ 19.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Упреннее время довольно было способно къ тому, чтобъ Силославъ осматрѣлъ всѣ сіи прекрасныя мѣста и увидѣлся о ихъ неограниченной добротѣ; однако пламенная любовь вела его не къ любовнышесву, а къ сысканію того предмета, которой, какъ казалось ему, украсяетъ собою все сіе великолѣпіе. Прощедъ нѣсколько дорогъ, увидѣлъ онъ впереди шрехъ весьма великолѣпно одѣтыхъ женщинъ; они шли му на встрѣчу, и сошедшись сдѣлали ему привѣщеніе, шакъ какъ чужезраніюму чловѣку, и просили, чтобъ онъ сдѣлалъ имъ шоварищество проходившя по саду; онъ чего Силославъ не желалъ ошговоришя. Будучи съ ними, со всякою учинивоснїю спрашивалъ ихъ, кто онѣ шакovy, и кому принадлежишъ все это и еликолѣпіе; которое онъ видишъ; однако ошвѣшы ихъ не обшясляли ему ни-

чего иного, о чемъ онъ хотѣлъ провѣ-
даны. Одна изъ сихъ женщинъ, кошорая
казалась побольше другихъ достоин-
ствомъ, съ позволенія прочихъ просила
съ собою Силослава; онъ за нею послѣ-
довалъ, а другіе ихъ оставили, и по-
шли въ свой путь.

Женщина прошедъ нѣсколько, на-
шла уединенное мѣсто, сѣла на софу,
и просила также Силослава; потомъ
начала говорить ему слѣдующее: Я знаю,
государь, что ты чужестранецъ, и
находишься теперь въ такомъ мѣстѣ,
кошорое, ежелибы я старалась объяс-
нить тебѣ всѣми силами, но и тогда
бы не могла; а однимъ словомъ скажу
тебѣ, что это мѣсто находишься не на
землѣ; оно принадлежитъ нѣкошорой
весьма безобразной волшебницѣ, и ко-
шорая при всей своей глупости имѣетъ
опроду сно дванцать лѣтъ. Она бывая
часно на землѣ, увидѣла нѣкогда себя,
и смертельно влюбилась; и для того
чтобъ представиться тебѣ важною,
распворила землю послѣ сраженія сво-
его съ Полканомъ, и волшебскою си-
лою перенесла себя въ сіе мѣсто. Она

железѣ съ шобою совокупишья. Это правда, что ны увидишь ее красавицею; она имѣетъ эстетъ даръ, что можетъ перемѣнить гнусность свою на неизбръжлемую красоту: но это можетъ она сдѣлать на одинъ часъ, а послѣ представшия шебъ еноль скарденною и гусною, что ны проклинашь будешь свою жизнь, и придешь оиъ шого въ превеликое ошчаше. На шей кроватѣ, подаѣ кошорой ны ночевать, опочивала она, имѣвши на себѣ ель въ прекрасной видѣ, въ коемъ ны ее нашла, и усынула шебя шуиъ для шого, чтобы ны не могъ видѣшь гуснато ея вида, когда по необходимости должна она была оставишь прекрасной шонѣ образъ. Меня не другое что принудило шебъ изъленишь, это, какъ шолько одно врожденное во миѣ сожалѣше, и ны не подумай, чтобы была причиною шому какая еирасшь, кошорая сдѣлала меня къ шебѣ преданною. Выговоривши это, нѣсколько она за красѣлась, и говоришь пересшала.

Силославъ выслушавши все, не зналъ какъ располковани ея слова; оиъ

былъ не легкомысленъ , я сверхъ того любовь не позволяла ему вѣрнѣе ни мало такому порученію ; и шакъ при- шворясь , будно бы вѣрнѣе всему по- му , что она ни сказала , говорилъ ей сіе : Государыня ! ежели ты берешь у- частіе во всемъ шомъ , что до меня принадлежитъ , и ежели малое мнѣ по- врежденіе прогаешь нвое сердце , то прошу тебя , еснли есншь къ шому способъ , покажи мнѣ ея безобразе , чтобъ шѣмъ возъмѣлъ я къ ней пря- мое омерзѣніе , и почувспвовалъ бы въ сердцѣ моемъ непримиримое ошращеніе. Я признаюсь тебѣ , сударыня , что пре- лесни ея вошли въ мое сердце , и гос- подспвуютъ надъ моимъ помятѣмъ. Все мое спараніе и все шруды прилагаю я къ шому , чтобъ увидѣшь прекрасной ея образъ ; я его починаю божествомъ , и ничто кромѣ очевиднаго свидѣнелспва не можешъ привести меня на другія мы- сли. При семъ словѣ изобразилась на лицѣ ея досада , и она съ превеликимъ гнѣвомъ начала выговаривать многія поносныя слова шой , кошорая наѣнила Силослава. Это чудовище , говорила она , недостойно не шолько что швоей любви,

Часть II.

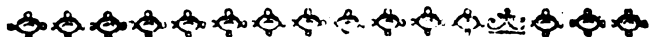
Е

но ниже одного взгляда ; ты очень безрассуденъ , что одна обманчивая поверхность могла произвести въ тебѣ любовь и наполнишь сердце свое вѣжностью . Эта фурия , оиѣ которой должно было бы тебѣ убѣгать , сдѣлала то , что ты всюду слѣдуешь за нею . Выговоривъ сіе ахнула она , и начала неутихнимо плакать . Силославъ бросился утѣшать ее , и думалъ , что причиною тому ей досада и превеликая независимость къ волшебницѣ , но оиѣ нашелъ совѣтъ прошептѣе своему мнѣнію ; ноги ея и шѣло по самыя груди окаменѣли ; блѣдность покрыла лице ея , и ужасное шрясеніе всшупило въ оставшіе ея члены . Я не какось , говорила она , что наказана за мою дерзость , пошому что я того достойна ; но сожалѣю о томъ , что не могла пользоваться шѣмъ , что мнѣ сдѣлалось милѣе всего на свѣтѣ . Это ты , продолжала она , за котораго я теперь наказана ; поди оиѣ глазъ моихъ , и не умножай моего мученія ; больше не лгя мнѣ выговоришь тебѣ ни одного слова , прости . . . Силославъ сколько ни старался утѣдѣншю тому причину , однако не получалъ оиѣ нее ни-

какого ошвѣща. Такая чрезвычайность привела его въ великое удивленіе, и онъ не хотѣлъ оставишь ее, не извѣстиясь о такомъ чудномъ превращеніи; но разспавшіяся съ ними женщины пришедъ присовокупили нѣсколько слезъ къ окамененной женщинѣ, повели его съ собою въ то зданіе, въ кошоромъ препроводилъ онъ ночь, и иуишь оставили не сказавъ ему ни одного слова. Силославъ будучи шуишь, принужденъ былъ ожидать неизвѣстнаго; вскорѣ увидѣлъ онъ множество идущихъ къ себѣ женщинъ въ бѣлыхъ и въ великолѣпныхъ одеждахъ, между кошорыми и ша, коя паѣшила Силославо сердце. Увидѣши ее пришелъ онъ въ превеликое замѣшательство мыслей, сдѣлался неподвиженъ, и словомъ, окаменѣлъ. Видѣ ея сколько былъ важенъ, сколько и нѣженъ; глаза наполнены были неприсшупнымъ величествомъ, съ кошорымъ обитало вмѣстѣ и великое снзхожденіе. Величественная гордость и врожденная лѣжному полу пріятность раздѣляли Силославо помышле, и онъ хотѣя не хотѣлъ, однако зашворилъ уста свои, и не могъ ошважнись прежде сдѣлать

ей привѣщивъ. Она подошедъ къ софѣ сѣла на нее, и говорила другимъ женщинамъ шакъ: Я хочу оснашья здѣсь на нѣсколько времени уединенною; оснавьте меня на часъ, и подише, куда каждая изъ васъ изволишъ. Всѣ женщины сдѣлавъ ей съ великимъ подобоспращіемъ почщеніе, пошли немедленно возъ, за конорыми послѣдовалъ было и Слославъ, однако она удержала его, сказавъ, что имѣншъ до него великую нужду; и шакъ оснались они шунъ двое.

Когда захочешя снашъ, шогда и важныя дѣла на умъ не пойдушъ, не шолько сказки. Тушъ я едремалъ, и пересналъ разсказыванш.

ГЛАВА X.

В Е Ч Е Р Ъ 20.

Продолженіе Слославозовыхъ приключеній.

Государь мой, говорила она ему! шаквою ли я шевъ кажусь, какою описывала ша женщина, конора была

сѣ тѣбою въ моемъ саду? я не спѣраюсь защищать себя. Государыня моя, ошвѣнснвовалѣ ей восхищенной Силославѣ: возможно ли, чшобы я повѣрилѣ шакому препорученію, и видя предѣ собою божество, захотѣлѣ бы мысленно прешворить его въ безобразіе. Много этой чесни для меня, говорила она; я не богиня, а смертная, и не волшебница по словамѣ недавной швоей прѣшельницы. Пономѣ иѣсколько поговора шакимѣ образомѣ начала она ошкрывать ему свою любовь, онѣ конорато ошкрышѣ Силославѣ насилу моѣ удержашѣ въ себѣ восхищенной духѣ. Сердце его зашрепепало, и уша ишполнилась бешмолвѣмѣ. Онѣ хотѣлѣ говорить, но возбужденныя мысли предупредѣли его изреченія и дѣлали его безсловеснымѣ; словомѣ, восхищенія его и пламени извяснишѣ ему ни коимѣ образомѣ было не возможно. Она вшпавши сдѣлала ему знакѣ, чшобы онѣ послѣдовалѣ за нею, куда немедѣлѣнно онѣ и пошелѣ. Пришедѣ въ опочивальню, исполнила она произволеніе боговѣ и спрасшную волю; пономѣ взявши ево за руку, пошла вонѣ изѣ сего зданія. Какѣ шолько вышли они на

крыльцо, то Силослабъ услышалъ по всему саду необыкновенное согласіе весьма пріятной музыки; неизъясненное веселіе лепало по всему саду, и онъ великой радости казалось, что и деревья находящаяся въ движеніи. Спящія подлѣ крыльца Нимфы въ брачныхъ одѣянїяхъ запѣли пошчасъ пѣсни однимъ только богамъ приличныя; и когда она вела его по дорогѣ окруженнаго всѣми небесными прелестіями, тогда Купидоны бросали подлѣ ногъ имъ цвѣты, и пускали всякіе ароматы въ воздухъ. Пришли они къ шой окамененной недавно женщиной и увидѣли ее весьма горько плачущую. Повелительница сказала ей съ гордымъ видомъ: я себя прощаю, помни долгъ, и не опваживайся на шакія предпрїятія. Рыдающая женщина снала пошчасъ въ прежнемъ своемъ образѣ, и наполнилась превеликою радостію, благодарила боговъ, и упала передъ нею на колѣни, извинялась въ своемъ погрѣшеніи, которой однако приказано было пошчасъ бешань. Любовница Силославова извиняясь передъ нимъ осватила его съ своими Нимфами, и пошла въ неизвѣстную Силославу дорогу.

Потомъ иѣсколько спустя времени пришелъ къ нему человекъ весьма великолѣпно одѣшый, и казался больше бышь богомъ, нежели человекомъ, которой сказалъ Сидославу повелительнымъ и величественнымъ голосомъ, чшо-бы онъ последовалъ за нимъ. Идучи наполнился Сидославъ великимъ страхомъ онъ невоображаемаго великолѣпїя, и чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ больше всмрѣчалъ его великой ужасъ. Глаза его не находили конца великолѣпїю, а мысли воображенїямъ. Все, чшо онъ ни видѣлъ, было для него ново, прелесно и ужасно; по дорогамъ разные испуканы разнаго изображенїя и разныхъ металловъ приводили помянїе его въ замѣшательство. Деревья, фонтаны, которыхъ ни какъ объяснить не возможно, осенявали его въ уши, приыгали къ себѣ взоръ, и дѣлали мысли его неспособными къ разсужденїю объ оныхъ. Потомъ когда пересѣдало бышь въ глазахъ его сплещенїе древесное, шо открылась весьма обширная долина; она исполнена была всѣми шѣми прїятносшями, какїя шолько человекъ выдумать можетъ между людьми; но природа украсила ее

еще больше своими дарованіями. Сколько была проспранна сія долина, сколько множесиво имѣла въ себѣ и людей, только всякой имѣлъ свое мѣсто и по-другу, и ни одинъ другому въ забавахъ не препяшествовалъ. Женщины украшали мужчинъ цѣлпами, и украсивъ ихъ любовались ими, осызали ихъ, цѣловали, ласкали, и словомъ, показывали имъ всѣ шѣ пріятности, коими наградила природа нѣжной полѣ женской. Со всякою парю присушествовалъ Кунидонъ; онъ имъ всякую минушу предсавлялъ новыя увеселенія, умножалъ въ сердцахъ ихъ жаръ любовной и старался ежеминушно привести любовь ихъ къ совершенію. Тушъ присушествовала радость, левицныя игры и пріятныя смѣхи; у всякаго на лицѣ изображено было восхищеніе; всякой прославлялъ природныя дарованія, и всякой охотно старался умножить спросъ свою къ прекрасному для него предмету и показать, что онъ онъ всего усердія жертвуемъ ей сердцемъ и всею жизнію. По серединѣ сей пріятной долины находилась преогромная и превысокая гора, вершины которой Силославъ увидѣшь не могъ,

но только блистало на ней свѣтлозарное солнце. Гора эша сдѣлана была вся изъ слоновой кости съ превеликими усупами, и внуши съ прегромными жилищами; съ самаго верху по одной сторонѣ низпадалъ съ прѣшнымъ и шихимъ журчаніемъ великой иссточникъ, и прошекалъ всю долину до окончанія; изъ кошораго съ превеликою жадностію пили все находящіяся въ долину люди: но вода его смоль была вкусна и прѣльна, чю никогда они насыщались оной не могли. Выходъ на сію гору весьма былъ пространенъ, и имѣлъ частыя ешупени. Проводникъ Силославовъ повелъ его за руку; Силославъ идучи находилъ всякую прѣшность, всрѣчалъ разныхъ и украшенныхъ самою природою животныхъ, разнаго рода птицъ, и слономъ, все чего шолько вообразишь не можно. Пошомъ пришли они на возвышенную площадь, кошорая услана была вся золотыми коврами; по серединѣ оной стояло весьма великолѣпное и огромное зданіе; стѣны онаго осыпаны были все дорогими и рѣдкими камнями; крупныя жемчужныя зерна лежали узорами на оныхъ; рубины и карбункулы

докапчивали все оное великолѣпіе; двери сего зданія находились распворенными. Они вошли немедленно въ оное. Сило-славъ какъ скоро взглянулъ на сіе невоображаемое великолѣпіе и богатство, то не только исполнился удивленіемъ, но и довольно ужаснулся. Все, что есмь на землѣ, всѣ оныя сокровища не могли бы сосчитать и половины того, что онъ видѣлъ. Тутъ сидѣли и ходили равно какъ и первые влюбленные люди; они были также веселы какъ и нѣ, но только нѣкоторое малое неудовольствіе являлось на ихъ лицахъ, и казалось, какъ будто бы чего-нибудь имъ не досзаенъ. Женщины не такъ были къ нимъ привѣтливы, какъ къ первымъ; и хотя ласкали ихъ, однако чаще взглядывали на лежащія на столахъ сокровища. Всякая выбирала лучшее себѣ украшеніе, и чаще подходила къ зеркалу, нежели къ любовнику. Тутъ мужчины больше ходили за женщинами, нежели женщины за мужчинами, хотя долгъ и природа повелѣвающъ женщинѣ повиноваться мужчинамъ.

А я повиновался дремошѣ, кошорая господствовала мною больше нежели любовь.

ГЛАВА XI.

ВЕЧЕРЬ 21.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Оснанивъ сихъ, сѣдовали они еще выше, и бывъ довольное время въ пущи, вышли на пространную площадь, кошорая обнесена была кругомъ миршовыми и лавровыми деревьями; также вокругъ сшояли позлащенные жершвенники, на кошорыхъ пламенники не угасали; подлѣ всякаго жершвенника сшояли на колѣнахъ приклонивъ голову Государи въ коронахъ и въ порфирахъ; по среднѣ сего необображаемаго круга находился храмъ сдѣланной весь изъ одного изумруднаго камня на подобіе сплещенныхъ деревъ и былъ сшолько зелѣнъ, какъ самая цвѣтущая мурава; между кошорыми вмѣщены были розовые яхонны, кои изображали живые цвѣтцы; по чешыремъ сшоронамъ храма сшояли изъ чистаго золота великіе несущаваны; они иѣсколько катнулись и держали на плечахъ голубые яхоншовые ша-

ры , на которыхъ имѣли движеніе блестящія звѣзды , и казалось , какъ будто бы сіи испуканы были одушевленны. На верху свода , коюрой изображенъ былъ куполами , снопялъ пресполъ , изъ какого мешалла , объ эпомъ Силославъ увѣдши не могъ , но только онъ снопъ былъ ясенъ , что самое солнце не превышало его блиспанія ; на пресполѣ снопялъ Купидонъ изъ такого же мешалла , и держалъ въ обѣихъ рукахъ сердце , коюрое пылало необыкновеннымъ пламенемъ , и летящія отъ онаго внизъ искры зажигали на жерпвенникахъ пламенники. Силославъ съ великимъ страхомъ всшупилъ въ сей храмъ , и не нашелъ въ немъ ничего земнаго , но одна небесная красота шумъ обинала. По серединѣ храма весьма на возвышенномъ пресполѣ покрытомъ багрянницею , и выше того , какъ будто бы на прозрачномъ и бѣломъ облакѣ сидѣла нагая богиня Лада въ одномъ только шайнспвенномъ поясѣ , коюрой сплешенъ былъ преудивительнымъ масшершвомъ ; на немъ видны были самыя пѣняющія прелести , пріятности , любви , желанія , веселія , шайные переговоры , неовни-

ные обманы, примащивыя улыбки и прелестныя забавы, плѣняющія духъ и мысли самаго разумнаго человека. Видѣя сполько былъ величественъ, чшо Силославъ какъ скоро взглянулъ на нее, шо увалъ на колѣни. Не не досматало въ шомъ прекрасномъ ея образѣ ни розъ, ни лилей, ни смѣшенныхъ любезнѣйшихъ вещей, ни пошасенной красоны плѣняющей глаза, ниже прѣяшности превосходящей и самую красону, а всего онъ превсполненъ былъ. Радоснь являлась у нее на глазахъ, а на щекахъ смѣхъ; и хоня прелести ея онъ шого не умножались, однако прѣяшнѣ снчновились. На каждой снупени передъ пресшоломъ снѣбли Граціи въ бѣломъ платьѣ, и богъ любви Дидъ (*) игралъ по срединѣ ихъ невинными забавами. Богиня взглянувъ весьма снисходительшо на Силослава, говорила ему шакъ: Познай Силославъ шу, кошорая по произволенію боговъ и по своей волѣ совокупилась съ шобою въ моемъ обншаніи; для чего шпо сдѣлано, шеперь я еще шобъ не ошкрою, и кшо

(*) *Дидъ* сынъ Лады, Богъ Славенской, веселія и любви. Онъ шомъ же чшо *Купидонъ*.

онъ себя произойдетъ, и то будетъ сокрыто до времени. Снизхождение мое приносилъ тебѣ великую славу, и ты долженъ теперь считатьъ себя счастливымъ: всѣхъ смертныхъ; оно же не принесло огорченія и любовницѣ твоей Прелюбви, но величайшую славу. Лада сіюющая завсегда безмерною красотою и небесною славою, сдѣлалась ей совѣтницею: это ей не досаду, а великое увеселеніе приключилъ должно; ибо она владѣетъ нѣмъ, что и сами безсмертные имѣли бы хотѣли. Спасла въ превеликомъ подобострашнѣмъ поклонилась ей до земли, благодарилъ за ея снизхождение, и просилъ всемогущаго ея покровительства. Что богиня обѣщала ему съ охотою, и потомъ указавъ на проводника, сказала Спаславу: Юношѣ человекъ опровергъ тебѣ все съ тѣмъ здѣсь случившееся; пойдѣ, и больше ни въ чемъ не сомнѣвайся. Спаславъ конечно не похотѣлъ оставитъ сихъ предешей, или бы съ великимъ принужденіемъ по сдѣлалъ; но напѣвшая его сердце Прелюба по соизволенію богини вселилась опять въ его память по времени ошущивши.

адъ. Онъ распорилъ подъ тобою пропасть, кошорая пожрала тебя и ты упалъ въ страшную адскую долину; но богиня Лада соизволеніемъ великаго Перуна искупила тебя изъ оныя; я тебя выгелъ и привелъ въ ея обитаніе. Нимфа ея хошъла обманомъ тебя прельспишь, и за то обращена была въ камень. Геноръ долженъ я показати тебѣ мѣсто, кошорое назначено было тебѣ отъ Чернобога и разеказати тебѣ превращеніе Подканова. Въ скоромъ времени вышли они изъ прекрасной долины и пришли въ некое мѣсто, гдѣ обинали страхъ и ужасъ.

Эшо была пресстрашная долина; земля ея покрыта была вѣчнымъ льдомъ, а деревья инеемъ, и кошорую солнце никогда не озаряло плодощеорными своими лучами, и на кошорую небо всегда сморшишь свирѣными глазами. Положеніе свое имѣла она между двумя преевысокими горами; земля сее долины производилъ шолько одни адвинныя зелья, и зима бываешъ шамъ чрезъ все время года, шакъ что холодной воздухъ часто захватывалъ у Силослава дыханіе, а морозъ проходилъ сквозь его одѣаніе.

Вдали видны были мрачныя поля, на кошорыхъ земля вся изрыта была возвышенными поверхностями могилъ на подобіе ужаснаго кладбища, между кошорами шанахся усопшія шѣни; иныя казалися всшающими изъ гробоевъ, а другія укрывающимися. Гуспой и замерзлой воздухъ дѣлалъ мершвецовъ еще блѣднѣе, нежели они въ самой вещи суш. Изъ могилъ выходили ключи, и соединясь вмѣстѣ, дѣлали изъ себя кровавую и великую рѣку, по кошорой шыли усопшія шѣла, шарыя человѣческія косши и раздробленныя головы. Рѣка сія упадала въ проспранную пещеру, кошорая весьма далеко вдалась въ гору; ошвершнѣе ея обросло сухимъ проспранникомъ и голыми вѣшьями; вмѣстѣ шихаго журчанія слышны были шамъ печальныя воздыханія и шшонъ. Свидѣ повелъ Силослана въ ужасную пещеру, кошорая при подошвѣ другой горы находилась. Какъ шолько они въ нее вошли, шо превеличайшій ужасъ объялъ Силослава, и онъ не хошѣлъ далѣе слѣдовать. Пещера сія была весьма проспранна наподобіе какого-нибудь шрашняго храма; шнѣны ея увѣшаны были

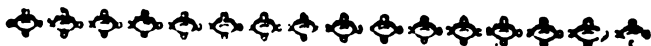
Часть II.

Ж

черными и разодранными сукнами, на копорыхъ висѣли пробиныя шпѣламы щипы, изломанныя оружія, поврежденные шлемы и кальчуги, копорыя всѣ покрышы были запекшеюся кровію; освѣщена она была смоляными факелами, ошъ копорыхъ копоти и дыма умножался пуще въ оной мракъ; по срединѣ и во всѣхъ мѣснахъ снояли разкрышыя гробы, подлѣ копорыхъ лежали и крышки; въ нихъ находились шѣла тѣхъ Государей и полководцевъ, копорыя проливали въ жизни своей всякой день неповинную кровь. Чудовище сперегло двери сего мрачнаго жилища, у котораго испекала изъ рта запекшася кусками кровь, изъ раздавленныхъ глазъ безпрестанно капали слезы, зубави повсеминутно скрежешало, съ языка мшекала у него смертоноспой ядъ, плашье на немъ все было въ крови, и около головы шивѣли премножешествовавши.

Сдѣлавъ шакое страшное описаніе пререшалъ в рассказывашь.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЬ 22.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Вошѣ шушѣ преддверіе ада, говорилъ Свидѣ Силославу, и эпо еще одно только его начало; по произволенію богини долженъ я тебѣ показати его весь. Черезъ сію пещеру не возможно тебѣ пройши имѣвъ въ себѣ безмернѣе, и шакъ пойдѣмъ на гору, съ коюторой ны будѣшь смопрѣшь въ сіе ужасное обипаніе пѣней. Пошомъ вывелъ онѣ его на поверхность горы, и показалъ съ оной всѣ адскія мученія.

Силославъ какъ скоро взглянулъ въ ту наполненную всякими мученіями бездну, то какъ ни храбръ былъ, однако пришелъ онѣ того въ превеликой ужасъ. Какъ скоро обрапилъ онѣ глаза за гору, то онкрылось ему сіе ужасное видѣніе. Небо, земля и воздухъ сиюль были мрачны, какъ самая шемная и пасмурная ночь; подъ низкими бесами ходили превеликія шучи, коюторыя имѣли цвѣтъ не

Ж 2

подобіе зарева ; на оныхъ сидѣли огнен-
 ные дьяволы разнаго и невоображаемаго
 вида ; по землѣ извивалась огненная рѣ-
 ка , въ кошорой плавали мучащіяся ле-
 ди ; въ нее выдала другая кровавая рѣ-
 ка , и оныя соединенія ихъ происходилъ
 великой шумъ ; сненаше людей и дви-
 женіе непорядочныхъ сннхій производи-
 ли несносной слухъ ушамъ. За сими рѣ-
 ками находилась весьма обширная про-
 пасшь , кошорая выбрасывала изъ себя
 премножесшво огня , и кошорой достгалъ
 до самыхъ облаковъ. Въ семъ огнѣ выле-
 шали на воздухъ люди , кон падали въ
 огненную рѣку , кошорая влекла ихъ
 оняшь въ шу пещеру. Всякую минушу
 превелчайшій и сѣдой бѣсѣ привозилъ
 хъ ушю по кровавой рѣкѣ по поаной
 лодкѣ беззаконниковъ , и вмщю окидывалъ
 ихъ въ огненную рѣку ; со всѣхъ снѣронѣ
 стоняли бѣсы людей въ огненную шу
 пропащю , и киѣли люди , огонь и рѣ-
 ки на подобіе обуреваемого Океана. Епро-
 чемъ ми огонь не могъ нагрѣшь воздухъ
 ми морозъ преодолѣшь огня , а всякое на-
 ходилось въ великой силѣ. На ошкрытыхъ
 шамъ поляхъ , гдѣ шюли подѣ вѣчнымъ
 инеемъ деревья , и гдѣ были снѣрашншья

кладбища, обитала ужасная стужа, и люди иѣкопорые бѣжали изъ огня въ оную, но снести ея ми одной минуши не могли, и пакѣ возвращались оныи въ неугасимое пламя.

Свида говорилъ Силославу: вонѣ какѣ жестоко наказуются злые люди; пойдемъ, я шебѣ покажу докончаніе сего ужаснаго видѣнія. Пошомѣ повелѣ онѣ его на другую гору, пришедѣ въ средину, ввелѣ онѣ его въ самое верхнее и огромное зданіе, которое онѣ дивнишихъ вѣковѣ сдѣлалось все наподобіе земляной и черной пещеры. Туиѣ находились всѣ выдуманныя на земли шираними мученія, и висѣли по стѣнамъ аналитическія орудія. Далѣе въ послѣдующей комнатѣ, когда они вошли, то увидѣли человека сидящаго на камнѣ, и прикованнаго къ двумъ столбамъ сходящимъ подѣ оного, на котораго сверху упала расплеченная и огненная смола. Онѣ спешалъ и рвался сколько опчаянно, что Силославъ смочилъ на него прослезился. Свида увидя сожалѣніе Силославова, говорилъ ему: это шонѣ, котораго ты поразилъ передѣ годомѣ Русомѣ. Это Полканѣ, вскричалъ Сило-

славѣ съ превеликимъ удивленіемъ. Да, эпо онѣ, ошвѣчалѣ ему проводникѣ, имѣвшій уже на себѣ опянь образѣ челоуѣка. Я вижу, продолжалѣ онѣ, что мученіе его шебя шрогаешѣ, но перемѣнишь воли богоуѣ не возможно; ибо онѣ достоинѣ сего; и шакѣ выдемѣ воуѣ, я шебя увѣдомляю о его судьбинѣ. И шакѣ вышедши вѣ первое мѣсно, началѣ разсказывашѣ Свида Силославу шакимѣ образомѣ:

Полкамѣ, прежде называемой Аскалонѣ, сынѣ Азана Князя города Рука, бранѣ Зинандишѣ, по возрастѣ своемѣ влюбился вѣ родную свою сеснуру, и возжелалѣ непременно имѣшь се своею супругою, не смощря на благоприснойность, на законѣ, ни на самую природу, предложилѣ онѣ нѣкогда ошцу своему о шаккой чрезвычайности; но Азанишѣ вѣ первой разѣ лишилѣ его всей надежды, шакѣ какѣ долженствовало разумному и шпротому ошцу. Аскалонѣ пришедѣ онѣ сего вѣ превеликое ошчаянтіе, позволилѣ умножись вѣ сердцѣ своемѣ безразсудной оной шпрасни, кошорая наконецѣ сдѣлала его злымѣ и независнымѣ кѣ своему родителю. Онѣ предпріялѣ ли-

внѣтъ его живота, и тѣмъ получить его царешво и желаемую невѣсту: чего ради ошкрылъ онъ сіе Горгону первому Министру, злому и ненасытному чело-вѣку, которой давно уже предпріялъ похищить Руской преспола. Горгонъ ви-ди къ тому удобной случай, не упустилъ, чинобъ не поданъ Аскалону совѣта; ибо онъ вѣдалъ, когда Аскалонъ умершвишъ своего ошца, шо народъ не оставишъ его безъ ошмщенія, и лишишъ наслѣд-наго преспола; а ближе къ оному не было, какъ Горгонъ. Онъ предложилъ ему, чинобъ вызванъ Азаша на охоту, и бышъ съ нимъ шолько имъ двоимъ, а шамъ безъ свидѣшелей лишишъ его жи-ви. По предложеніи Азашъ на сіе согла-сился; однако взялъ съ собою одного изъ вѣрнѣйшихъ придворныхъ, копо-рой никс да и нигдѣ онъ него не оп-сшавалъ. Вхавши до мѣсна охоты, за-ѣхали они въ священную рошу, копо-рая посвящена была великому Чернобо-гу, и шущъ на нѣскольво времени ошпа-новились. Прекрасныя мѣсна сей бже-сшвенной роши понудили Азаша съ сво-имъ наперстникомъ пойти для разсмо-прѣшя ошыхъ, а Аскалонъ съ Горгономъ

Ж 4.

Пошли въ другую дорогу для утрежденія
своего предпріяшя.

Азанъ съ своимъ наперсникомъ
разсмащризалъ прекрасныя мѣсна, уви-
дѣлъ на одномъ пригоркѣ натаго юношу
въ ябичѣ, кошею сдѣланъ былъ изъ
лиственъ пламяноваго дерева. Онъ вы-
скалъ поспѣшно изъ превеличайшаго
жания чашу, и которая была почпи
уже соевѣлъ опдѣлана. Азанъ подошед-
ши къ нему, весьма тому удивился, и
спросилъ юношу: На что такая вре-
огромная чаша годится, и кому онъ дѣ-
лаешь. Юноша обернувшись къ нему
опвѣчалъ шакъ: я дѣлаю ее гражданамъ
Рускимъ, а годится она къ шому, чтооъ
собирашь въ оную со всего города и съ
его окресностией кровь и слезы. Азанъ
ихъ Князь убившъ будешъ онъ роднаго
своего сына Асклона; произойдушъ онъ
шого великя замѣнащельсшва, слезы и
кровопродлишя; а поспѣшаю я для шого,
что это сего дня исполнитъсѣ должно.
Азанъ какъ скоро еіе услышалъ, шо
поги его подогнулись, сердце окаменѣло,
я не могъ сказашъ больше ни одного
слова. Юноша шовъ исчезъ, а наперст-

никъ привезъ его безчувственнаго во дворецъ.

Въ эпошъ я вечеръ кончилъ такъ, а въ другой началъ иначе.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЪ 23.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Аскалонъ и Горгонъ идучи располагали свое предпріятіе. Сердца наполненныя злошью никакой прекрасной предметъ прокушъ не можешъ; чего ради не разсматривали они украшенія природныя. Нопомъ увидѣли въ дали прекрасную дѣвушку, копорая спала подлѣ весьма тихо журчащаго испочника на мягкой и зеленой шравѣ; не красота ея, а единственно одно любопытство повело къ ней сихъ двухъ злобныхъ челонѣкъ. Они уже были очень близко подлѣ ея, какъ увидѣли съ великимъ спремленіемъ бѣжащаго къ ней преспрашнаго вепря, копорой въ

Ж 5

великой ярости ушиблъ растерзати ее на части. Аскалонъ и Горгонъ вооружась пресѣкли его снрремленіе, и положили шуиъ мершваго. Аскалонъ когда разпоролъ ему саблею чрево, шо кабанъ испушилъ преужасной ревъ, и разбудилъ спящую подлѣ ручья дѣвицу. Она ошкрывъ глаза благодарила Аскалона за его избавленіе, и обѣщала ему служить всѣмъ шѣмъ, чѣмъ шолько она можетъ. Конечно бы шы сударыня умерла, говорилъ ей Аскалонъ вкладывая свой мечъ, ежели бы мы не ускорили нашей помощью. Я за это обязана вамъ служить, ошвѣстивъвала дѣвушка, хоня въ эшотъ день и не предшисано мнѣ умереть, шакъ какъ и Азашу шевему ошцу; не все по нешновому нашему желанію исполняется; и хоня я избавлена руками убійцы, однако должно, чшобы шы получилъ ошв меня кагражденіе; прими его, зонъ чшо я шебѣ даю: Цопомъ подшлла она руку, и опушшла ее на правое плечо къ Аскалону, и сама ичезла. Правая его рука ошншлась, и не мошвъ уже онъ ею больше дѣлшшвовашъ; мысли его зашмидлись, и превеликое забвеніе лишило его упошребленія разума. Сколько злосшь ми владѣ-

ла его сердцемъ , однако превеличайшей
спрахаъ и раскаянїе о богопрощивномъ
умышленїи не дали ей больше въ ономъ
мѣста ; онъ сноялъ долго смотря на
Горгона , и не могъ выговорить ни одно-
го слова . Горгонъ смущился и самъ не
меньше его , и для того съ часъ не мо-
гли они оба выйти изъ сего изумленїа .
Наконецъ когда Аскалонъ пришелъ самъ
въ себя , но и раскаялся къ своему ш-
мѣренїи ; но Горгонъ подкрѣплялъ его
какъ возможно . Ты , которой шакъ-инвер-
до предпрїялъ воцариться на швомъ
престолаъ и низложилъ недостоината ш-
перъ нами обладавша , вѣришь предек-
занїю обойденной разумомъ штары ; пред-
снавъ себя все шѣ сладости , которыя
ны получа престолаъ вкусишь можешь ;
ны не долженъ будешь тогда повино-
ваться никакому закону , но будешь да-
вать людямъ оной самъ . Знаешь , что
престолаъ ешь часъ божественна , и шакъ
безразсудно онъ подобныхъ себя вѣришь
предсказанїамъ . Словомъ , Горгонъ опог-
налъ советамъ раскаянїе онъ Аскалона ,
и наполнилъ его еще нущю злобою . Они
сѣдовали немедленно въ городъ , не на-
шедъ тогда Государя , которой уже с-

свободился онъ великаго мученія, и при-
звалъ къ себѣ своего сына, желалъ у-
знать его о себѣ мысли; однако Аска-
лонъ умѣлъ скрыть свое намѣреніе по
наученію Горгоны. Хотя Азанъ и не
ыскалъ въ его словахъ никакого подо-
зрѣнія, однако не вѣрилъ уже ему боль-
ше такъ какъ родному своему сыну, и
опредѣлилъ къ нему надзирашею человѣ-
ка сиротаго и побожнаго, живущаго всегда
подъ закономъ непремѣнныя добродѣтели.

Сей приспавленній надзирашеля
весьма былъ вѣренъ своему Государю,
увидя въ Аскалонѣ испорченной любовію
правъ, желалъ непременно исправить
его; чего ради не смотря на придворное
обыкновеніе, просилъ онъ Государя, что-
бы Азанъ запретилъ имѣть обхожденіе
Аскалону съ Горгономъ, что было и
приказано. Все шло къ тому, чтобы
наполнивъ болѣею злобою сердца двухъ
этихъ злыхъ человѣкъ. Горгонъ почитая
себя чрезъ это обиженнымъ, захопѣлъ
опоменишь надзирашеля. Злобое его
сердце не позволяло ему ни одной мину-
ты бдѣть въ покоѣ, и онъ вездѣ искалъ
случая умерщвить его. Цѣкогда Государь

поѣхалъ въ Зничевъ (*) храмъ для принесенія жерпвы, кошорой стоялъ по другую сторону Ильменя на горѣ; и какъ только онъ изъ города выѣхалъ, но Горгоиъ послалъ къ надзирашелоу именьмъ Азана, чшобы и онъ ѣхалъ въ шомъ же храмъ. Тотчасъ сѣвши на лошадь, съ малою свишою поѣхалъ онъ за Государемъ; и какъ только выѣхалъ изъ города, но напалъ на него Горгоиъ, кошорой уже на эшомъ мѣснѣ его дожидался, разсѣкъ на чешверо саблею, и всѣхъ, кшо съ нимъ ни былъ, умершви въ разбросалъ шѣла ихъ по дорогѣ.

Государь возвращаясь изъ храма изѣхалъ на сіе ужасное и плачевное позорище, Убишыхъ могли шомчасъ узнать, но убійца ихъ былъ не вѣдомъ; однако какъ бы ни старался узнатьшъ Горгоиъ сіе дѣ-

(*) *Зничевъ*, священный неугасимый огонь. Во многихъ Савенскихъ городѣхъ построены были ему храмы. Жртвовали ему чашню изъ полученныхъ опѣ испрятала д бычен и пашными Християнами. Въ пляжкихъ болѣзняхъ имѣли къ нему прѣлѣжнице. Корыстлюбивые жрецы обмывали народъ, скзывая опѣшты блянцымъ, окларыхъ увърjali, что получили ихъ чрезъ ад жновение сего бога.

ло, по правительное подозрѣніе пало на него. Азанъ съ сихъ поръ началъ стараться обличить Горгона. Горгонъ предугадавъ свою гибель, предпріалъ убѣждать изъ своего опечесива, и прѣхалъ въ городъ Росъ, коиморой стоялъ на берегу Двины рѣки. Росской Государь тогда имѣлъ великое несогласіе съ Рускимъ, и для того принялъ Горгона съ великою радостію, и узнавъ его ненависть къ своему Государю, далъ ему у себя первое мѣсто. Горгонъ предложилъ шончасъ Великосану (шанъ назывался Роской государь), чинобъ собрать войско, и инши проинивъ Азана войною. Аскалонъ имѣлъ съ Горгономъ тайныя переписки, и обещалъ ондашь престолъ Великосану, только чинобы ему получить Эманду себѣ въ жену. Но Горгонъ думалъ не такъ; онъ предпріалъ побѣдить Азана, и послѣ умеривши тайнымъ образомъ Великосана и Аскалона, и овладѣвъ самому двумя престоломи. Намѣреніе его шло сперва весьма скрытно, и никакъ не могъ проникнуть его предпріятія. Въ одинъ мѣсяць все было изговорено, и войско выстуило въ походъ. Назодлеъ же шдое время въ

лучи, пришли наконецъ подъ городъ Русь, обсадили его со всѣхъ сторонъ вонесивомъ, заняли проходъ, и по озеру для пошребныхъ предоспорожностей. Азакъ какъ скоро услышалъ сію печальную вѣсть, то пришелъ въ превеликое замѣшательство, приказалъ какъ возможно гошовишься своему вонесиву, и хотѣлъ сдѣлать сраженіе вышедши изъ города. Онъ очень долго колебался въ своемъ разсудкѣ, и не хотѣлъ поручить вонесива своему сыну. Собиралъ частыя совѣты, въ которыхъ всѣ были его мнѣнія, и подшверждали ему, чшобы онъ не поручалъ своей жизни сыну, онъ котораго уже и такъ много омышновъ невѣрности его видѣли, и лучше бы самъ воевалъ съ Великосиномъ; однако шакой опасной случай не могъ успановишь Азановой мысли.

А меня сошъ очень легко могъ сложить, чшобы я согласяся ишши на веспелю.

ГЛАВА XIV.

ВЕЧЕРЬ 24.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Между тѣмъ, какъ происходило уснаковленіе въ обоихъ ополченіяхъ, въ Великосановѣ воинствѣ поймавъ былъ персонецъ шайносней, у котораго нашли подъ шлемомъ письмо; оно было слѣдующаго содержанія :

ГОРГОНЪ АСКАЛОНУ ЗДРАВІЯ ЖЕЛАЕТЪ.

„Теперь пришло время къ совершенію
„ намѣренія; Азашъ въ своихъ рукахъ,
„ а Великосанъ у меня, старайся какъ
„ возможно, чтобы войска наши срази-
„ лись, а я уже изготовилъ какъ Азашу
„ шьему опцу, такъ и Великосану по-
„ гибель, которой они во время сраже-
„ нія не минуютъ; припомъ поздравляю
„ себя Государемъ Рускимъ и съ при-
„ совокупленіемъ прешола Росскаго „.

Великосанъ какъ скоро прочиталъ
сѣ письмо, такъ и приказалъ привесть

предъ себя Горгона, которой пришедъ
 во всемъ признался, и весьма жалѣлъ,
 что не исполнилось его предпріятіе, и
 вмѣсто усшрашенія говорилъ онъ Вели-
 косану такъ: Ты счастливъ, и дол-
 женъ благодарить несчастливой моеѣ
 судьбинѣ; она тебя спасла онъ моихъ
 рукъ; я хотѣлъ насытиться швоею кро-
 вью, но жестокой рокъ превращенъ мое
 желаніе и приносилъ меня недостойно-
 му тебѣ на жертву. Терзай меня, и
 вынь скорѣе мою душу; я не могу ви-
 дѣть тебя безъ нестерпимаго движенія
 сердца. Такая наполненная злобою Гор-
 гопова рѣчь привела Великосана въ пре-
 великую ярость, и онъ желалъ скорѣе
 преданъ смерти подъ тусное чудовище
 людямъ. Онъ спрашивалъ его о единомыш-
 ленникахъ; на что Горгонъ говорилъ такъ:
 Я скажу тебѣ объ оныхъ не прежде,
 пока послѣднее дыханіе останешся во
 мнѣ; я дамъ тебѣ ящичекъ, въ которомъ
 лежатъ собищенные ихъ подписанія;
 только ны открой его самъ, и не вѣрь
 никому, пошому что есть шумъ иѣкшо
 изъ швоихъ любимцовъ, и такъ весьма
 будешь не шрудно скрасишь свои подпи-
 санія. Пошомъ вывели Горгона на одинъ

Часть II.

3

приговорѣ, и привязали къ сполбу. Туиѣ Горгоиѣ объявилѣ, гдѣ находился ящикѣ, и Государь приказалѣ его принести къ себѣ подѣ крѣпкимѣ карауломѣ, чинобѣ никто не осмѣлился прежде его открыть.

Послѣ, когда расширяли Горгона, Государь приказалѣ собравъ въ свой палатѣ знашимѣ и первенствующимѣ Боярамѣ, чинобѣ обличить преступниковѣ при семѣ собраніи. Когда они все собрались, но Великосаиѣ говорилѣ слѣдующее: Я еще не открывая внутреннаго миѣ Горгономѣ обличенія, не вижу изѣ васѣ никого измѣнника, и для того люблю еще и теперь всехѣ васѣ такѣ, какѣ любилѣ я и прежде. Желаю, чинобѣ боги были для меня милосивы, и возвратили бы миѣ всехѣ васѣ вѣрными рабами, какѣ были вы до сего времени. Я ужасаюсь, когда вздумаю, чино долженѣ буду кого-нибудь почесать изѣ васѣ законопреступникомѣ. При семѣ словѣ открылѣ онѣ Горгоновѣ ящикѣ; и какѣ съ великимѣ поспѣшеніемѣ дернулѣ съ него крышку, но въ самое это время выскочила изѣ ящика превеликая сдѣланная змѣя и оспрымѣ жаломѣ поразилѣ

ла въ самую грудь Великосана, и онъ едва шолько успѣлъ выговорить: прости друзя мои! и скончался. Все собраніе пришло въ превеликой ужасъ; всякой возгласилъ ошчаянно сшоялъ о-каменнымъ; послѣ бросились помогать Государю, но уже помощь ихъ была напрасна. Члены его оледенѣли, и пошла ихъ живность; поднялся великой въ воинствѣ его вопль. Хотя начальники и сшрались скрыть смерть своего Государя, однако все воинство въ одну минушу узнало. Наслѣдной Государь, сынъ Великосановъ Ардалонъ, принявъ скороспѣшно престола и область, вышелъ усмирить народъ; онъ, какъ возможно великодушному Государю, сшрался ободрять ихъ; но будучи чувствительнелъ о смерти ошцовой, уговаривая ихъ самъ прослезился, онъ чего все воинство пришло въ пущее ошчаяннѣе, и сіе сшнованнѣе во всемъ Ардалоновомъ ополченнѣе не прежде начало уменьнашься, какъ дней чрезъ пять или еще больше. На той змѣѣ, кошорая поразила храбраго Великосана, онъ головы и до конца написаны были сн слова: » Горгонъ и мершвой сшолько же сшра-

„ шей своимъ непріятелямъ , сколько
 „ и живой „ . Ардаліонъ приказалъ Гор-
 тоново шло волочить по всему спану
 со всякимъ позоромъ и ругательствомъ,
 и всякой воинъ укрощалъ свою надъ
 онымъ яроснь и неудовольствіе; однако
 уныне и болѣзнь еще во всякомъ оста-
 вались ; сколько-по глубоко впечатлѣ-
 но было въ оныхъ низхожденіе Велико-
 саново и его къ подданнымъ своимъ ми-
 лоснь.

Большое сокрушеніе, опечалніе и смя-
 шеніе воинства были причиною тому ,
 что Ардаліонъ вознамѣрился было ош-
 сунуть ошъ города и возвратившись въ
 свое опечеснво ; но начальники и стар-
 шины совѣщовали ему всунуть въ
 сраженіе , чтобы при первомъ случаѣ
 какъ воинство , такъ и народъ въ об-
 ласни не подумали , что Ардаліонъ
 малодушенъ. Это правда, говорили они,
 что общоисельства наши принужда-
 юшъ насъ окончить воинскія дѣла , но
 храброснь и слава нашего имени пре-
 бунетъ того, чтобы и въ несчастіи были
 си олькоже великодушнымъ и опважнымъ,
 какъ въ самомъ благополучіи. Ардаліонъ
 вознамѣрился по совѣшу ихъ всунуть

въ войну и не отходишь оубо города; чего ради предпріялъ оубо ободряшь свое войско, и наполняшь его сколько возможно великодушїемъ. Хотя сердце его и шерзалось оубовою смершїю, однако всегда показывался воинамъ, какъ буди бы оубо хочешъ возобновишь умершаго Великосана славу. Охота его къ шому умножалась, но сердечное чувствованїе приводило его въ шрепешъ; оубо боялся всшупишь въ сраженїе, чшобъ болъзнь о его родишелъ не привела въ шо время его въ ошчальїе, и чшобы не пошерялъ оубо оубо шого всего своего воинства. Разсудїя о семъ очень долго, наконецъ приказалъ гошовишься къ сраженїю. Войско его въ одну минушу все пришло въ гошовность и шлоало въ порядкъ. Тощасъ жрецы начали приносишь жершву, и просишь Боговъ съ шеплымъ и усерднымъ моленїемъ о милосшивомъ ихъ снизхожденїи. Знаменованїе сей жершвы весьма было счастливое, и все воинство оубо шого наполнилось великою надеждою и храбростїю. Произхожденїе ея было шдкое:

Однако шшо услышише зашпра.

ГЛАВА XV.

ВЕЧЕРЬ 25.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Дымъ восходилъ ошъ жершвы весьма выше обыкновеннаго, и казалось, что конецъ его уже былъ за атмосферю, какъ вдругъ великой огонь покрылъ все надъ ними небо, и явился среди пламени прешолъ, кошорой поддерживали чешыре крылашые льва; по споронамъ прешола на облакахъ спояли весьма великаго росна два спража съ пламенными оружіями; и когда исчезъ въ воздухъ огонь, то явилась радуга, кошорая окружила весь прешолъ, и была перевиша рѣдкими и прелесными цвѣтами; на прешолѣ лежала подушка, а на оной шлемъ и перевишный лавромъ мечъ. Увидѣвъ сіе воинство Ардаліоново, воззонило веселымъ голосомъ, и пошчасъ приспунило къ городу. Азанъ съ своей спороны давно уже былъ готовъ; спѣны наполнились воинами, и началось сраженіе. Изъ Ардаліонова воинства

поднялась на воздухъ изъ снрѣлъ туча, также и изъ города. Сраженіе было весьма кровопролитное, и сила Ардаліонова начала ослабѣвать; нопчасъ разпворили ворота, и въ проломанныя снѣны вышло великое множество Русовъ. Тушъ еще началась брань кровопролитнѣе первой. Азанъ какъ развиренной левъ въ великомъ снадѣ безсильныхъ агнцевъ убивалъ всѣхъ шѣхъ, конхъ ни вснрѣчалъ; покрылось поле Росами, а оснальные искали только своего спасенія. Ардаліонъ видя свою гибель, старался ободрить своихъ воиновъ; но они наполнились снрахомъ, не могли дѣисновать своимъ оружіемъ. Снча сія продолжалась почти до захожденія солнца, и Росы прогнаны были весьма далеко. Вдругъ невѣдомо какой ободряющій духъ искоренилъ въ сердцахъ ихъ снрахъ, наполнилъ великимъ геройствомъ и жадностію къ бою; снечаюшя со всѣхъ споровъ, принимающъ порядокъ, кричанъ въ восхищеніи, побѣда! наступающъ грудью, удерживающъ стремленіе Русовъ; начинаешя бой несказанно жесточаѣ прежнихъ. Русы видяшъ издалека поснѣшающаго къ ополченію героя; видѣ

его и храбрость производятъ въ нихъ ужасъ. Онъ уже среди ополченія ; мѣшается среди Азашова воинства , и такъ какъ жадная смерть поядаетъ людей и дѣлаетъ за собою широкія улицы ; рубитъ безъ милосердія, и такъ какъ молнія въ одно мгновеніе ока поражаетъ тысячи , приходитъ на всѣхъ страхъ , бѣгутъ онъ меча его разсѣявшись народы , тонутъ въ рѣкахъ и болошахъ предускоряя другъ друга , сами себя давятъ , кричатъ ошчаянно, и ждуть единой шолько смерти.

Азашъ повелѣваетъ призвать на помощь своего сына. Сей поспѣшаетъ уже къ воинству , ободряетъ оное , и примѣромъ своей храбрости приводитъ его въ прежнее мужество. Тутъ сдѣлалась сомнительная побѣда и счастье начало противиться обимъ воинствамъ. Смерть равно присутствуетъ какъ у Азаша, такъ и у Ардаліона. Воины чѣмъ больше поражаютъ, тѣмъ больше желаютъ проливать крови. Правое крыло уступило Азашовой силѣ, гдѣ присутствовалъ онъ самъ и сынъ его Аскалонъ, у кошораго съ перваго размаху лѣвою

рукою освободилась оиѣ недѣйствія и правая. Туиѣ увидѣли въ немѣ Росы храбраго героя; какѣ бурной вѣшерѣ часшой лѣсѣ, шакѣ оиѣ ломилѣ Ардаліоново воинство, погналѣ и не давалѣ имѣ времени возвращашся. Конь его шонулѣ въ крови прешивной, и казалось, какѣ будно бы плавалѣ по самое чрево. Бѣгуиѣ оиѣ руки его Росы, но смершь ихѣ догоняешѣ; сіе чудовище алчно ихѣ похищасиѣ.

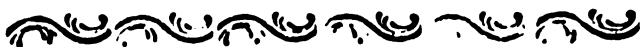
Солнце уже пошонуло въ безднѣ водѣ; мрачная ночь и превеликой шуманѣ покрыли небо. Азанѣ не перешавалѣ гнать бѣгущихѣ съ сыномѣ своимѣ Аскалономѣ; и когда оидѣлились они совѣмѣ оиѣ своего воинства, тогда неешной Аскалонѣ обранилѣ ярость свою на своего оица, и шпремился жадно оишяиѣ живоиѣ его саблею. Азанѣ видя свою погибель, и не имѣя времени выговоритѣ слова, оидался бѣгу, и шѣмѣ хонѣлѣ спасши свой живоиѣ. Первой какѣ незлобивой агнецѣ поручаешѣ жизнь своему коню, и въ великомѣ будучи шпрахѣ, уже его не поощряешѣ къ бѣгу; а цшорой какѣ алчный и развѣ-

зрениый левъ ошворяениъ свою паспъ, и хочениъ его поглониши. Уже заносишиъ руку, уже опускаениъ саблю; но конь его спощыкнулся, и оиъ спремишельно упалъ на землю. Оиъ вскаквиваениъ поспѣшно, и не обрѣваениъ ни ошца, ни коня своего, ни меча. Все въ одну минушу яропало, и оиъ виднишиъ себя на берегу небольшого осирова, вмѣсно своихъ воиновъ и прошивныхъ черные и свирѣные валы, вмѣсно прекраснаго поля спраншную и волнующуюся пучину; оиъ бѣжишиъ къ берегу но бѣтв его оканчиваениъ глубокимъ моремъ. Спрахъ его обѣмленъ, и оиъ въ робосни не знаениъ, чему приписати негатиной сей случай; въ ошчаянии удуряениъ обѣ одинъ сшоящій при берегѣ дубъ, кошорой испомленной произносишиъ голосъ, о охъ!

Довольно для нынѣшняго вечера; а прочее услышиши послѣ.

На другой день шоваришиъ мой прошилъ меня и Алсону, чшдбъ мы позволшии ему нѣсколькo вечеровъ оказати свое краснорѣчье. Алсона не хощла ошсатиши ош! Аскалоновой повѣспи, одна-

ко для неотступной его прозбы при-
нуждена была согласиться; и шакъ пе-
ремѣнилъ онъ меня на время, чшобъ
мнѣ на нѣсколько ошдохнуть и собрашь
свѣжія мысли, и началъ разсказывать
въ вечеру слѣдующее.

ГЛАВА XVI.

ВЕЧЕРЪ 26.

Угадчики.

Турки шакже умирающъ, какъ и всѣ
люди, шолько хоронящъ ихъ съ нѣ-
кошорыми ошмѣнными по закону ихъ
обрядами; да дѣло шеперь о смерти, а
не о законѣ. И шакъ скажемъ, что скон-
чался близко Коншаншинсполя не по-
слѣдняго званія Турокъ; ошпалось послѣ
его довольно имѣнїя, и шакже при сы-
на, кошорые послѣ смерти его получили
шишулъ наследниковъ. Въ шо время,
когда похороняли они своего ошца, ка-
кой шо довольно проворной воръ похи-
шилъ все ошавшееся имъ имѣнїе; и

когда наследники усмотрѣли, что дѣлишь имъ было нѣчего, но предпрѣяли разбираться дѣло это судомъ. Большой бранѣ имѣлъ подозрѣнїе на середняго, средней на меньшаго, меньшей на большаго; и шакъ должно было всемъ просить другъ на друга. Все равно желали имѣть наследство, и для того все равно обѣ ономъ и старались; и шакъ ошравидись они въ Консантинополъ къ Кади.

Вспрѣпидся имъ на дорогѣ человекъ запыхавшись, которой спрашивалъ, не видали ли бранцы? Не верблюда ли, спрашивалъ большой бранѣ? Онъ лѣвымъ глазомъ косъ, сказалъ средней; а на немъ былъ укусъ, говорилъ меньшей. Такъ шочно, государи мои, это мой верблюдъ; да гдѣ же онъ, продолжалъ вспрѣшившійся? Мы его не видали, ошвѣчали ему все шри бранца вмѣстѣ. Возможно ли, говорилъ прохожій, ошгадавъ, что я спрашиваю верблюда, описавъ его съ ногъ и до головы, и говоришь, что вы его не видали. Такъ конечно вы, господа мои, воры; однако у Кади я думаю, что заговорите вы другимъ голосомъ. Я желаю переговорить съ вами

у этого судьи. Очень изрядно, отвечали они ему; а мы и сами великое имѣемъ до него дѣло. Мужикъ идучи радовался, что нашелъ своего верблюда, и думалъ что уже онъ въ его рукахъ.

Пришедши къ судья, мужикъ началъ поочасъ просить о своей покражѣ, и уведомилъ Кадию, какъ отвечали они ему, когда онъ спрашивалъ объ оной. Кади услышавъ все, ни мало не сомнѣвался, чтобъ верблюдъ не былъ въ рукахъ у этихъ трехъ братьевъ; и шакъ сказалъ имъ, чтобы они немедленно отдали его мужику. Большой братъ сказалъ судья, что они верблюда никакого не видали и у себя его не имѣютъ. Кади разсердясь закричалъ, почему же вы узнали, что мужикъ спрашивалъ верблюда? По тому, отвечалъ большой братъ, что было это еще утро, и роса покрыла поле, и слѣдовъ не видно было никакихъ, исключая верблюжьихъ; я узналъ, что пробѣжалъ шупъ верблюдъ, и шакъ спрашивалъ, не верблюда ли онъ ищетъ. Изрядно, отвечалъ судья: а вы по чему узнали, что верблюдъ былъ лѣвымъ глазомъ косъ? По

тому, говорилъ средний брашъ, что на правой сторонѣ дороги права самая сухая но онъ всю ее смылъ и ѣлъ, а на лѣвой самая презрядная, кошорой онъ ни мало не повредилъ; шакъ надобно чтобы онъ лѣвымъ глазомъ былъ косъ. Хорошо: а шы какъ это могъ узнать, спрашивалъ Кади у меньшаго браша, что онъ навлючилъ былъ укусомъ? Очень не шрудно, ошвѣчалъ онъ; въ слѣдахъ его осматривалось нѣсколько жидкой машерѣи, въ кошорую я омокнувъ персилъ положилъ на языкъ, и узналъ, что это укусъ; и шакъ надобно, чтобы былъ на верблюдѣ въ мѣхахъ укусъ. Теперь я вижу, что это правда, ошвѣчалъ онъ; и шакъ шы мужикъ напрасно имѣлъ на нихъ подозрѣнїе; поди и ници швоего верблюда, куда онъ побѣжалъ. Безнадежной мужикъ промѣнялъ великую радость на печаль, и пошелъ догонять свою скотину.

Большой брашъ пономъ началъ просить на средняго въ покражѣ ихъ имѣнїя; средней просилъ на меньшаго, а меньшей на большаго, и никшо изъ нихъ не имѣли никакого подозрѣнїя другъ на друга. Судья хощя и гораздо былъ ра-

зумыѣ , однако такая задача нѣскольго его понижовала; а у нихъ такое обыкновеніе , ежели Кади не разберетъ какого дѣла , то долженъ динитися мѣсяцъ. Онѣ не зналъ , какъ начашъ ихъ судить , и для того приказалъ прийти на другой день къ себѣ обоѣдаться , а самъ нѣмъ временемъ хошѣлъ подумать , какъ бы приешунить ему къ дѣлу. Онѣ предпріелъ шакъ , чшобѣ оставишь ихъ однихъ за ешоломѣ , а самому слушашъ изъ другого покоя , не найдешъ ли онѣ какого подозрѣнія въ ихъ разговорахъ , и приномѣ положилъ въ маленькой ящичекѣ Айва (*) , зансчашалъ его Сулшаново печашью , и заперѣ очень крѣпко , чшобѣ они угадали. И шакъ когда насчало ушрѣ , и они пришли къ Кади , то просилъ онѣ ихъ сѣсть съ собою обѣдаться. Какъ шолъко чшо начали было они ѣсть , то вошелъ судейской рабѣ по его наущенію , и сказалъ , чшо спрашивающѣ его къ Сулшану. Кади вкочилъ поспѣшно , шю осилъ ихъ , чшобы они обѣдали безъ него , и извинясь вышелъ.

(*) Айва плодъ , которой растешъ въ Тмориѣ , величшюю онѣ съ лимонѣ , и шакже желѣнъ ѣ нѣсколько можнатѣ.

Когда онъ былъ въ другомъ покоѣ и слушалъ сквозь замочную щелку, большой брашъ опломилъ хлѣба, и его опвѣдавъ сказалъ, что онъ мершвечною пахнешъ; пошомъ средней опрѣзавъ баранины и понохавъ говорилъ, что баранина эша собачиною пахнешъ. Наконецъ меньшей палиевъ сшаканъ домашняго пинья и понохавъ молвилъ, что хозяйнѣ дома не законной сынъ. Кеди услышавъ все эшо, желалъ пошчасъ увѣдоминься обо всемъ, призвавъ хлѣбника и спрашивалъ его, съ кошораго поля ша мука, изъ коей пекли хлѣбы, и не былоль на немъ какого приключенія. Хлѣбникъ его увѣдомилъ, что нѣкогда на шомъ полѣ подняли мершваго Жида, шакже и паснухъ увѣдомилъ его объ овцѣ; онъ пошелъ къ машери, и просилъ ее неопшшупно, чтообъ объявила она ему шочное его произхожденіе. Сшаруха хошя и долго колебалась въ своемъ разсудкѣ, однако призналась ему, что въ молодыхъ своихъ лѣтахъ шорговала своими прелеснями какъ и прочія женщины. Ежелибы эшо былъ не Турецкой судья, шо бы конечно началъ жалѣшь о своей чесши, а эшошъ и не

подумалъ ; и такъ взявъ съ собою пошѣ
ищичекъ, вошелъ къ гадашелямъ въ комна-
шу, и посматривалъ его на снолѣ, попомъ
говорилъ имъ, что далъ ему его Сул-
шанъ, не сказавъ, что въ немъ положе-
но, и приказалъ сберечь. Большой бранѣ
взялъ его въ руку и пошряся нѣсколько
сказалъ, что шо ни ешь въ немъ да
мохнано ; по шомъ середній шакимъ же
образомъ пошрясь и говорилъ, да нѣ-
сколько и желновано. Меньшой взявъ его
въ руку, сказалъ : шакъ! это Айва. Судья
думая, что онъ обѣдещъ съ дьявола-
ми или по крайней мѣрѣ съ подобными
имъ, гораздо испужался свѣденія ихъ,
и не зналъ какъ начашъ ихъ судить ;
однако думая очень долго, нашелъ онъ
нѣкоторой способъ къ своему благопо-
лучію. Онъ предпріялъ разсказанъ имъ
нѣкоторое приключеніе, чтобъ шѣмъ
вывѣданъ ихъ присирасшя, и такъ съ
позволенія ихъ началъ онъ шо шакимъ
образомъ :

Полюбилъ одинъ прекрасной юноша
дочери нѣкотораго знашнаго Визиря; она
сыскала способъ видѣшся съ нимъ и
умножишь любовь свою къ нему, шакже
и онъ почувшвовалъ къ ней неменьшую

Часть II. И

горячність. Годя сѣ два ничипо не препяшиспововало ихъ пламени, и они разполагали свои удовольсшвія по своимъ желаніямъ. Наконецъ судьба ихъ перемѣнилась; ошецъ предпріялъ выдать дочь свою за мужъ шакже за знаннаго челоуѣка, каковъ онъ былъ и самъ. Любовникъ былъ низкаго рода, и шакъ долженсшовалъ усшунити ея шому, кому она опцомъ будешъ назначена. Женихъ былъ сыскаиъ и свадьба сыграна. Когда долженсшовала невѣсна ишии послѣ вѣнца на посшелю, шогда сшавъ она передъ новобрачнымъ на колѣни, кошорой уже лежалъ, просла его, чшобы онъ сдѣлалъ сѣ нею сшзхожденіе, и оппустилъ бы ея къ любовнику опнесши ему вѣ даръ дѣвсшво, чшо она ему обѣщала, и пришомъ говорила ему, что ежели не склонитсѣ онъ на ея прозьбу, шо она лучше прекрашитъ свою жизнь, нежели пожертвуешъ другому. Женихъ хоня и долго колебалсѣ, однако сжалившисѣ сдѣлалъ сѣ нею шакое сшзхожденіе, и оппустилъ ея къ любовнику, разсуждая, чшо она навсегда послѣ сего его опшанешсѣ. Сѣ превсшкою радосшю бросилсѣ на къ любовнику; но лишъ шолько вышла на улицу вѣ нощос вѣ емя, шо и

попалась разбойникамъ. Ошаманъ немедленно приказалъ собрать съ нее жемчугъ и дорогіе каменья. Она бросилась на колѣни, и просила его со слезами, чшобы онъ ошпусшилъ ее къ любовнику въ шакомъ нарядѣ, а послѣ обѣщалась принести къ нимъ сама и все ошдашь своими руками; она сказала ему и шо, чшо мужъ ее ошпусшилъ. Ошаманъ удивляясь великодушію ея мужа, ошпусшилъ шакже ее ничѣмъ не оскорбляя. Пришла она къ любовнику и говорила ему, чшо она сохранила свое слово, и принесла въ даръ ему обѣщанное, рассказала, какъ склонилась на это мужъ ея и ее ошпусшилъ. Обрадованной любовникъ, услыша сшоль необыкновенное великодушіе, почти задушенъ былъ къ нему благодарносцію, и сказалъ ей шакъ: Теперь я имѣю полную власть надъ шобою, и могу подарить его шѣмъ, чшо уже въ моихъ рукахъ. И шакъ въ знакъ моей къ нему благодарности ошнеси шы ему, чшо мнѣ обѣщала. Хотя она его и просила, чшобъ онъ согласился присвоить его себѣ, однако благодарности его прозьбою не убѣдила, и идучи къ своему мужу зашла по обѣщанію къ разбойникамъ, и хошѣла ошдашь

имъ свое имѣніе. Ошаманъ спросилъ ее, что сдѣлалъ съ нею ея любовникъ, и какъ увѣдомился о его великодушїи, но оппустилъ се со всѣмъ ея имѣніемъ къ мужу, говоря: Когда ешь шакіе люди, кошорые не принимаюти неощеннаго изъ благодарности, то я хочу послѣдовать имъ и шакже бышь великодушенъ. И шакъ новобрачная невѣста пришла вся въ цѣлосни къ своему мужу. Какого вы объ этомъ мнѣнія, спрашивалъ у нихъ судья? Большой бранъ поморщившись не сколько говорилъ: шоровашъ ея мужъ; середній шакже: великодушенъ любовникъ; меньшой сказалъ: а разбойникъ глупъ, имѣя множеснво богатснва въ рукахъ, пошерялъ все ни для чего. Воишь, государи мои, поишь человекъ, указывая на меньшаго бранъ, говорилъ Кади, кошорой укралъ у васъ наследснво. По чемужь вы узнаете, спрашивалъ онъ у судьи. По шому, отвѣчалъ Кади, что вы превеликой охотникъ до денегъ. Это правда бранцы, сказалъ меньшой бранъ, и я желаю раздѣлишь его шеперь вмѣстѣ; поидемъше домой.

Такимъ образомъ кончилъ шоварищмой первой вечеръ.

ГЛАВА XVII.

ВЕЧЕРЬ 27.

Ставленникъ.

У некопорога дворянина въ сельѣ опошелъ священникъ къ брашнѣ здѣ лежащихъ и пвсюду православныхъ, а простѣе умеръ. Остался господинъ, крещьяне и словомъ, всѣ словесныя овцы безъ пастыря. Въ будни могли они обойтись безъ попа, а въ Воскресныя дни никонмъ образомъ было не возможно, пошому что они не знали, въ копорые дни долженствовало бышь праздники. Господинъ имѣлъ у себя дячка, копорой очень скуденъ былъ разумомъ; однакожъ онъ умѣлъ чипати и писати по деревенски; шакъ думали, что для сельскаго поа шаланта ешого и довольно. Помѣщикъ написалъ письмо къ близкоживущему отъ нихъ Архїерею, чтобъ онъ проэкзаменовавъ его дячка, посвяшилъ бы въ попы; и шакъ ошиправилъ съ письмомъ дячка къ оному.

Архїерей прочишавъ письмо, хотѣлъ исполнишь прозьбу господина, и шакъ

желалъ узнатьъ разумъ дячка къ нему присланнаго. Должно, говорилъ онъ ему, утѣришься мнѣ въ помѣ, довольно ли ты читалъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ, и сколько ты объ оныхъ имѣешь понятія; выпиши мнѣ вкратцѣ, что говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ Лукьянъ, Федоръ и Плущархъ, и такъ опиши самъ его онъ себя. Спустя цѣлые три дни пришелъ дячокъ къ Архіерею, кошорой спросилъ его о задачѣ, приказалъ читать при всѣхъ, что ты ни былъ. Дячокъ перекрестился и началъ: Лукьянъ говорилъ, чтобы чужіе мужики монастырскаго лѣсу не рубили, а коли не такъ, то, выскочи ихъ плешми; Федоръ говорилъ, что онъ мясомъ больше торговалъ не хочешь; а плущъ кричалъ громче всѣхъ, не шуми наши зеленая дуброва. Архіерей услышавъ это ужаснулся, и не зналъ что и говорить такому великому проповѣднику; однако собравшись съ силами, спросилъ его, откуда онъ это выписалъ? Это я онъ ихъ онъ самихъ слышалъ, Ваше Пресвященство, ошвѣчалъ дячокъ. Третьяго дня, какъ я отъ васъ пошелъ, увидѣлъ мужика сидящаго на деревѣ, кошорой кричалъ, чтобы

не рубили монастырскаго лѣсу. Я спросилъ его имя, и онъ мнѣ сказалъ, что зовущъ его Лукьяномъ. Прощедъ еще нѣсколько, встрѣтились со мною два прохожихъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ, что онъ мясомъ больше торговать не хочеть; также спросилъ я и эпаго объ имени, и онъ мнѣ сказалъ, что называющъ его Федоромъ. Подходя къ нашей деревни, увидѣлъ я нашего охопника, которой сядя подъ деревомъ пѣлъ пѣсню: не шуми наши зеленая дуброва. Эпаго я объ имени не спрашивалъ, для того что я знаю, онъ изъ всей нашей деревни первой плутиъ; и такъ пришедши домой записалъ я всѣхъ ихъ слова, которые и читалъ шеперь передъ Вашимъ Преподобіемъ. Архіерей шончасъ ошгадалъ весь его разумъ и свѣденіе, и желая еще увѣдомишься о его премудрости, говорилъ ему: Слушай! у Нол было шри сына, Симъ, Хамъ и Афенъ, кто имъ ошецъ? Пожалуйше на шри дни сроку, ошебчалъ сшавленикъ, для того что эша задача весьма шрудная. Архіерей позволилъ ему шри дни о шомъ подумашъ.

Дьячокъ пришедши домой, выгналъ жену свою и дѣшею всѣхъ вонъ изъ избы,

и запершися кругомъ, началъ ходить вездѣ и впередъ и швердишь: у Ноя было при сына, Симъ, Хамъ и Афенъ, кто имъ ошецъ? у Ноя было при сына, Симъ, Хамъ и Афенъ, кто имъ ошецъ? Препроводилъ въ семъ упражненіи день, и на другой швердишь все шо же. Жена пришедши къ дверямъ послушала, и узнала еще въ первой разѣ, что мужъ ея глушь черезъ край, и шакъ начала спучашься. Дьячокъ, заняшой важными мѣнїями, разсердился на свою жену больше нежели Юпишеръ на Гиганшовъ; шонъ побилъ ихъ всѣхъ ихъ громомъ, а эшдишь хощѣлъ пришибить жену свою обухомъ. Куда ты идешь, говорилъ онъ, безмозглая шварь, и мѣшаешь мнѣ думать о шакомъ важномъ дѣлѣ. Не шо ли велико, спрашивала жена, что ты швердишь дѣлае уже два дни? Да, двуногая скошница, ошвѣчалъ мужъ: на что ты мѣшаешься въ шакую премудрость, къ кошорой природа произвела меня и мнѣ подобныхъ мужей. Да, я вижу, ошвѣчала жена, что ты со всею своею премудростію не можешь расшолковать бездѣлицы. Чшожъ ты называешь бездѣлицею, говори, закричалъ дьячокъ разсердившись? Ты швердишь,

что у Ноя было три сына, Симъ, Хамъ и Афешъ, и не знаешь кто имъ отецъ? Да, ошибчалъ дьячокъ, Глупой! глупой! говорила жена, да у нашего кузнеца Василья три сына, Николай, Иванъ, Алексѣй; ну, шакъ Василей кузнецъ имъ и отецъ. Разумной мужъ усмѣхнулся, и благодарилъ ее онъ всего дьячковскаго сердца, что она расшолковала ему споль прудную задачу. И шакъ по ушпру не успѣло еще разсвѣшанъ, шо онъ и онп-правилъ къ Архїерею въ превеликой радости.

Архїерей какъ скоро его увидѣлъ, шо и спросилъ: ну, рѣшилъ ли шы свою задачу? Съ превеликимъ успѣхомъ, Ваше Преосвященство, ошибчалъ онъ Архїерею. Вы изволили спрашиванъ, у Ноя было три сына, Симъ, Хамъ и Афешъ, кто имъ отецъ. Да, ошибчалъ ему Архїерей. Дьячокъ ему говорилъ: ну шакъ я вамъ сказываю, нашего села Василей кузнецъ. Преосирая эша голова сдѣдала шо, что Архїерей захохоталъ изо всей силы, и всѣ, кто шунѣ ни былъ не могли удержанъ онъ смѣху. Пересмѣявшись спросилъ у него, въ какомъ онъ лѣпописцѣ сыскалъ шакую правильную родословную.

Жена моя мнѣ сказывала, опвѣчалъ онъ; а она дѣйствительно знала этого кузнеца и всѣхъ его домашнихъ. Потомъ спрашивалъ Архїерей у снорящаго туна священника, какъ должно поступить въ такомъ случаѣ, ежели упадеши въ дары муха? Священникъ гворилъ: сложивъ два перся, избяни ее, вложиши во ушна, обсосаши и выплюнуши въ укромное мѣсто; а ежели совѣсть не зазриши, то и проглотити. Ну, а у себя ежели случится, что упадеши быкъ въ свяную воду, спрашивалъ Архїерей у снавленика, какъ ты съ нимъ поступиши? Сложивъ два перся, опвѣчалъ дячокъ, избяни его, вложиши во ушна, обсосаши и выплюнуши въ укромное мѣсто, а ежели совѣсть не зазриши, то и проглотити. Архїерей сказалъ ему на это, что онъ опасенъ буденъ для общесва, ежели снаниши глошати по цѣлому быку въ одинъ разъ. Иши, другъ мой, примолвилъ онъ, ты имѣеши весьма высокое понятіе, и такъ совѣную тебѣ лучше быти астрономомъ, нежели астрономъ; наши ты лучше землю днемъ, а ночью примѣчай движеніе планетъ, а вольбо какой-нибудь басенной богъ

вмѣстивъ тебя въ небо, и сдѣлаю новое созвѣздіе подъ именемъ дурака; и шакъ не велѣлъ ему бышь и дьячкомъ не шолько попомъ.

Концеѡ въшораго вечера сказокъ моего шоварища.

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЪ 28.

Скупой и воръ.

Въ шарину гораздо было больше скупыхъ нежели мошювъ, а нынѣ ихъ умалилось, по шому чшо другихъ умножилось. Не далеко ошъ Москвы въ богатомъ селѣ жилъ одинъ помѣщикъ, кошорой слишкомъ не шорованиъ былъ выдавашъ свои деньги, и больше былъ охотникъ собирашъ, нежели расходъ дѣлашъ. Онъ имѣлъ сына не весьма шараго лѣшами, кошорому въ ошцовскомъ имѣнии превеликая была нужда; однако находилось оно въ шакомъ мѣсцѣ, изъ кошораго невозможность не позволяла вы-

няпль ни одной копейки, а именно; спря-
шано оно было въ каменной и крѣпкой
кладовой палатѣ, хотя правда, что
палата эта стояла наружѣ, но деньги
были внутри, кощорыя производили ве-
ликую охоту въ сынѣ къ расхищенію; а
онѣ уже и имѣлъ къ шому хорошей спо-
собѣ, ибо былъ онѣ влюбленъ въ такую
бездѣлу, кощорая бы не замѣщкалась по-
любвишь его и сама, ежели бы досналъ
онѣ ошцовскіе пожнишки.

Человѣкъ заботливой никогда не
имѣетъ покоя, и всегда думаетъ о про-
изведеніи намѣренія своего въ дѣйство.
Молодой господишъ швердо предпріялъ
убавишь у родишела своего пожнишку,
и шакѣ сказалъ онѣ это своему слугѣ
и далъ ему полную власишь надѣ своимѣ
ошцомѣ, а ошѣчаниш за него вознамѣ-
рился самѣ. Слуга эшошѣ былъ весьма
способенѣ исполняишь шккія приказанія,
и хотя назывался человѣкъ господской,
однако въ самой вещи былъ пресшесш-
вепной плушѣ. Онѣ очень скоро рассу-
дилъ, что надобно ему дѣланишь; пред-
пріялъ убишь шшараго боярина, шшобѣ
шѣмѣ скорѣе получилъ сынѣ его наслед-

снво , однако спина располковала ему, что она на это не согласна ; и такъ предпріятіе это брошено , однако не много замѣшкавшись выдумано другое : разумная его голова опредѣлила такъ, чтобъ сдѣлать подѣ денежную крѣпость подкою , и такимъ образомъ присту- пили къ осадѣ. Инструменты и начало дѣйсва послѣдовали немедленно ; онъ началъ рыть землю въ близко стоящей банѣ , и шѣмъ доходитъ до всего пред- пріятія.

Въ шрній день , когда онъ шру- дился по обыкновенію, шаская ночью зем- лю въ рѣку , и когда ошнесъ онъ пошу, и пришелъ въ свою яму , кошорая была въ передбанникѣ , услышалъ въ банѣ маленькой шумъ , такъ какъ бы шеп- талъ Купидонъ съ Венерою ; руки его опустились, и голова наполнилась шра- хомъ ; онъ не подумалъ , что зашли въ баню любовники, а предшавлялось ему, что присушествующіе шумъ домовые, ко- торые ворами хоня и великіе прѣшели, однако прежде , нежели они съ ними познакомятся , то шрусилъ ихъ такъ, какъ и честные люди. Чибъ избѣжашъ такой бесѣды, полѣзъ онъ изъ ямы, и

и хопѣвъ уйши домой; однако прусосиѣ обрушила его сверьху внизь, онѣ полешѣвъ сбранно и закричалѣ сшоль громко, чшо сидѣвшіе двое въ банѣ испужались, и предпріяли спасшися бѣгомѣ. Какѣ шолько выскочили они изъ бани, шо врюшшилися оба въ онкрышнюю яму. Всѣ равно ушиблись, всѣ равно испужались, и для шого всѣ равно и кричали. Слуга полегче былѣ шѣхѣ двухѣ на ногу, и для шого выскочилѣ изъ ямы попровориѣ, и прибѣжалѣ безъ памяти домой, гдѣ однако боялся сказаншя о приключеншя; и шакѣ побезноковшшисъ маленько уснулѣ. По ушпру когда не нашли сшраго господина во всемѣ домѣ, шо онѣ онгадавалѣ прежде всѣхѣ, чшо его благородіе изволилѣ вчера унасшя ѣ въ яму и ондавшшя усерднѣму слугѣ голову. Онѣ нашелѣ его прежде, и шакѣ сѣ помощью другихѣ вышацилѣ безчувствешеннаго изъ ада въ Зевесово владѣніе. Домашніе всѣ радовались, чшо обрѣли своего господина, шолько сынѣ его ѣ въ это время находился задумчивѣ, и пенялѣ иногда своему слугѣ, для чего онѣ не придавилѣ его ѣ шой ямѣ, въ кошорую шарикѣ везлиася весьма

беззаконно ; они знали , что эпонъ съдой и беззубой Купидонъ входилъ въ баню для эмура , но только того не вѣдали , какого сорша была его Лукреція , и кпо она шакова.

Онъ любви , онъ сираха и онъ наде- нѣя въ яму пожилой шаричокъ къ сле- замъ домашнихъ и къ радости сыновней ончаянно занемогъ. Сынъ къ услугамъ больного опредѣлилъ сего слугу , копо- рой усердно наблюдалъ должносшь ле- каря ; и ежелибъ изгошовлена была ду- ховная , шо ужъ бы давно началась по больномъ вѣчная памянь : однако онъ самъ ускорилъ своєю кончиною. Сколь онъ ни болелъ былъ , однако не по- ручалъ никому ключей , ни печати онъ кладовой ; и для того , когда кошѣлъ спашь , шо ключи привязывалъ къ шеѣ , а печать клалъ въ рошъ. Уснулъ онъ къ несчастію своему очень сладко , ле- жавши навзничъ и разнуувъ рошъ. Слуга прибравши къ шому удобной инстру- меншъ , кошѣлъ пошпихоньку вынушь изъ - за щеки печать , задѣлъ ее и по- шащилъ , но она сорвалась , и упала шарикку въ самое горло. Все въ одинъ

акколѣпѣ сдѣлано было больше для славы сыновней, нежели для достоинства ошцовскаго. Мершвые какъ бы знашмы ни были, однако не требуютъ уже излишняго почтенія.

Печальной сынъ не думалъ ни о чемъ больше, какъ о свадьбѣ. Въ шонѣ же день началось въ домѣ прѣугошвление прямо по деревенски, для того чшо живучи въ городѣ конечно бы онъ усовершеншился и не такъ бы скоро прислушалъ къ свадьбѣ, но въ деревнѣ никакъ не примѣчалъ господскихъ послушанъ; и такъ разума онъ не послушался, котораго было у него весьма безъ излишку. Къ вечеру невестна съ женихомъ условились, а на другой день къ обѣду и обвѣнчались. Свадьба была веселѣе, чѣмъ похороны; ибо шумъ испрачено больше денегъ, нежели шамъ. Новобрачной не жалѣлъ ошцовскихъ денегъ, и спрашилъ ихъ сколько прилѣжно, сколько прилѣжно ошецъ его ихъ сохранялъ. Винное празднество, на конецъ успокоило гостей и домашнихъ; все легли спать въ разныхъ мѣсцахъ и разными манерами; иные подражали молодымъ, а другіе спали и безъ того спокойно. Словомъ, весь домъ находилъ

Часть II. I

оя въ великой тишинѣ, и больше никто не прислушивовалъ шумъ, какъ Сомнъ и Морфей.

Въ серединѣ ночи проснулся одинъ слуга, или можетъ онъ и не спалъ; предпріавъ шакое благое намѣреніе, конечно сонъ не пойдешъ уже на умъ. Онъ опредѣлилъ еще съ вечера пошревсжишь нѣсколько покойника, и обобрашъ съ него плашье; ибо онъ думалъ, что на шонъ свѣшъ и безъ кафшана появишься можно; и шакъ опправился къ могилѣ. Пришедъ шуда, хощя и не безъ шруда, однако разрылъ ее, и выпацилъ покойника, хощя не на бѣлой, однако на эшошъ свѣшъ; обобралъ его, и хощѣлъ бросишь опяшь въ могилу, однако воровское челошѣколюбіе не допусшило его до сего намѣренія. Онъ пошнавивъ шѣло подлѣ могилы, шокнулъ его въ запылокъ шполь шправно, что опшшибъ печать, кошпорою покойникъ подавился. Мершвецъ изъ всей шилы закричалъ, охъ! У; вора подкосились шоги, и упали они обѣ въ могилу, гдѣ лежали очень долго безъ памяни. Накомецъ покойникъ образумился прежде живаго, и попомъ вздумалъ о своей кладовой; вылъзъ весьма поспѣшно изъ ямы,

и побѣжалъ домой. Прибѣжавши къ дверямъ своей поклажи, нашелъ ихъ запертыми и безъ печали; бросился искать своего сына, чшобъ взять у него ключи; и когда вбѣжалъ онъ въ спальню, то молодая въ то время не спала. Увидѣвъ мершвеца испужалась она сполько довольно, что сошла съ ума и отправилась на шопъ свѣшъ. Старикъ подбѣжавши къ сыну, началъ дергашъ весьма не полищично. Молодой князь расшворивъ глаза, и увидя мершваго передъ собою ошца, вскочилъ и наполнилъ весь домъ ошчаннымъ крикомъ, бѣгалъ вездѣ, и призывалъ всѣхъ себѣ на помощь; старикъ за нимъ гонялся; пьяные госши пробужались со шрахомъ, и бѣжали всѣ изъ деревни такимъ образомъ, какъ и кре шьяне. Въ то время шушъ находился армейской Офицеръ, коншорой не совсемъ еще проспался, и для того не испужался сполько, какъ другіе; бросился онъ въ шу горницу, гдѣ находились ружья, подхваша одно, зарядилъ его пулею, и когда бѣжали живой сынъ съ мершвымъ ошцемъ по двору мимо окна, то онъ выпрѣлилъ, и для прекращенія всего шраха заспрѣлилъ ихъ обоихъ.

Правда, что похоропишь ихъ сьскалось довольно людей, но только сожалѣнъ было нѣкому.

Въ семъ домѣ сираху больше было, нежели при разореніи города Трои. Троицкии побѣждены въ городѣ, а шуиъ все крестыяне бѣжали дни съ чешыре по лѣсамъ, и нѣкошорые изъ нихъ хопѣли сдѣлавшись ошъ сираху нусшынниками. Сыновній слуга сожалѣя очень много о своемъ господнѣ, предпріялъ было умереть по ушру, однако къ вечеру раздумалъ, сказывающъ для шого, что послѣ покойниковъ наслѣдилъ имѣнше человекѣвъ весьма шорованой, кошорой имѣлъ модной разумъ и щегольское разсужденіе.

Такимъ образомъ окончилъ шоварищъ мой шрешій вечеръ.

ГЛАВА XIX.

ВЕЧЕРЬ 29.

Великодушной Рогоносецъ.

Хопя многіе сомнѣваются, что будио подьячше не шѣмъ богомъ произведены на свѣшъ, кошорымъ и все люди;

однако сомнѣніе ихъ почитаю я весьма язвительною насмѣлкою, и утверждаю, какъ это и все знаюшѣ, что они производяшѣ также, какъ и мы, онѣ первороднаго Адама, по тому что нынѣ видимъ мы изъ нихъ очень много честныхъ людей; а что исполняется надъ ними пословица: *Всѣмъ не сѣзъ урода*, но этому все не виноваты. И какъ вздумалось мнѣ теперь, осматривѣ честныхъ людей въ покой, поговорилъ объ одномъ приказномъ служивелѣ, который съ шѣхъ поръ, какъ запрещали брань взятки, началъ раздавать деньги свои въ проценны, но есть торговать шѣмъ, на что никогда цѣны не прибавляется.

Во всякомъ городѣ бывающѣ по нѣскольку мошеннѣ, а въ сшолитныхъ бывающѣ ихъ иногда и слишкомъ. Изъ этого числа шорованныхъ гражданъ занялъ нѣкто у приказнаго служивела ириси червоныхъ; куда онѣ ихъ употребилъ, объ этомъ я не знаю. Сказываютъ нѣкоторые, что посланы они на вѣрную каршу; однако мнѣ до этого дѣла нѣшѣ, а нужда въ томъ, что долженъ онѣ заплашнѣ, ежели не хочѣшѣ познатьшѣся съ шюрмою. Дѣло обошлось безъ суда, и

вαιοодавецѣ промыслилъ деньги, и по-
слалъ ихъ съ слугою въ шонѣ привазѣ,
въ конпоромѣ засѣдалъ его вαιοодавецѣ.
Слуга вышнупя на вольной свѣшѣ, началъ
разжизаннися духомѣ, смонря на свѣшную
монешу. А какѣ Дьяволѣ никогда не дрем-
ленѣ, и мѣшаенся во всякїя дѣла; шо
чиобы погубиши человѣка, присуеѣдился
къ нему, и началъ склоняши его не къ хо-
рошему, а къ дурному. Слуга зналъ швердо
сїю пословицу: *Д-мги дѣлѣтъ и пѣленѣ,* и
шакѣ предпрїялъ за нихъ подисбиши на
время какую-нибудь госпожу: а какѣ зно
произвесни вѣдѣйшво, шо Дьяволѣ пред-
дагалъ ему многѣ спѣобы, и не он-
сшавалъ онѣ него до окончанїя дѣла.

Денежной любовникѣ наименовалъ се-
бя Селадомѣ, предпрїялъ нѣсколько воз-
гордишиши прошивъ нѣжнаго женскаго
пола по примѣру Пешимешровѣ. Чшобѣ
шѣмѣ удобнѣе исполниши свое намѣренїе,
пошелъ искаши хорошей улицы и шакже
изряднаго двора, въ конпоромѣ вознамѣ-
рился опорожниши карманы. Очнѣ не
шрудно было ему найши хороший домѣ
и шакже прекрасную хозяйку. Пришедши
къ корошамѣ съ позволенїя Дьявола на-
чалъ онѣ спшучатися. Вышла дѣвушка,

которыя иногда занимающъ должность Меркурія, и спрашивала у него, кого ему надобно. Есильли у васъ госпожа, спрашивалъ новомодной волокища съ гордымъ видомъ, будно бы онъ презиралъ служанку. Дѣвушка показала вопросъ эионъ весьма не хорошимъ; эио она извѣявала паружнымъ видомъ, а внушренно моженъ бышь и радовалась. Я хочу ее полюбишь, продолжалъ бодрящійся щоголь, и послѣ за любовь ся подарить ей шри сиа червоныхъ; я всегда шакъ дѣлаю, да и ны шакже должна буденъ ожиданъ моей благосклонности. Дѣвушка нѣсколько засныдилась, и не ошвѣчая ему ничего хлопнула ворошами, и побѣжала въ горницу. Хозяйка спросила ее, кшо шамъ случался, на чпо безъ великой шрусости не могла она ошвѣщивованъ, и произвела въ госпожѣ шѣмъ великое любопытство, кошорая привудила дѣвушку, чнобы она сказала, кпо шамъ случался, и чего онъ спрашивалъ. Увѣдомившись обо всемъ молодая госпожа усмѣхнулась, и приказала привести его къ себѣ, чнобъ надъ нимъ посмѣянься. Не надобно было его догоняшь, для шого чно олъ не пошелъ безъ ошвѣна онъ ворошъ. Ввелъ

въ горячку, и госпожа спрашивала его о намереніи, которое онъ выговорилъ весьма ясными словами и безъ всякой заискичивости; и когда начался у госпожи со слугою прѣшельской и знакомой разговоръ, то дѣвки шопчасъ примѣтили свою ошибку въ томъ, что имъ не должно было шумѣ присущевивованіи, и какъ одна за одною и всѣ выбрались вонъ. Три спа червонныхъ лежали уже на столѣ, и госпожа съ слугою познакомились. Все было сдѣлано въ одну мишушу, и хозяйка приказала сказать своему мужу, когда онъ прѣдеишь, что она больна, и чтобы онъ ее не беспокоилъ. Это и правда: мужъ разумѣлъ полипику, и былъ весьма учинвой человекъ въ разсужденіи жены, но есшъ, боялся ее пошревсжини дѣлые два дни. На шреній день выпросилъ у нее позволеніе поговорить съ дею; она приказала снѣяшь ему въ другой комнашь, и проигралъ что-нибудь плачевное на скрипицѣ. Безчасной мужъ наспронвъ несчастной испруменшь, заигралъ самое лучшее соло, думая, что увеселяешъ шѣмъ свою супругу; однако онъ обманулся. Она во время игры ощущала лучшее увеселеніе; и когда сказала

ему супруга, что довольно онъ увеселился, тогда музыкантѣ поѣхалъ куда ему было надобно.

Ешонѣ день былъ распаванія нашихъ любовниковъ; и ежелибы въ то время былъ я съ ними, то бы конечно не преминулъ сдѣлать элегію; однако они разсѣлись прозою безъ всякаго стихотворства. Наставшее утро называлось Воскресеньемъ; слуга по очищеніи пошелъ въ соборную церковь къ обѣдни умолять о своемъ грѣхѣ, и просить не шакъ жестокаго наказанія, которое изгонювалябъ ему гнѣвъ господской. Пришедши въ церковь, сшалъ онъ промежду крылосовъ, и началъ прежде всѣхъ молиться съ шеплымъ и усерднымъ прилѣжаніемъ даже до лица земнаго. Сшрахъ и сшина предъ шницца плешей и великаго исшизанія проливали изъ глазъ его горячія слезы, шакъ что всѣ люди пришли о немъ въ сожалѣніе. Послѣ сихъ слезъ началъ онъ закрытьшя шляпою смѣянься, и послѣ ошянь плаканъ, шакъ что всю обѣдню пребывалъ въ смѣшупражненіи, и сколько ошчаянно плакалъ, сколько или больше еще времени смѣялся. Такое чудо привело мно-

гихъ въ любовныя спсво , изъ которыхъ одинъ по окончаніи обѣдни приказалъ своему слугѣ , чшобы онъ подвелъ молещца къ нему ; и когда онъ подошелъ , то спрашивалъ у него господишь причину такой чрезвычайности. Ошчаянной слуга увѣдомилъ его обо всемъ , и прибавилъ еще къ шому : я не могу удержаться онъ слезъ , когда вспомню о моей винѣ , и шакже онъ смѣху въ шо время , когда приходилъ мнѣ на память музыканшъ , конорой игралъ во время моего пированія. Спрашивашель изумился , какъ будто бы къ нему эшо принадлежало , и не могъ ему шивѣчать ничего больше какъ шолько , чшобы онъ шналъ назади его карены , и поѣхалъ къ нему домой. Очень скоро прѣѣхали они къ ворошамъ ; у любовника нѣсколько позашряслися ноги , задрожало сердце , и показался холодной потъ на лбѣ. Онъ ни мало не мѣшкая узналъ , чшо эшншъ шешъ домъ , въ коноромъ онъ упражнялся въ любовныхъ цешмоніахъ. Вѣхавши на дворъ и ко крыльцу , господишь вышедши изъ карены гвалъ привеленато гешни за руку и повелъ къ покой , гдѣ сказалъ ему , чшобы онъ ничего не опаселся ; приказалъ женѣ своей по-

цѣловать его, и принявъ какъ надобно
 госня. Покамѣнѣ собирали на снолѣ,
 хозяинѣ повелѣ его по покоямъ, желая по-
 казать ему оныя. Теперь шы легко мо-
 жешь, говорилъ хозяинѣ, увидишь шего
 музыканша, кошорой по несчастію своему
 забавлялъ васъ веселыхъ. Пошомѣ пошам
 они къ снолу, за кошорымъ обѣдали
 шрое, обиженной господинѣ, пренециуша
 любовница и довольной своимъ соснолѣ-
 емъ слуга. Послѣ продолжительнаго сно-
 ла хозяинѣ велѣлъ, чшобѣ привезти чер-
 вонцы, кошорые были ни мало не попор-
 чены. Хозяинѣ просилъ у госня, чшобы
 онѣ пожаловалъ двашцать илии конфетъ
 музыканшу, шакже и назмнои красавицѣ
 обыкновенную цѣну, а ошальные двѣени
 девяносто девашъ червонцовѣ съ мѣдками
 приказалъ положить любовнику въ кар-
 манѣ, и послѣ подалъ вексель, чшобы
 онѣ ошисѣ господину своему. Скажи ему,
 говорилъ онѣ, чшо деньги я получилъ, и
 посылаю къ нему вексель, а деньги шы
 возьми себѣ, и пошѣ шибѣ еще писмо,
 кошорое онѣ написалъ весьма пошѣшно;
 я въ немѣ просилъ его, чшо удержалъ ше-
 бя за мою нуждою. Въ прочемъ же дол-
 жнѣ шы поминишь мое благодареніе ко-

порое я тебѣ теперь сдѣлалъ, и въ благодарность отъ себя ничего больше не желаю, какъ только чтобы ты никому не сказывалъ объ этомъ приключеніи, или лучше о моемъ несчастіи; я знаю, что ты въ этомъ не виноватъ, а виноватъ случай и вѣрная моя супруга. Поди теперь домой, и ничего не опасайся.

Обрадованной слуга вышелъ на улицу, не зная, какъ освободиться отъ удивленія. Онъ не зналъ приказнаго служившаго, къ которому былъ посланъ, и также не вѣдалъ, гдѣ онъ и живешъ; и такъ печальный этотъ случай великое произвелъ въ немъ размышленіе, и наконецъ неописанную радость. Онъ прыгалъ и думалъ по улицѣ, воображалъ, что избавился отъ бѣды, въ которую ввалился самопроизвольно, досматривалъ черезъ любовь счастье, кушалъ съ господами, полны карманы денегъ; словомъ, радовался столько, что еще ни одинъ человекъ не ощущалъ такой радости. Пришедши къ господину, не смѣлъ не только бить, но иже бранить; вслѣдствіе съ нимъ счастье и не ощущавало до конца его жизни.

Въ этотъ вечеръ другой онъ не узналъ, но въ слѣдующій.

ГЛАВА ХХ.

ВЕЧЕРЬ 30.

Дьяволъ и отчаянной любовникъ.

В древнія времена Дьяволы гораздо были помыславе, нежели нынѣ; они въ ту пору не только въ домахъ, но и на улицахъ дѣлали великія проказы: а нынѣ гораздо они присмирѣли, можетъ быти для того, что умножилось у насъ слишкомъ забіякъ, кошорые кажутся иногда страшнѣе самаго чорна. Нѣкогда въ вечернее время послѣ самаго прекраснаго дня прохаживался по улицѣ одинъ весьма забавной Дьяволъ, и вдругъ услышалъ, что хлопнуло очень громко, такъ что раздалось по всей улицѣ; онъ поспѣшалъ къ шуму мѣшу, гдѣ родился шумъ ударъ безъ молнии и безъ грома; нагналъ онъ человѣка, копорой шелъ весьма тихими шагами, и придерживалъ правою рукою лѣвую щеку, и казался весьма въ великой досадѣ. Дьяволъ принявъ на себя видъ человѣка, спрашивалъ его учливымъ образомъ о причинѣ его размышленія. Я очень несчастливъ, говорилъ онъ со слезами Дьяволу; ежели бы

шелъ за нами, продолжалъ онъ, по конеч слышалъ, какъ въ пространномъ воздухѣ раздалось громкое эхо; это любовница моя въ знакъ своего низхожденія со всего размаху пожаловала мнѣ пощочину, онъ кошорой у меня посыпались изъ глазъ искры; щека моя и лайковая ея перчатка весьма сшукнули громко. Это правдъ, говорилъ ему Дьяволъ, что пощечина не шибъ вкусна, какъ мирсболанская слива; да что поному причиною? и для чего это сдѣлано? Ежели ты хочешь, ошебчалъ онъ ему, то я шибъ расскажу все мои приключенія.

Я родился въ Асраханѣ; ошецъ мой былъ винной компанейщикъ, кошорому весьма задалось шакимъ ремесломъ накопиль денегъ, только съ нѣкошорою обидою другимъ, чего однако никакъ не примѣчалъ, или боялись ему выговаривать. Онъ имѣлъ въ двухъ городахъ по приицани домовъ, шакже по спольку или слишкомъ лавокъ. Когда я началъ приходишь въ возрастъ, то онъ любя меня много давалъ мнѣ волю во всемъ, даже и въ самомъ себѣ; что я ни дѣлалъ, меня за то не наказывали. И шакъ шакое воспитаніе сдѣлало во мнѣ

анципатію какъ къ моему отцу, такъ къ винной компаніи, и на конецъ ко все-
му купечесству, а произвело великую с-
хому гонать голубей. Тогдашъ поширо-
или мнѣ бушку, и начали закупать го-
лубей сошнями, а не десяшками. Нѣкогда
упражнялся я на бушкѣ въ семь благо-
родномъ поведеніи, шо вошелъ ко мнѣ я
мой родишель; онъ взогналъ больше го-
лубей, нежели я хотѣлъ, и шѣмъ меня
разсердилъ нѣсколько, и къ пуцему еще
моему гнѣву многихъ расширалъ. Я его
споткнулъ съ бушки, и шѣмъ ошправилъ
на шонѣ свѣшѣ. Сидѣшелей не было, а
самъ сдѣлашся виноватымъ я не хотѣлъ;
и такъ дѣло прошло безъ всякой съ су-
домъ размолвки, и еще больше, безъ мо-
его сожалѣнія. По кончинѣ моего роди-
шеля не прилѣнился я къ купечесству,
хотя многие меня къ тому и принужда-
ли, а прилѣнился къ хорошимъ винамъ,
и началъ уже гонать съ двора деньги вмѣ-
сто голубей. Веселое время произвело
мнѣ многихъ знакомцовъ, между кошо-
рыми былъ одинъ дворянинъ. Онъ мнѣ
сдѣлался другомъ, и предпріялъ бышь
участникомъ моего счастья; предложилъ,
что надобно мнѣ ѣхать въ Москву, и

искать тамъ благородной должности. Я послѣдовалъ сколько мудрому совѣту; и шакъ забравши съ собою довольно денегъ, прѣехали мы съ нимъ шудъ. Нашелъ я хорошій домъ, и купилъ каренъ, и словомъ, сдѣлался какимъ - нибудь господиномъ.

Живучи здѣсь съ мѣсяцъ не болѣе, попалась глазамъ моимъ эша прекрасная особа, кошорая наградила меня шеперь оплеушиною. Я началъ приносить ей денежную жерпву и возжигашъ золошюй онмиамъ передъ ея глазами; она принимая все сіе благосклонно, позволяла мнѣ передъ собою воздыхашъ, а больше ничего. Пріятель мой былъ въ эпомъ дѣлъ переносчикомъ любовныхъ сказокъ и амурныхъ произхожденій; онъ всякой день меня обнадеживалъ, а я старался усерднѣе перевозить къ ней мое имѣніе. Два года находился я въ семъ упражненіи, и наконецъ шеперь уже нѣчего и несиши, а не шолько весиши. Искренній мой другъ шеперь меня оснзвилъ, и приказалъ, чшобъ не пускали меня къ нему и въ домъ. Онъ сдѣлался шеперь богашъ, и ѣздишъ въ моихъ кареняхъ, а я хожу пѣшкомъ. Сего дня въ вечеру, чшобъ разогнашъ

вою печаль пошелъ я нѣсколько прогулявшись. Идучи по этой улицѣ увидѣлъ, что любовница моя съ моимъ пріятелемъ также проливается. Я пообыкновенію, какъ и всегда дѣлалъ, подбѣжалъ къ ней поцѣловаться; но только что пропнулся губы, но она вмѣсто поцѣлуя наградила меня пощечиною, оиъ конторой еще и теперь рѣжется несчастная щека моя, а пріятель мой послѣ того примолвилъ своимъ слугамъ, чтобъ они меня нѣсколько пошвели, которые проводили меня жени съ двѣ одинъ ладомъ, а другой кулакомъ; или можетъ быть и двумя, этого я не понялъ, только чувствовалъ, что они уговаривали меня очень плотно въ запылокъ. Вотъ о чемъ я теперь грущу, примолвилъ оиъ Дьяволу. Справедливо, говорилъ ему другой, что ты долженъ теперь печалиться, и досшой еще сожалѣнія; я хотя не человекъ и не чмѣю плоти, также и сожалѣнія, однако соглашусь тебѣ помочь. Какъ, ты Дьяволъ, спрашивалъ у него любовникъ? Да, Дьяволъ, да еще и самой забавной; меня всѣ адскіе жищели любяиъ, а люди ненавидяиъ; я хочу тебѣ помочь въ своей печали, спудай за мою.

Часть II.

К

Опчаянной человекѣ не только опѣ людей, но и опѣ самаго Салпаны гошовѣ принимашъ вспоможеніе, а особливо въ любовныхъ дѣлахъ, въ конскрыхъ, говоришъ проспой народѣ, всегда должно призывашъ въ помощники Дьявола, а ни ково другаго; и шакѣ послѣдовалъ онѣ Дьяволу. Пришедши къ дому любовницы, бѣсѣ опнялъ у' него образѣ человекѣ, и обрашилъ его мухою, и шакѣ влещѣли они въ ея спальню. Она сидѣла на кровати, а любовникѣ ея новой и другѣ сшараго подлѣ ея на стулѣ. Они разговаривали очень ласково, и наконецѣ какѣ дошло дѣло до осязанія, шо вкочилъ онѣ, и сѣлъ подлѣ ея на постелѣ, началъ обнимашъ ея и цѣловашъ въ груди, чему она нимало не противилася. Женщина когда одна гдѣ-нибудь сѣ мужчиною, шо всегда забывашъ сопротивленіе, и дѣлаешъ безсильнѣ Сильфы. Распаденной кровію любовникѣ сѣ преедливою любовною жадностію хощѣлъ поцѣловашъ ея въ горячія ушна; но лишь шолько чшо прошинулъ онѣ свои губы, шо спящій между ими дьяволѣ напшинувѣ большой свой палецѣ щелкнулъ его по носу сшоль исправно, чшо красавица

закричала , а онъ вскочилъ съ постели , и возопилъ совсѣмъ не любовничьимъ голосомъ ; вынулъ плашокъ и началъ опираться кающіяся неволею изъ глазъ слезы ; а какъ не знали они оба , какъ располковавъ это приключеніе , по вскорѣ оба и замолчали . Правая ноздря у любовника гораздо разгоралась , и шакъ , чтобъ не проспудить ее , приказали подать чаю . Въ одну минушу принесли жаровню и въ мѣдномъ сосудѣ кипятокъ . Красавица спараясь , чтобъ чѣмъ-нибудь исцѣлить своего прелестника , подала ему чашку очень горячаго чаю ; и какъ только хотѣлъ онъ изъ нее прихлебнуть , но дьяволъ шкнулъ его въ зашылокъ , и онъ окунулъ свой носъ , бросилъ на полъ чашку и побѣжалъ къ зеркалу . Любовница захохотала , и шѣмъ рассердила своего Адонида ; однако въ такомъ сердцѣ , которое любовью заражено , досада бываетъ не долго ; они скоро помирились , и прежде всего начали спараться о обожженномъ носѣ . Любовница обернула его маленькимъ полотенемъ , и завязала ленточкою ; взявши ножницы хотѣла поближе опрѣзать ленту , но вмѣсто того выколола ему глазъ ,

ибо Дьяволъ подтолкнулъ ее подъ локотки. Тушъ - шо овладѣла досада нашимъ Селадономъ, и онъ не принимая онъ нее никакого оправданія, уѣхалъ домой. Красавица осталась въ опчаяннн, и не знала, что о шомъ подумать. Домашніе всѣ не меньше ее сомнѣвались; однако сколько ни думали, шолько наконецъ уснули; ибо была уже эшо глубокая ночь. Дьяволъ и опчаянной любовникъ выбрались на улицу, и сдѣлались оба человекѣми; прямой человекъ захохоталъ во всю мочь, и благодарилъ почти со слезами онъ смѣха Дьявола. Пойдемъ же шеперь къ нему домой, говорилъ ему бѣсѣ; я шамъ покажу тебѣ больше надъ нимъ шушки. Хотя любовникъ и уговаривалъ его, что эшого для него довольно, однако Дьяволъ не соглашался оставишь свое предпріятіе и такъ опправились они въ домъ къ кривому Селадону.

Когда они пришли шуда, и обратившись опяшь въ малыя пивари, спали невидимы, шо Дьяволъ вмѣшавшись между больнымъ и лекаремъ, копорой тушъ уже находился, и не давалъ ему ни мало пользоваться больнаго, смѣшивалъ пластыри съ мазьми, спиралъ неадабное съ

надобнымъ, и словомъ, дѣлалъ ему всѣ-
 кѣи пакости, чего лекаръ услужавшись
 ушелъ и оставилъ больного. Послѣ того
 принялся его лечить. Дьяволъ и не сколько
 пользовалъ, сколько безпокоилъ. Боль-
 ной поднялъ великой шумъ, и кричалъ
 какъ бѣшеной. Дьяволъ его больше без-
 покоилъ, а онъ больше сердился. Слуги
 видя, что господинъ ихъ рехнулся умомъ,
 предпріяли помочь ему; и шакъ принесли
 веревку и ею его опушали, онъ чего при-
 шелъ онъ въ несказанную запальчивость.
 Слуги побѣжали за роднею; и когда они
 собрались, то знающіе свѣтъ женскихъ
 приказали сбѣгать за попомъ. Священ-
 никъ пришедши началъ чинить надъ
 нимъ обыкновенныя молишбы. Дьяволъ
 сдѣлалъ его въ подлинну сумасшедшимъ,
 и дни не болѣе какъ въ пиръ, отпра-
 вилъ на шопъ свѣтъ. Живность его по-
 гасла, и любовь съ нею поухла. Прія-
 тель въ дьяволъ возвѣдалъ въ семъ слу-
 чаѣ надежду, и просилъ бѣса, чѣобы онъ
 пособилъ ему получить любовницу. Бѣсъ
 къ его услугамъ, и началось предпріятіе,
 дьяволъ говорилъ ему, надобно мнѣ сви-
 грашь и съ нею комедію, безъ которой
 обойшися способовъ я не вижу. Пошомъ

Дьяволъ понесъ его въ волшебной оспровѣ; шамъ силою волшебницы далъ ему образъ прекраснѣе Адонидова, и наполнилъ его всякими нѣжностями.

Попомѣ когда настала ночь, по велѣнью ему лечь на волшебницыну постелью, и принесъ сонную его любовницу, кошорая проснувшись увидѣла себя со-всѣмъ въ незнакомомъ и великолѣпномъ мѣстѣ, чему весьма удивилась; но удивленіе ея умножилось, когда увидѣла она спящаго подлѣ себя мушину. Прелести его лица опогнали весь ея страхъ, съ кошорымъ было она нѣсколько познакоми-лась; вснавши въ постели начала его разсмаширивать, и не долго надобно было времени, чшобы влюбилась въ него смерпельно. Сонной кавалеръ всналъ, только не въ презвомъ умѣ; ибо Дьяволъ сдѣлалъ его лунатикомъ, взялъ въ руку висящую на шнѣнѣ шпагу, зачалъ говорить нѣкошорыя сумазбродныя слова, и гоняшся за своєю любовницею, кошорая ошъ страху не знала, куда спряшашся; кричанъ ей было не возможно, по шому чшо не знала она, гдѣ находишся; и шакъ всю ночь была въ шакомъ преве-

лицомъ спрахъ. Наконецъ рыцарь легъ , и ее склонилъ сонъ; проснувшись увидѣла она себя опять въ своей горницѣ. Сердце ея билось еще отъ страха; однако и любовь не меньше господствовала въ ономъ; и шавъ положила молчанье и не сказывашь никому , чего она сама не понимала.

Въ насшупившую ночь боялась лечь одна , и всѣла окружить себя своимъ служанкамъ. Дьяволъ шѣмъ не былъ еще доволенъ , и перенесъ всѣхъ ихъ къ спящему Селадону, кошорой шончасъ всшалъ спать , и взявши плешь, началъ весьма усердно охлещивашь спящихъ на полу дѣвокъ, кошорыя хотя и не хощели, однако вскочили. Крикъ и вопль поднялся шончасъ ; и ежелибы не было шумѣ шемно, шо бы довольно было идеи лучшему живописцу для каршины. Дѣвушки бѣгали , прыгали , и словомъ , шанцовали шакъ , какъ искусной мастертъ , спрахъ научашь. Къ свѣту все угомонилась , и заснули. Проснувшись осмощались, и увидѣли себя въ своей горницѣ ; отъ бы конечно подумали , что все шо видѣлось имъ во сѣ , но спины увѣряли ихъ , что шо слѣчилось на яву.

Въ семѣ домѣ не меньше было дурныхъ переселорокѣ, какѣ въ шакомѣ, гдѣ водились домовые. Народѣ приходилѣ ош- всюду, и подавалѣ свои совѣты во время дня хозяйкѣ, а къ ночь всякой уходилѣ домой, для того что сказываюшѣ, будто чернѣ краснорѣчя не любилѣ, и прежде всѣхъ нападалѣ на шѣхъ, которые стараются его искоренить. Дьяволѣ намѣренѣ былѣ еще много понадеяться, однако упомянутой любовникѣ просилѣ его окончить свое предпрятіе. Они сочелались бракомѣ, жили хорошо, и сказываюшѣ, что уже скончались.

Всѣ примолвли къ этому слову, благополучна имѣ дорога на шонѣ свѣнѣ, и пошли опочивать, также и я опира- влася на свою носпелю, да думаю и сочинилѣ въ этой часни писанѣ больше ничего не будешѣ.

ВСЕ ТУТЪ.

Чубков, Михаил Дмитриевич.

Пересмещник. Москва
1789.

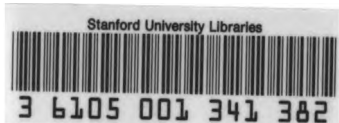
7F May 13, 5r.

PG 3311

СР

1789

Ран. Р. К. Колл.

PG
3311
.C5.
1789
v.1/

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493

grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

SEP 21 2002
SEP 21 2002

